4(c) P
Y-497

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.

~~299~~.

152524

4203.

Дирф. библиотека
Моск. ордена
Ленина
Университета

Обменный фонд
Моск. обл.
библиотек

СЕРПУХОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
ЭК
II 297
491/110
4(С)Р
4-497.

В. Чернышевъ.

УПРОЩЕНІЕ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.
II. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОПРОСА ОБЪ ЕГО УПРОЩЕНІИ.

152524

Изданіе 2-е, дополненное.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

М. кн. 2003

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1912.

СЕРПУХОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Во 2-мъ изданіи эта брошюра является, сравнительно съ 1-мъ, въ значительно увеличенномъ объемѣ, но авторъ ея преслѣдуетъ одну и ту же цѣль и держится того же способа изложенія. Онъ желаетъ представить, въ историческомъ очеркѣ, вопросъ объ упрощеніи нашей орѳографіи съ его существенной и положительной стороны съ точки зрѣнія сторонниковъ его реформы. Вотъ почему, имѣя въ рукахъ обширный матеріалъ, онъ старался однако не загромождать изложенія «полной» исторіей и библіографіей вопроса, не вдавался также въ подробную полемику съ учеными противниками орѳографической реформы,—правда, немногочисленными,—и позволялъ себѣ, наконецъ, дѣлать значительныя извлеченія изъ книгъ и статей, посвященныхъ данному вопросу. Словомъ, это не столько изложеніе «его» взглядовъ на дѣло, сколько сводъ его изученій, собраніе и упорядоченіе матеріаловъ, проливающихъ ясный свѣтъ на вопросъ. Такой способъ изложенія, можетъ быть, не выгоденъ для автора, такъ какъ при немъ онъ оказывается слишкомъ невиднымъ,—за то читатель въ этомъ случаѣ несомнѣнно выигрываетъ, такъ какъ видитъ мнѣнія въ ясномъ первоисточникѣ, а не въ пересказѣ другого лица, почти всегда болѣе туманномъ и безцвѣтномъ. Объ упрощеніи русскаго правописанія писали замѣчательные ученые, педагоги и писатели, и авторъ надѣется, что прочитавшіе эту книжку достаточно познакомятся съ «ихъ» мнѣніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ сумѣютъ оцѣнить достоинство тѣхъ доводовъ, на которые опираются противники орѳографической реформы.

I.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

Орѳографія академика Я. К. Грота. Трудность ея усвоенія.

Хотя въ современномъ русскомъ письмѣ есть небольшія орѳографическія различія, которыя нетрудно замѣтить, присматриваясь къ правописанію книгъ и повременныхъ изданій (вполнѣ исправныхъ относительно орѳографіи), тѣмъ не менѣе мы можемъ сказать: у насъ существуетъ единая опредѣленная орѳографія. Это единство въ послѣдніе годы даже нѣсколько увеличилось, благодаря появленію руководства къ русскому правописанію, составленнаго по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Оно получило оффиціальное утвержденіе, стало обязательнымъ въ школахъ и считается въ публикѣ «академическимъ». Послѣ перваго изданія «Русскаго правописанія» академика Грота, школьные учебники и грамматики выходятъ въ свѣтъ съ надписями, что правописаніе ихъ соглашено съ указаніями названной книги.

Но вопросъ русскаго правописанія нельзя считать рѣшеннымъ и конченнымъ съ появленіемъ руководства академика Я. К. Грота: 1) потому, что въ этой книгѣ ученая и педагогическая критика въ свое время указала немаловажные недостатки, которые не устранены въ ней до сихъ поръ, 2) потому, что наша общепринятая орѳографія, которая нашла въ лицѣ академика Грота законодателя-охранителя, давно признана многими компетентными судьями, и въ томъ числѣ самимъ Я. К. Гротомъ, весьма несовершенной.

Другой причиной для введенія измѣненій въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ могло бы быть появленіе новыхъ филологическихъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ орѳографіи или по вопросамъ грамматики, связаннымъ съ орѳографіею. Такія изслѣдованія были. Напримѣръ, въ трудахъ А. И. Соболевскаго найдемъ разъясненіе, какъ употреблять частицы *ка* и *жо*, что было неясно для Я. К. Грота, найдемъ указаніе на родъ нѣкоторыхъ словъ, потерявшихъ единственное число, что имѣетъ отношеніе и къ правописанію, и т. п. Ни появленіе подобныхъ изслѣдованій, ни выходъ въ свѣтъ научныхъ изданій, съ помощью которыхъ могутъ разъясниться нѣкоторые доселѣ темные вопросы нашего правописанія, напримѣръ, Словаря покойнаго академика И. И. Срезневскаго, первый томъ котораго вышелъ въ годъ смерти Я. К. Грота, — ничто

уже не служитъ теперь къ усовершенствованію «Руководства» къ русскому правописанію [1]). Это «Руководство» перестало быть теперь и академическимъ, такъ какъ Академія Наукъ не имѣетъ никакого отношенія къ установленію текста его новыхъ изданій.

Всѣ главныя замѣчанія на «Русское правописаніе» Я. К. Грота были высказаны въ свое время. Приходится только ихъ напомнить. Въ важныхъ указаніяхъ, которыя были сдѣланы Я. К. Гроту въ небольшой статейкѣ проф. А. И. Соболевскаго въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» (1885 г., № 3, стр. 156), заключено все главное, чѣмъ опредѣляются существенные недостатки орѳографіи Я. К. Грота. Признавая неправильнымъ правописаніе нѣкоторыхъ словъ, предлагавшееся новымъ руководствомъ, проф. Соболевскій ссылается: 1) на произношеніе, современное литературное и областное, 2) на исторію языка (правописаніе старыхъ памятниковъ) и 3) на звуковыя формы сходныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Авторъ «Руководства» однако настойчиво удерживалъ почти во всѣхъ словахъ, указанныхъ А. И. Соболевскимъ, собственное правописаніе, изъ чего можно заключить, что онъ недостаточно сознавалъ тѣ главныя основанія, на которыхъ должна быть утверждена наша орѳографія. И теперь въ Гротовскомъ правописаніи много словъ, которыя пишутся несогласно съ русскимъ кореннымъ произношеніемъ, сѣвернымъ, но мало обоснованнымъ соображеніямъ. Такъ, мы, сѣверяне, говоримъ: *блись*, *пискарь*, *снятокъ*, *вязига*, *сни́гирь*, *ватрушка*, *субота*, *гостинница*, *гостинный* дворъ [2]), но писать по Гроту мы должны: *близъ*, *пескарь*, *снитокъ*, *визяга*, *снѣгирь*, *вотрушка*, *суббота*, *гостиница*, *гостиный* дворъ. При этомъ нѣкоторыя изъ указанныхъ написаній совершенно не были до того времени въ обычаѣ. Въ подобныхъ случаяхъ орѳографія Грота отнимаетъ у пишущихъ первыя опоры грамотности: 1) примѣненіе въ письмѣ данныхъ живого языка (настолько это допускается существующей системой правописанія), 2) примѣненіе тѣхъ орѳографическихъ знаній, которыя мы пріобрѣтаемъ при чтеніи книгъ (при томъ же условіи).

Несмотря на значительныя исправленія, которыя вносились академикомъ Гротомъ въ новыя изданія его «Руководства», въ немъ и теперь немало написаній и указаній, допускающихъ возраженія. Напр., въ 14-мъ изданіи 1900 года находимъ въ справочномъ указателѣ:

басурма́нъ (изъ *мусульма́нинъ*): производство сомнительное;

Ва́нечка (отъ *Ва́нька*): скорѣе отъ *Ва́ня*;

---

[1]) Напримѣръ, «Словарь Олонецкаго нарѣчія» г. Г. Куликовскаго вполнѣ подтверждаетъ, что лучшее правописаніе: ватрушка, не вотрушка. «Матеріалы для Словаря древнерусскаго языка» И. И. Срезневскаго указываютъ правописаніе: визига (не визига, какъ у Я. К. Грота); согласно съ этими «Матеріалами» вполнѣ законно и написаніе *близъ* (у Грота только: *близъ*), которое указывается и живой рѣчью; приведенное въ нихъ слово *корачки* въ значеніи *корачки* не подтверждаетъ правильности предлагаемаго Я. К. Гротомъ написанія *корячки*, при которомъ въ «Руководствѣ» замѣчено: «у Гоголя неправильно: карачки». Именно, правильно у Гоголя, который взялъ слово съ твердымъ *р* изъ живого языка, и неправильно въ «Руководствѣ», гдѣ слово искусственно произведено отъ глагола «корячиться», при чемъ упущено изъ виду, что онъ слышится также и въ формѣ «карачиться».

[2]) Здѣсь приведено произношеніе Покровскаго и Юрьевскаго у.у. Владимирской губерніи.

Ва́сенька (уменьшит. отъ *Васи́лій*): конечно, отъ *Ва́ся*, какъ *Пе́тенька* отъ *Пе́тя*;

выражда́ться (ср.: Христосъ раждается);

го́рленка: почему не *го́рлинка* при *го́рлица*?

гу́лливый (при цирюльникъ и подоб. съ *ль*);

день денско́й: обычное произношеніе и написаніе *день-деньско́й*;

жестя́нный (напр. мастеръ): «жестя́нный поднóсъ, подсвѣчникъ», говорятъ, но никакой русскій человѣкъ не скажетъ: «жестя́нный ма́стеръ»; вѣдь, это выходитъ: сдѣланный изъ жести;

завѣща́ва́ть: живой языкъ и письменный давно предпочитаетъ этой книжной формѣ: *завѣщева́ть, увѣщева́ть*;

колóдецъ (*собств. колóдезь*): слово «собственно» поставлено напрасно, потому что *колóдецъ* и *колóдезь* два слова разнаго образованія;

кашлянýть: обыкновенно говорятъ: *ка́шлянуть*;

Кюмéнь (рѣка въ Финляндіи): во-первыхъ, зачѣмъ она сюда попала? во-вторыхъ, почему здѣсь необычное удареніе?

мясти́, мятýтъ: едва ли эти слова есть въ живомъ языкѣ?

назади́; назáдъ: судя по отдѣляющему слова знаку препинанія, здѣсь напрасно смѣшаны два слова *задь* и *задъ*; *назади́* происходитъ отъ перваго, *назáдъ* отъ второго; слово *задъ* съ *на* дало бы *назадъ*, какъ это и слышится иногда въ народѣ, а слово *задь* дало бы *назáдь*, какъ это видно изъ слова *позáдь*;

навстрѣчу; *наканýнь*: слова *встрѣча, канунъ дня* вполнѣ позволяютъ допустить и отдѣльное правописаніе въ этихъ словахъ;

неисчётный: чѣмъ это лучше общепринятаго *несчётный*, котораго совсѣмъ нѣтъ въ указателѣ?

óстовъ: думается, что это слово близко къ *устáвъ* и потому допустимо также написаніе: *оставъ*;

написаніе *пастила́* предпочитается формѣ *постила*, но сѣверное *пости́лка* указываетъ, что въ русскій языкъ это слово вошло съ *о*;

предъизвѣщéніе: зачѣмъ такое неупотребительное слово и откуда оно?

прóтивень (отъ нѣм. Bratpfanne): сомнительно, чтобы такое чисто русское слово происходило отъ нѣмецкаго;

прусáкъ (о насѣкомомъ) и *пруссáкъ (о народѣ)*: на чемъ основано это различіе, когда въ живомъ языкѣ мы его не находимъ? довольно и того, что старинные грамотеи навязали намъ два мира: миръ съ *и*, восьмеричнымъ, и міръ съ *і*, десятеричнымъ;

раздабáривать (евр. dabar, рѣчь, слово): стоило ли измѣнять установленное правописаніе *раздобáривать* изъ мало доказательнаго сопоставленія съ однимъ еврейскимъ словомъ?

ряхнýться: обыкновенное сѣверное произношеніе указываетъ на *е*: рехнýлся;

сáжень: говорятъ и *сажéнь* (Плечи косая сажéнь. Некрасовъ); при данной формѣ родит. пад. будетъ *сáжени*, а не *сажéни*;

стамéзка: живой языкъ знаетъ только уменьшительное *стамéсочка*, отсюда необходимость предпочесть *стамеска*;

шáфка: совсѣмъ неправильное написаніе, какъ показываетъ произношеніе *шáвокъ*, встрѣчающееся и у писателей (Тургеневъ).

Другой недостатокъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота,—что въ случаяхъ второстепенныхъ, въ написаніяхъ отдѣльныхъ словъ (что главнымъ образомъ и затрудняетъ пишущихъ), оно нерѣдко основывается на старыхъ и даже устарѣлыхъ грамматикахъ, на невполнѣ исправныхъ словаряхъ въ родѣ Рейфа, Шимкевича и т. под.

Изъ старыхъ грамматикъ внесены въ «Русское правописаніе» не только факты, но и до нѣкоторой степени стремленія: это 1) созданіе произвольныхъ искусственныхъ различій въ языкѣ, какъ *близъ* и *близь*, *пруссакъ* и *прусакъ*, *пѣсенникъ* и *пѣсельникъ*; 2) притязаніе измѣнять живой, сложившійся языкъ. «Руководство» хочетъ заставить всѣхъ говорить: «редижи́ровать» вмѣсто вошедшаго въ общее употребленіе въ разговорномъ и книжномъ языкѣ: «редактировать»; «Руководство», вслѣдъ за устарѣлой грамматикой Греча, все еще не рѣшается допустить въ русскій литературный языкъ слово «всклокóченный», которое и распространено, и постоянно встрѣчается у писателей; допуская его только для народнаго языка, оно требуетъ отъ пишущихъ «всклоченный», и т. п.

Вообще наше русское правописаніе хотя и установилось болѣе или менѣе прочно, не удовлетворяетъ основному требованію орѳографіи: легкости усвоенія и примѣненія. 1) Учащіеся тратятъ на нее слишкомъ много времени и часто всетаки не могутъ ее одолѣть. 2) Мы, взрослые и грамотные люди, чтобы овладѣть ей, должны безпрестанно обращаться къ справкамъ; написавши по своему соображенію, легко явимся въ разногласіи съ Гротомъ. Надъ правописаніемъ не приходится думать, но нужно запоминать. Частыя справки въ концѣ концовъ становятся настолько утомительными, что теряется всякая охота прибѣгать къ книгѣ, которая иногда идетъ такъ рѣзко противъ нашихъ соображеній и привычекъ. Написаніе *копѣйка* съ буквою *ѣ* всякій видитъ, благодаря орѳографіи монетнаго двора, сотни разъ, а правописаніе Грота требуетъ, чтобы писали «копейка» съ *е* и совсѣмъ не допускаетъ *ѣ*, хотя и замѣчаетъ, что «копѣйка» большею частію пишется черезъ *ѣ*. Такія привычки искореняются съ нѣкоторою даже непріятностью для памяти; тутъ нововведеніе тѣмъ болѣе не понятно, что авторъ правописанія въ общемъ хочетъ держаться обычая. Если ужъ вводить правильное *е* вмѣсто неправильнаго *ѣ*, то гораздо лучше было бы ввести правописаніе черезъ *е* въ словахъ; *седло*, *цвелъ*, гдѣ *е* подтверждается произношеніемъ.

Вотъ тѣ причины, по которымъ «Русское правописаніе» Я. К. Грота не встрѣтило единодушныхъ одобреній и полнаго признанія въ нашемъ ученомъ и образованномъ обществѣ. Несмотря на авторитетъ Академіи Наукъ, по порученію которой составлено «Руководство», несмотря на извѣстность и ученыя заслуги автора, книга встрѣчаетъ множество возраженій, нѣкоторые критики относятся къ ней съ большой непріязнью, и правописаніе Грота не примѣняется въ оффиціальныхъ изданіяхъ.

Педагогическій міръ удовлетворенъ правописаніемъ Я. К. Грота еще меньше, чѣмъ другіе.

Въ этомъ мірѣ книга Я. К. Грота не нашла особаго сочувствія во время своего появленія. До сихъ поръ она не сдѣлалась книгой популярной: къ ней обращаются болѣе по неволѣ. До сихъ поръ неясно,

для кого она составлена: для преподавателя или для ученика, т. е. учебникъ это, справочная книга, или пособіе учителю при преподаваніи? Объемъ, содержаніе и изложеніе книги академика Грота таковы, что она недоступна ученику младшаго и средняго возраста. Между тѣмъ правописаніе нужно усвоить именно въ этихъ возрастахъ, въ чемъ согласны и авторитетные педагоги, и оффиціальныя программы.

Программы гимназій требуютъ, чтобы орѳографія усвоивалась вполнѣ и при томъ въ младшемъ возрастѣ. Онѣ категорически говорятъ: «Въ четвертомъ классѣ ученики не должны погрѣшать противъ правилъ орѳографіи». Отсюда слѣдуетъ, что большой и сложный кодексъ русскаго правописанія Я. К. Грота долженъ быть изученъ въ трехъ первыхъ классахъ гимназіи, дѣтьми въ возрастѣ отъ 10 до 13, максимумъ до 15 лѣтъ (моложе 10 лѣтъ въ гимназію не принимаютъ, старше 14 лѣтъ нельзя поступить въ 3-й классъ). Для дѣтей этого возраста «Русское правописаніе» академика Грота недоступно, а овладѣть имъ необходимо. Какъ примирить это противорѣчіе, мы не знаемъ.

Если мы возьмемъ грамматики Востокова, полную и сокращенную, то увидимъ, какъ немногочисленны правила правописанія, которыя считалъ нужными для учащихся этотъ замѣчательный языковѣдъ. Въ «Русской грамматикѣ Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенной» часть третья, о правописаніи, занимаетъ 24 страницы; въ ней 23 §§, отдѣлъ о знакахъ препинанія занимаетъ 8 страницъ съ 11 §§ правилъ. Справочнаго указателя здѣсь нѣтъ, т. е. правильнаго изображенія отдѣльныхъ, не входящихъ въ грамматику словъ не требуется.

Назначенная для школъ «Сокращенная русская грамматика Александра Востокова» (по изданію 1877 года въ Спб.) всѣ правила правописанія и пунктуаціи излагаетъ въ 30 §§ на 12 страницахъ. Въ «Начальныхъ правилахъ русской грамматики Н. Греча (Спб. 1828) правописаніе (и пунктуація) занимаетъ, правда, больше мѣста: 26 страницъ и состоитъ изъ 48 §§, но въ предисловіи къ книгѣ говорится, что въ ней «правописаніе изложено подробнѣе прочихъ частей, и заключаетъ въ себѣ почти всѣ правила употребленія буквъ и знаковъ препинанія».

Не то въ наше время: «Русское правописаніе» академика Я. К. Грота въ 14 изданіи, которое у насъ подъ руками, состоитъ изъ XII+120+XL страницъ большого формата; въ немъ 119 §§, изъ которыхъ многіе состоятъ изъ группъ правилъ, числомъ до десятка и больше. Такъ, въ параграфѣ о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ, по подсчету В. П. Шереметевскаго, находится 47 правилъ и исключеній; въ справочномъ указателѣ помѣщено, намъ кажется, болѣе 3000 словъ. Если не имѣть въ виду послѣдовавшаго послѣ 30-хъ годовъ расширенія программъ и значительнаго увеличенія многихъ другихъ учебниковъ, то уже одного на столько обширнаго кодекса правилъ правописанія достаточно для того, чтобы значительно затруднить современнаго школьника и привести его или къ переутомленію, или къ весьма поверхностному усвоенію предмета или даже, при возможности, къ полному пренебреженію предметомъ, такъ какъ слишкомъ повышенныя требованія легко приводятъ къ неисполненію ихъ.

Желаніе расширить отдѣлъ учебника, въ которомъ говорится о правописаніи, понятно было бы еще у составителя грамматики стараго времени. И Востоковъ, и Гречъ считаютъ, что эта наука должна привести къ тому, чтобы дѣти правильно говорили и писали. Теперь многіе не раздѣляютъ этого взгляда на грамматику, и правописаніе считается практическимъ знаніемъ столько же, какъ и наукою. А между тѣмъ мы въ школѣ заботимся о немъ гораздо болѣе, чѣмъ о наукѣ, и вмѣсто того, чтобы сократить требованія по этому предмету и сдѣлать ихъ болѣе опредѣленными, мы въ послѣдніе годы почти вездѣ только ихъ повышаемъ и расширяемъ.

А сколько замѣчательныхъ педагоговъ было въ Россіи послѣ временъ Греча и Востокова, сколько выходило и выходитъ спеціальныхъ педагогическихъ журналовъ, и вотъ черезъ 80 лѣтъ педагогическаго просвѣщенія и опыта мы такъ легко и неосторожно нарушаемъ основныя требованія элементарной педагогики: 1) сообразоваться съ силами учащихся и 2) не затрачивать эти силы безплодно, на изученіе предметовъ малоцѣнныхъ.

Не будемъ вдаваться въ дальнѣйшую педагогическую критику «Русскаго правописанія». Объ этомъ приведемъ въ послѣдствіи еще нѣсколько замѣчаній В. П. Шереметевскаго и другихъ, вмѣстѣ съ ихъ проектами упрощеннаго правописанія. Теперь продолжимъ о положеніи нашего правописанія въ школѣ.

Если признать за книгой Грота главную цѣль—утвердить въ школѣ и обществѣ извѣстную опредѣленную орѳографію, то придется сознаться, что цѣль эта не достигнута вполнѣ. Правда, что въ произведеніяхъ печати, какъ мы уже говорили, можно замѣтить нѣкоторое орѳографическое единство, объясняющееся отчасти вліяніемъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота; правда, что въ школахъ пишутъ болѣе или менѣе «по Гроту»; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣднее время все чаще и чаще и со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на безграмотность. Безграмотными или не вполнѣ грамотными оказываются не только ученики низшей школы, но и ученики средней, успѣшно окончившіе курсъ и получившіе аттестатъ зрѣлости. Оказывается, что даже лица, получившія высшее образованіе, не всегда въ полной мѣрѣ владѣютъ принятой орѳографіей. Не говоря о неграмотности учениковъ, жалуются на безграмотность учителей, юристовъ и т. п. Указанія эти дѣлаются со стороны настолько компетентныхъ лицъ и учрежденій, что не остается никакихъ основаній для пожеланія подвергать факты провѣркѣ или искать новыхъ примѣровъ. Приходится признать, что у насъ нѣкоторая часть образованнаго общества пишетъ по Гроту, нѣкоторая часть, не слѣдуя Гроту до мелочей, пишетъ все-таки правильно, зная вообще русскую орѳографію, и нѣкоторая часть пишетъ малограмотно, не руководствуясь основными правилами орфографіи. Это — образованное общество, т. е., по приблизительному опредѣленію, лица, окончившія школу выше низшей. Въ низшей школѣ процентъ вполнѣ грамотныхъ, конечно, самый незначительный. Объ этомъ не стоило бы безпокоиться, если бы школа сознательно уклонялась отъ обученія правописанію, не находя въ немъ достаточнаго образовательнаго значенія. Но въ дѣйствительности происходитъ наоборотъ: во множествѣ нашихъ начальныхъ школъ на обученіе правописанію—прежде обыкно-

венно посредствомъ диктантовъ, а теперь нерѣдко посредствомъ списы ванія—тратится очень много времени; правописаніе замѣняетъ и грамматику, и изложеніе мыслей, котораго часто намѣренно избѣгаютъ, боясь повредить учащимся въ орѳографіи. Педагогическая литература изобилуетъ сборниками диктантовъ и прописями, но крайне бѣдна пособіями для обученія изложенію мыслей. Этотъ нераціональный выборъ—обученіе орѳографіи вмѣсто родного языка въ нашей начальной школѣ—установился какъ-то странно, самъ собою: онъ не согласуется ни съ мнѣніями лучшихъ педагоговъ, ни съ оффиціальной программой, которая до 1897 года требовала отъ оканчивающихъ начальную школу только письма безъ искаженія словъ, т. е. не требовала никакой орѳографіи. Между тѣмъ практика установила, какъ это намъ извѣстно по личнымъ наблюденіямъ во многихъ мѣстахъ средней Россіи, чтобы на экзаменахъ оканчивающіе начальную школу писали безъ ошибокъ въ буквѣ *ъ*, въ употребленіи твердаго и мягкаго знаковъ (мечъ, ложь, стараешься, сердится, сердиться) и т. п. Все это достигается усиленными и продолжительными упражненіями въ правописаніи, которыя не оставляютъ мѣста другимъ, болѣе важнымъ и нужнымъ занятіямъ. Къ экзамену дѣти не ошибутся и въ корнѣ съ *ъ*, поставятъ правильно *ь* во второмъ лицѣ и въ неопредѣленномъ наклоненіи—развѣ попадутся мудреныя слова: векша, или вредъ, или лѣтніе жары (жаръ или жара?)—а послѣ экзамена всѣ эти орѳографическія свѣдѣнія исчезаютъ съ замѣчательной быстротою. Ученики, порадовавшіе на экзаменѣ своею грамотностью учителя, вызвавшіе одобреніе экзаменатора, явившись въ школу осенью для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса, уже не могутъ грамотно расписаться въ его полученіи. А между тѣмъ изъ-за орѳографіи учитель мало читалъ съ учениками, рѣдко бесѣдовалъ о прочитанномъ и не успѣлъ пробудить въ нихъ интереса и охоты къ чтенію, безъ чего и самая грамотность (умѣнье читать) теряетъ значительную часть своей пользы, даже иногда забывается. Крестьянскія дѣти заканчиваютъ свое образованіе, часто не прочитавши хотя бы сказокъ Пушкина или Жуковскаго, не посмѣявшись надъ разсказами Гоголя, нерѣдко не прочитавши никакой книжки. Умѣнья ставить букву *ъ* имъ некуда приложить, а то, что имъ понадобится: написать толково изложенное письмо, дать расписку, составить условіе о какой-либо сдѣлкѣ,—это не вынесено ими изъ школы. Выходитъ, что орѳографія взяла все и не дала ничего.

Нерѣдкая безграмотность учащихся разныхъ школъ и возрастовъ, малограмотность людей съ нѣкоторымъ образованіемъ, окончившихъ школу—даютъ ясное указаніе на трудность усвоенія нашей орѳографіи. Оказывается, что съ появленіемъ «Русскаго правописанія» Я. К. Грота трудность изученія орѳографія не уменьшилась — чего всѣ желали и ожидали—а какъ будто даже увеличилась.

Большая часть трудностей, конечно, принадлежитъ самому русскому правописанію, но небольшая часть ихъ внесена въ новый кодексъ и составителемъ его, Я. К. Гротомъ, который имѣлъ наклонность дробить правила письма, на нѣкоторые вопросы орѳографіи имѣлъ весьма субъективные взгляды и твердо ихъ держался. Мысль о какомъ-либо упрощеніи, напр., въ видѣ болѣе послѣдовательнаго проведенія нѣкоторыхъ правилъ, устраненія мелочныхъ и мало обоснованныхъ исключеній, совершенно не имѣ-

лась въ виду при составленіи кодекса академика Грота; напротивъ, «Руководство» въ принципѣ держалось того, чтобы узаконить капризный обычай, со всѣми его противорѣчіями, непослѣдовательностью и по временамъ неуловимостью. При этомъ совершенно упускались изъ виду интересы учащихся, интересы будущихъ поколѣній.

Это само по себѣ не вполнѣ основательно. «Руководство» старается сохранить обычную орѳографію, т. е. ту, которая принадлежитъ старшимъ поколѣніямъ, уже научившимся грамотному письму и которымъ, собственно говоря, руководство уже и не нужно; удерживая принятыя, неудачныя или непослѣдовательныя написанія, оно жертвуетъ для нихъ раціональными этимологическими и фонетическими основаніями, чтобы не затруднить научившихся нововведеніями: назначается же это руководство для младшихъ и будущихъ поколѣній, которымъ сохраненіе нераціональнаго обычая приносить только затрудненіе и ущербъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы стали совершенно непослѣдовательно писать пестъ черезъ *е*, но пѣстунъ, пѣстовать черезъ *ѣ*, то почему и слѣдующее поколѣніе должно удерживать ту же ошибку? Почему уничтожено старое правописаніе *купель* черезъ *ѣ*, но оставлено свирѣль? и т. п.

Главные недостатки современной орѳографіи.

Впрочемъ, недостатки Гротовской орѳографіи незначительны; услуги, сдѣланныя ею для разъясненія сомнительныхъ случаевъ и для большаго или меньшаго объединенія нашего правописанія, несомнѣнны и должны быть упомянуты съ благодарностью: крупные недостатки заключаетъ наша орѳографія сама по себѣ, такъ какъ она смѣшиваетъ языкъ русскій съ славянскимъ и древнерусское съ современнымъ.

Начнемъ съ азбуки. Защитники нашего правописанія любятъ хвалить его, отдавать ему предпочтеніе передъ правописаніемъ другихъ народовъ: «Если сравнить [русское правописаніе] съ правописаніемъ большей части другихъ народовъ», говоритъ Я. К. Гротъ, «то убѣдимся, что наше, по своей простотѣ, точности и ясности, должно быть признано однимъ изъ самыхъ удовлетворительныхъ» (Труды Я. К. Грота, II, 637). Здѣсь почтенный филологъ упускаетъ изъ виду весьма невыгодныя для сравненія особенности русской азбуки съ европейскими. Въ азбукахъ европейскихъ народовъ нѣтъ лишнихъ буквъ; тамъ затрудненія заключаются только въ ихъ употребленіи. У насъ же пять лишнихъ буквъ: ѣ, ъ, і, ѳ, ѵ, которыя безъ всякой нужды усложняютъ письмо и его изученіе, замедляютъ печатаніе и увеличиваютъ цѣну книгъ.

Затѣмъ охранители старой орѳографіи одобряютъ наше письмо за его историческо-этимологическій характеръ, дающій возможность яснѣе понимать происхожденіе и составъ словъ, а слѣдовательно и ихъ значеніе, при чемъ изученіе орѳографіи должно являться осмысленнымъ дѣломъ, полезнымъ для умственнаго развитія изучающихъ ее. Если понимать вмѣстѣ съ Гротомъ, что терминъ «историческое правописаніе» «предполагаетъ только соблюденіе традицій, установившихся по большей части конечно на основаніи производства словъ» (Труды, II, 614), то историческій характеръ не сообщаетъ нашему письму особыхъ достоинствъ. Въ

дѣйствительности наше письмо традиціонное; оно сохранило буквы, потерявшія свое значеніе, но сохранило немного слѣдовъ стараго состоянія языка и не даетъ указанія на его развитіе, такъ что съ исторіей языка мы мало познакомимся по нашему письму. Этимологическій характеръ русской орѳографіи также вовсе не такъ великъ, какъ кажется ея защитникамъ. Въ корняхъ и окончаніяхъ во множествѣ случаевъ буква *ъ* перепутана съ *е* и другими буквами. Даже тамъ, гдѣ сохранилась правильность въ живомъ произношеніи, она отсутствуетъ въ орѳографіи. Напр., говоримъ *мелкій*, *блескъ* съ *ъ* (правильно), пишемъ черезъ *е* (неправильно); говоримъ *цвѣлъ* съ *е* (правильно), пишемъ съ *ъ* (неправильно). Неправильно пишемъ *е* въ окончаніяхъ словъ: водолей, колыбель, гибель и др. Не различаемъ буквами *е* и *ъ* глаголы разнаго значенія, какъ *летѣть* и *лѣтать*, что наблюдалось въ старомъ языкѣ. Въ окончаніяхъ падежей, въ степеняхъ сравненія путаемъ *ъ* съ древнимъ *и* и *е*: на конѣ (древн. на кони), болѣ (по Гроту) вмѣсто правильнаго стараго боле, и т. п. Поэтому мы думаемъ, что только увлеченіе заставляло когда-то говорить одного очень почтеннаго защитника орѳографической старины: «Въ грамматическомъ устройствѣ языка обѣ буквы—*ъ* и *е*—имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть *ъ* уступитъ всѣ свои права *е*, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ (?!), различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила (?). Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ *у* и *я*? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ (?); въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она всетаки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть» [1]) («О русской азбукѣ», статья В. Я. Стоюнина. Цитата изъ «Трудовъ» Я. К. Грота, II, 672). Въ этихъ словахъ гораздо болѣе краснорѣчія, чѣмъ правды.

---

[1]) Если мы заглянемъ въ новѣйшія изслѣдованія по русскому языку, то убѣдимся, какъ далеки эти слова отъ истины. Слѣды *юсовъ* въ нашемъ языкѣ, какъ извѣстно, немногочисленны. Ученые признаютъ эти звуки или давно исчезнувшими въ русскомъ языкѣ или никогда не существовавшими въ немъ. Соболевскій, вслѣдъ за Буслаевымъ, утверждаетъ, что хотя *юсы* и исчезли совсѣмъ еще до половины XI вѣка, т. е. до появленія первыхъ памятниковъ нашей письменности, но раньше они, судя по произношенію нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, должны были существовать въ русскомъ языкѣ (Лекціи по исторіи русскаго языка, М. 1903, стр. 19—20). Ягичъ нашелъ доводы Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ неубѣдительными (Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889, стр. 25). Такъ же высказался и Брандтъ въ «Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русскаго языка», стр. 5, гдѣ говорится, что доводы за существованіе *юсовъ* въ русскомъ языкѣ до эпохи составленія первыхъ памятниковъ письменности «носятъ характеръ сомнительный»; также стр. 57—58, гдѣ замѣчено, что «чередованіе *у* и *я* съ носовыми согласными, какъ *дуть—надменъ*, *племя—племени*... не доказываетъ существованія *юсовъ* въ русскомъ языкѣ, а только существованіе ихъ въ праславянскомъ».

Переходя отъ недостатковъ азбуки къ недостаткамъ орѳографіи, мы должны обратить вниманіе на то, что въ ней существуютъ *случайныя, условныя* правила, какъ, напр., тѣ, которыми руководствуются при употребленіи *и* и *і*, окончаній *ые, ыя* или написаній *они, онъ, одни, одинъ, міръ, миръ*. Эти правила собственно ни на чемъ не основаны: ни на исторіи словъ, ни на произношеніи, такъ что въ орѳографическій законъ здѣсь введенъ полный произволъ.

Другія правила, введенныя въ русское правописаніе нашими книжниками, принадлежатъ церковно-славянскому языку, какъ напримѣръ, употребленіе въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ окончаній *аго, яго*, а въ именительномъ *ый, ій*.

Затѣмъ, большимъ недостаткомъ нашей орѳографіи является непослѣдовательность многихъ правилъ, напримѣръ, правилъ объ употребленіи буквы *ъ*, о правописаніи приставокъ *воз, из, низ, раз* съ буквами *з* и *с*.

Затрудняетъ въ ней также во многихъ случаяхъ обиліе, мелочность, сбивчивость, противорѣчивость правилъ, какъ напр., о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ, о переносѣ словъ изъ одной строки въ другую.

Очень невыгодны для изученія правописанія мелкія правила и исключенія, которыя относятся иногда только къ одному, двумъ словамъ, какъ написанія *міръ* и *міръ*, *свадьба* и т. п.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОПРОСА ОБЪ УПРОЩЕНІИ ПРАВОПИСАНІЯ.

Мнѣнія ученыхъ о лишнихъ буквахъ азбуки.

Болѣе важные недостатки русскаго правописанія замѣчены уже давно: съ того самого времени, какъ начались изслѣдованія о немъ. Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ и нѣкоторые другіе высказываютъ многія изъ тѣхъ мыслей о правописаніи, которыя въ наше время такъ часто повторяются. Они первые обратили вниманіе на главное затрудненіе нашей орѳографіи—употребленіе въ ней излишнихъ буквъ ъ, ь, ѳ, ѵ, ѣ, и (или і). Признаніе этихъ буквъ ненужными имѣетъ за собою многолѣтнюю давность.

Еще Тредьяковскій [1]) въ «Разговорѣ объ ортографіи» высказывалъ вполнѣ правильное пониманіе буквъ *ъ* и *ь*. «Знакі отолщенія і отонченія... не долженствуютъ чісліться между буквамі въ Алфавітѣ, но

[1]) Замѣтимъ, что, вопреки принятому въ обществѣ (не въ наукѣ) мнѣнію о бездарности этого человѣка, онъ былъ серьезнымъ и много знающимъ ученымъ. Тредьяковскій только не имѣлъ дара хорошо излагать свои мысли. Въ XVIII вѣкѣ едва-ли кто изъ писателей такъ худо владѣлъ русскою рѣчью, какъ онъ.

токмо почітаться за... ізмѣненія согласныхъ буквъ» (стр. 112), т. е. что ъ и ь не буквы, изображающія звуки, но знаки твердости и мягкости согласныхъ.

Ломоносовъ въ грамматикѣ, опредѣляя также совершенно правильно ъ и ь, какъ «безгласныя», не высказывается о томъ, что ъ излишенъ, но въ юмористической статьѣ «Судъ россійскихъ письменъ» говоритъ: «ъ нѣмой мѣсто занялъ, подобіе какъ пятое колесо» (Сочиненія, Спб. 1898, т. IV, стр. 246). Ученикъ Ломоносова проф. Ант. Барсовъ вполнѣ опредѣленно высказывался, что ъ въ концѣ словъ лишняя буква, указывая, что если въ словахъ, подобныхъ слову *Антонъ*, твердое произношеніе перваго *н* не обозначается *еромъ*, то и послѣ второго *н* эта буква тоже лишняя, и безъ нея можно обойтись, какъ обходятся «во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ». Барсовъ считалъ ъ необходимымъ только въ срединѣ словъ, въ случаяхъ какъ *объявляю, подъемлю* и т. п. Эти мнѣнія тогда же нашли своихъ послѣдователей, и въ концѣ XVIII столѣтія появляются книги, напечатанныя безъ *еровъ*. Позднѣе мысль о ненужности ъ подтверждалась и разъяснялась Востоковымъ, Я. К. Гротомъ, И. И. Срезневскимъ и Ѳ. И. Буслаевымъ. Серьезныхъ возраженій за сохраненіе ъ нѣтъ въ литературѣ, и современное существованіе этой буквы объясняется только укрѣпившимся обычаемъ и привычками пишущихъ, усвоенными въ дѣтствѣ. Ъ держится—хотя кое-что напечатано и печатается безъ ъ—несмотря на то, что его противники указали на большую экономическую выгоду отъ его уничтоженія. Наиболѣе рѣзко выражался противъ *ера* Сенковскій: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ъ,... этотъ злокачественный наростъ—родъ грамматическаго рака—на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стоитъ Россіи ежегодно болѣе 4,000,000 руб.,—а какую приноситъ ей выгоду или честь?...» Въ 1862 году въ статьѣ «По поводу толковъ о правописаніи» академикъ Гротъ высказался за уничтоженіе ъ въ концѣ словъ. Хотя самъ онъ и не писалъ безъ ъ, но ожидалъ, что это будутъ дѣлать другіе. Только по его настоянію не употребляется теперь этимологическій ъ въ *сумѣть, сыграть, предыдущій* и под. (Прежде писали *съумѣть, съиграть* и т. д.).

Буква ѳ признана ненужной уже Тредьяковскимъ и не употреблялась имъ въ его сочиненіи объ орѳографіи. Ломоносовъ писалъ, что она «отъ первыхъ сочинителей Славенской азбуки въ нее внесена напрасно. Ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько не надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ языкахъ не имѣютъ» (Росс. Грамм. § 22).

И другіе ученые послѣ Ломоносова признавали нужнымъ исключить *ѳиту* изъ русской азбуки. Это высказывали: извѣстный въ свое время знатокъ греческаго языка И. И. Мартыновъ и извѣстный филологъ протоіер. Павскій. Рѣшительнымъ врагомъ этой буквы былъ нѣкогда академикъ Я. К. Гротъ. Въ «Филологическихъ разысканіяхъ» (т. II, стр. 135—141) онъ подробно указываетъ на недостаточность доводовъ въ пользу сохраненія ѳиты и считаетъ вполнѣ умѣстнымъ ея уничтоженіе въ русской азбукѣ. Ѳита не имѣетъ звукового значенія въ русскомъ языкѣ, а «для чужестранныхъ выговоровъ», писалъ Ло-

моносовъ, «вымышлять новыя буквы весьма негодное дѣло, когда и для своихъ разныхъ произношеній нерѣдко одною пронимаемся» (напр., *е* различно произносится въ словахъ: *несу, несъ, верста, верстъ*; *г* различно произносится въ словахъ: *гость, Бога, его*). «Ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы; то будетъ наша азбука съ Китайскою. И таково же смѣшно по правдѣ покажется, если бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква Ы, оную въ какой нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили» (Ломоносовъ, Росс. Грамм., § 88). За ѳиту могутъ стоять только немногіе грамотеи, хорошо знакомые съ греческимъ языкомъ, но и они не могутъ употреблять послѣдовательно буквъ *ф* и *ѳ*, такъ какъ живой языкъ употребляетъ иногда на мѣстѣ ихъ новые звуки, требующіе другихъ буквъ: Степанъ, театръ и т. п.

Въ заключеніе академикъ Я. К. Гротъ говорилъ: «При всемъ уваженіи къ этимологическому началу нашей орѳографіи нельзя считать его обязательнымъ и для иностранныхъ словъ; допускать же въ этомъ отношеніи изъятіе въ пользу одной греческой буквы, да еще такой, о которой даже въ точности неизвѣстно, какъ она произносилась,—нѣтъ основанія. Итакъ наша письменность можетъ, безъ опасенія упрека въ ереси, освободиться отъ *Ѳ*, оставивъ за ней покуда, только для свѣдѣнія учащихся, скромный уголокъ въ хвостѣ нашей азбуки. Если же и всѣхъ приведеннымъ доводовъ недостаточно для изгнанія *ѳиты* изъ употребленія, то пусть по крайней мѣрѣ замѣна ея *эфомъ* не считается преступленіемъ; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы на основаніи знакомства съ иностранными языками, либо обходиться безъ мудреной *ѳиты* и писать всегда Ф по произношенію. Нашему ученому правописанію довольно и своихъ *ятей*». (Филолог. разысканія, Спб. 1876, стр. 141). Отъ предложенія отмѣнить *еръ* и *ѳиту* авторъ «Филологическихъ разысканій» отказался въ 3-мъ изданіи своей книги, ссылаясь на то, что относительно употребленія *ъ* въ концѣ словъ и *ѳ* старинная практика осталась господствующею (Труды, II, 802).

Если теоретическое осужденіе Я. К. Грота буквъ *ъ* (въ концѣ словъ) и *ѳ* на изгнаніе не имѣло успѣха, то, по справедливому замѣчанію проф. Брандта, въ этомъ виноватъ самъ покойный академикъ, который, рѣшивъ, что эти буквы не нужны, самъ не переставалъ употреблять ихъ.

Въ первомъ русскомъ шрифтѣ, вылитомъ въ Голландіи и доставленномъ въ Россію около 1708 года, для звука *и* была только одна буква—і. Только съ 1716 года вводится въ азбуку и *и*. Правило ставить передъ гласными *і*, а передъ согласными *и* принято въ печати съ 1738 года. Тредьяковскій, не принявшій его и употребляющій въ «Разговорѣ объ ортографіи» одно *і*, говоритъ объ этомъ правилѣ такъ: »Сіе есть только что proisвольное: все равно, хотя буквѣ (и) быть всегда предъ гласнымі, а (і) передъ согласнымі. Поводъ къ сему proisволенію, ізлішество одно буквъ; а основанія, кажется, нѣтъ німалаго» (Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіі... Спб. 1748, стр. 361).

Ломоносовъ также считаетъ одну изъ буквъ для звука *и* излишнею (именно *і*), но старается оправдывать ея употребленіе практическимъ удобствомъ. «Буква *і*», говоритъ онъ, «только ради того въ употребленіи

осталась, чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно, и въ чтеніи запинаться не принуждало» (Росс. Грамм., § 88).

Тредьяковскій и на букву *ѣ* смотрѣлъ правильнѣе, чѣмъ Ломоносовъ. Онъ не разъ указываетъ въ своемъ «Разговорѣ объ ортографіи», что буква *ѣ* одногласная съ *е* (43, 65, 193, 356). Онъ признаетъ (стр. 193 и далѣе), что буквы *ѣ* и *е* никакой разницы не имѣютъ въ произношеніи: обѣ одинъ голосъ означаютъ; потому одна изъ нихъ лишняя и могла бы быть выключена изъ азбуки. Но онъ не рѣшается этого сдѣлать, опасаясь, что уничтоженіе *ѣ* послужитъ во вредъ чистому выговору. Ему казалось, что если вмѣсто *тебѣ*, *побѣда*, *вѣрная* и т. п. писать *тебе*, *победа*, *верная*, то будутъ произносить: тебэ, нобэда вэрная, какъ произносили, вѣроятно, *е* въ тогдашнемъ церковномъ чтеніи, что видно по нынѣшнему церковному произношенію старообрядцевъ. Эта уступка, впрочемъ, не помѣшала тому, чтобы авторъ «Разговора» считался противникомъ буквы *ѣ*.

Ломоносовъ и Сумароковъ не могли считать *ѣ* лишнею буквою: они находили, скорѣе всего по недоразумѣнію, что *ѣ* и *е* произносятся различно: *ѣ* тонѣе (уже), чѣмъ *е*. Впрочемъ, разница въ произношеніи *ѣ* и *е* признавалась очень небольшая, и никто не рѣшился указать, что ей можно воспользоваться для написанія, гдѣ слѣдуетъ, буквы *ѣ*. Ломоносовъ находилъ, что для правильнаго употребленія буквы *ѣ* нельзя обойтись безъ «твердаго ученія грамматѣ и прилѣжнаго книгъ чтенія» (Росс. Грамм., § 117) и сожалѣлъ, что здѣсь нельзя предписать точныхъ правилъ.

152524

За сохраненіе буквы *ѣ* въ русскомъ письмѣ Ломоносовъ говорилъ слѣдующее: «Нѣкоторые покушались истребить букву Ѣ изъ азбуки Россійской. Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ѣ начать писать, а особливо печатать; то 1) Тѣмъ, которые раздѣлять Е отъ Ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно; но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣть*, отъ *лѣчу*, *лѣчить*; *пеню*, имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ*, отъ *пѣнье*, *пѣнья*; *пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *плена́*, отъ *плѣнъ*, то есть *поло́нъ*; которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» (Росс. Грамм., § 118). Замѣчанія 1 и 3 близки по своему значенію, такъ какъ имѣютъ отношеніе только къ умѣющимъ различать Ѣ отъ Е, потому что для незнакомаго съ употребленіемъ этихъ буквъ написанія *лѣчу* и *лечу*, *пѣнья* и *пенья* еще не показываютъ значенія. Это значеніе онъ, все равно, будетъ долженъ узнавать по смыслу фразъ.

Мысль о ненужности *ѣ* опредѣленно высказана въ печати нѣсколько позднѣе. Въ 1828 году въ Москвѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: «Рукопись покойнаго К. А. Хабарова» (псевдонимъ) [1]), въ

[1]) «Рукопись покойнаго Клементія Акимовича Хабарова, содержащая разсужденіе о русской азбукѣ, и біографію его, имъ самимъ писанную, съ присово-

...ждубиблиотечный ...
...ской обл. биб
СЕРПУХОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ БИБЛІОТЕКА

которой, вмѣстѣ съ другими лишними буквами, предлагается исключить изъ русской азбуки и букву *ъ*. Изъ этой книжки я позволю себѣ привести значительныя выдержки, такъ какъ она мнѣ кажется весьма интересной.

«Ѣ буква безполезная», говоритъ авторъ этой книги, «но которая, какъ пронырливый лицемѣръ, или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною,—она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ, гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ... Одни говорятъ, пишите Ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ Ц! Покорнѣйше благодаримъ! Слѣдовательно, чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина для справокъ»? «Мы узнаемъ языкъ прежде грамматики», говорится немного дальше (стр. 41), «грамматика составилась тогда, какъ образовался языкъ. Зная языкъ, мнѣ не нужно отличительныхъ знаковъ, которые бы не смѣшали въ моемъ понятіи различныхъ словъ пишущихся одинаково. Я пойму и всякій пойметъ, что *хочу есть* значитъ: я хочу кушать! какъ бы я ни написалъ ето.—Ломъ въ костяхъ,—и ломъ желѣзный—миръ съ Персіянами, и миръ Божій... ключь отъ дверей, и ключь воды... Нужно ли тутъ для русскаго: І чтобъ отличить міръ Божій отъ мира съ Персіянами—и *ъ*, чтобъ понятно для другихъ сказать: я хочу ѣсть»!

«Но, стало быть, скажутъ нѣкоторые изъ нашихъ граматеевъ, етотъ Хабаровъ, хочетъ совсемъ уничтожить правила правописанія? Какъ? Исключать изъ нашей азбуки: І, Щ, Ъ, Ь, и особенно нашу любезную Ѣ, вывѣску нашей учености, букву, которую мы едва узнали примѣчая за нею 20, 25 лѣтъ»?—Нѣтъ милостивые государи! высокоученые господа! Хабаровъ думаетъ, что и безъ Ѣ, останется много труда, желающимъ правильно писать по русски; ваша ученость всегда будетъ нужна. Мы говоримъ, или произносимъ слова, совсѣмъ не такъ какъ требуетъ того правописаніе; говоримъ: Бохъ, жизь, харашо, чюдесно, прашу, хочетца,... а пишемъ по законамъ грамматики: Богъ, жизнь, хорошо, чудесно, прошу, хочется!.. Что *именно такъ* должны писаться эти слова—есть доказательства, и никто съ вами о томъ не споритъ—но зачѣмъ причислять къ правописанію, употребленіе буквъ І и Ѣ, когда у насъ есть, И и Е, которыми можемъ выяснить все безъ помощи І и Ѣ»?

«Но Французы, но Англичане?—ихъ писаніе гораздо мудренѣе выговора: Французы имѣютъ e, а пишутъ ai, что равно Е—у Англичанъ тоже есть J, а они часто замѣняютъ его двумя e (EE)... Милостивые государи! За чѣмъ сравненія?.. они не доказательства! И Французы, и Англичане, не выигрываютъ отъ того, что ихъ орѳографія затруднительна,

---

купленіемъ портрета, и съёмка съ почерка сего знаменитаго мужа». Рукопись выдается за написанную въ 1802 году и изданную послѣ смерти составителя его другомъ, кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Хабаровъ въ автобіографіи выдаетъ себя за окончившаго гимназію и затѣмъ работавшаго въ типографіи наборщикомъ и корректоромъ. Въ предисловіи къ своей «Усовершенствованной русской азбукѣ» Хабаровъ говоритъ: «Мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась мнѣ, когда я сталъ набирать съ одной рукописи, въ которой авторъ исключилъ Ъ и И. То была рукопись профессора Барсова (См. Москов. Журналъ 1792 года)».

збивчива, безтолкова. Тѣмъ лучше для насъ русскихъ, если наша азбука, и способъ правильно выражать буквами свои мысли—простъ, понятенъ, и ясенъ! Ето не порокъ, а достоинство, которымъ смѣло можемъ гордиться передъ ученою Европою!» (стр. 44).

Возраженія Хабарова какъ разъ идутъ противъ мнѣнія Ломоносова. Дѣйствительно, ни малорусскій языкъ, ни опредѣленіе разныхъ значеній въ словахъ при помощи буквы *ъ* не служатъ вѣскими аргументами за ея сохраненіе. Звука *ъ* нѣтъ въ литературномъ языкѣ, нѣтъ вообще теперь въ русскомъ языкѣ: не должно быть и въ нашемъ письмѣ буквы *ъ*. Въ приведенныхъ сужденіяхъ Хабарова о буквѣ *ъ* и другихъ вопросахъ орѳографіи виденъ тотъ здравый смыслъ, который, можетъ быть и безъ учености, помогъ ему составить вполнѣ вѣрныя понятія о нѣсколькихъ вопросахъ правописанія, въ которыхъ даже иногда и ученые люди не могутъ отрѣшиться отъ предразсудка, закрѣпленнаго долговременною привычкою къ существующей орѳографіи.

Въ 1845 году В. Г. Бѣлинскій, понимавшій вопросы орѳографіи глубоко и ясно, высказался за уничтоженіе *ъ* въ корняхъ словъ (кромѣ случаевъ въ родѣ *ѣсть* при *есть*), одного *и*, *ѳ*, *ъ* въ концѣ словъ (Сочиненія, М. 1860, IX, 484 и дал.).

Знаменитый критикъ одинъ изъ первыхъ привлекъ общее вниманіе къ вопросу о неудовлетворительности нашего правописанія и желательности реформировать его сообразно съ современнымъ состояніемъ русскаго языка. Бѣлинскій высказался какъ рѣшительный сторонникъ исправленія общепринятой орѳографіи въ своей рецензіи на книгу Кадинскаго о преобразованіи и упрощеніи русскаго правописанія (1-е изд. Спб. 1842 г., 2-е изд. Спб. 1857 г.). Кадинскій сводилъ весь орѳографическій вопросъ къ замѣнѣ русской азбуки латинскою, которую онъ находилъ болѣе красивой и четкой. Въ связи съ этимъ онъ предлагалъ уничтожить *ъ*, *и* и ввести нѣкоторыя другія измѣненія въ орѳографіи. Бѣлинскій, не принимая въ такомъ видѣ предложенія Кадинскаго,—находя даже, что его проектъ вмѣсто упрощенія является истиннымъ затрудненіемъ русской грамматики,—высказалъ по поводу его книги свой собственный, во многихъ отношеніяхъ замѣчательно вѣрный взглядъ на нашу орѳографію, въ особенности относительно обученія ей.

«Запутанность и затруднительность русской орѳографіи—писалъ Бѣлинскій — происходитъ отъ произвольности правилъ. Скажите ученику общее правило—онъ скоро пойметъ его и скоро привыкнетъ писать сообразно съ нимъ; ему небольшого труда будетъ стóять упомнить и немногія исключенія изъ правила. Но скажите ему, что вотъ-де на это нѣтъ правила, но уже такъ принято писать, — и тогда для него ваша грамматика и ваша орѳографія обратится въ мученье. Головоломны ложныя правила, но произволъ еще хуже ихъ. Объяснимъ это примѣромъ. Скажите ученику, что буква *ъ* пишется въ дательномъ и предложномъ падежахъ именъ существительныхъ единственнаго числа, перваго склоненія, и личныхъ мѣстоимѣній, *я*, *ты*; въ предложномъ падежѣ единственнаго числа именъ второго склоненія; и въ неопредѣленномъ наклоненіи всѣхъ глаголовъ, оканчивающихся на звукъ *е*, за исключеніемъ трехъ: тереть, переть, мереть; это правило не покажется ему бездною премудрости, и онъ скоро привыкнетъ, подъ диктовку, не ошибаться въ

буквѣ *ъ*, составляющей камень преткновенія въ русской орѳографіи. Но когда послѣ этого правила вы говорите, что буква *ъ* пишется еще, Богъ вѣдаетъ почему и зачѣмъ, вотъ въ такихъ-то и такихъ-то словахъ, и прилагаете списокъ этихъ словъ, рекомендуя ему заучить ихъ наизусть,— тогда, воля ваша, ученикъ будетъ правъ, если станетъ смотрѣть на такой урокъ, какъ на глупое занятіе, не стоящее труда! Вы чувствуете это сами, и начинаете натягивать произволъ на правило. «Замѣтьте, говорите вы ему, буква *ъ* никогда не пишется въ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ изъ иностранныхъ языковъ». Хорошо-съ, почтительно отвѣчаетъ ученикъ, — и въ спискѣ словъ, въ которыхъ Богъ вѣдаетъ почему употребляется *ъ*, видитъ иностранныя слова апрѣль, а иногда еще и цѣхъ... Это исключенія, говорите вы; да зачѣмъ же они? гдѣ ихъ необходимость? И что худого будетъ, если мы будемъ писать апрель, цехъ?... Собственныя имена: «Матвѣй, Алексѣй, Сергѣй», пишемъ мы черезъ *ъ*, а между тѣмъ, это имена греческія... Но, говорятъ, будто есть правило, что слова, въ которыхъ теперь слышится звукъ *е*, но которыя въ церковно-славянскомъ языкѣ писались черезъ *і*, или въ нынѣшнемъ малороссійскомъ нарѣчіи выговариваются черезъ *і*, должно намъ писать черезъ *ъ*, и что будто поэтому и въ словахъ: апр*і*ль (апр*і*ллій, Матв*і*й (Матѳ*і*й), Алекс*і*й (Алекс*і*й), Серг*і*й (Серг*і*й)... и т. д. Странное правило,—тѣмъ болѣе странное, что безъ него такъ легко и такъ хорошо можно обойдтись! Апрель, Матвей, Алексей, Сергей, право, ничѣмъ не хуже Апр*ъ*ля, Матв*ъ*я, Алекс*ъ*я, Серг*ъ*я... Говорятъ, что потому надо писать: б*ъ*гать, м*ъ*сто, в*ъ*сть, т*ъ*сто, пр*ъ*сный, св*ъ*тъ и проч., а не бегать, место, весть, тесто, пресный, светъ, что Малороссіяне выговариваютъ эти слова: бигать, мисто, висть, тисто, присный, свитъ и пр. Да какое же намъ дѣло до того, какъ выговариваютъ или какъ не выговариваютъ Малороссіяне одинаковыя съ нами слова? И если ужъ такъ, то почему же въ правописаніи мы должны сообразоваться только съ выговоромъ однихъ Малороссіянъ, а не Сербовъ, не Болгаръ, не Поляковъ, не Чеховъ и прочихъ соплеменныхъ намъ народовъ? Если же, почему-то, намъ необходимо сообразоваться въ нашемъ правописаніи съ выговоромъ Малороссіянъ,—то, ради логики, должны мы сдѣлать изъ этого общее правило, и никогда не измѣнять ему; а между тѣмъ, Малороссіяне говорятъ: утикать, писокъ, Андр*і*й; они говорятъ: милкій, а мы пишемъ то м*ъ*лкій, то мелкій, и послѣдній способъ писать это слово беретъ и у насъ верхъ передъ первымъ. Еще говорятъ: буква *ъ* пишется вездѣ тамъ, гдѣ звукъ *е* не можетъ переходить въ звукъ *ё*: опять вздоръ! Употребленіе давно уже наругалось надъ этимъ правиломъ; пишется: зв*ъ*зды, гн*ъ*зды, гн*ъ*сти, сѣдлы, б*ъ*гать, нам*ъ*къ, пріобр*ъ*теніе, изобр*ъ*теніе, цв*ъ*сти, цв*ъ*токъ, р*ъ*чь, нар*ъ*чіе, а говоримъ: звёзды (хотя такое произношеніе этого слова нѣсколько и простонародно), гнёзды, гнётъ, сёдлы, бёгъ, намёкъ, пріобрёлъ, изобрёлъ, цвѣлъ, рёкъ, нарёкъ, обрёкъ. Въ то же время въ словахъ: пѣвецъ, дѣлецъ, молодецъ, отецъ и пр. буква *е* никогда не переходитъ въ *ё*: зачѣмъ же мы не ставимъ вмѣсто ея буквы *ъ*? Скажутъ: тутъ буква *е* бѣглая, которая, въ прочихъ падежахъ, или выпадаетъ, или замѣняется буквою *ь*: пѣвца, дѣльца, молодца, отца. Хорошо! Но, во-первыхъ, она выпадаетъ не во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ вы-

говаривается какъ *ъ* (какъ напримѣръ, въ словахъ: чтецъ, швецъ, льстецъ), а во вторыхъ, сама буква *ъ* выпадала же въ глаголахъ рѣщи, рѣчь, (рцы), а между тѣмъ, въ существительномъ рѣчь мы и теперь удерживаемъ букву *ъ*, тогда какъ многіе слово реченіе пишутъ черезъ *е*: для чего же все это, если не для того, чтобы попусту мучить и учащихся и учащихъ?»

«А между тѣмъ очень легко распутать всю эту путаницу и сдѣлать простою и полезною всю эту безплодную школярную мудрость. Вѣроятно, буква *ъ* въ древности хоть сколько-нибудь отличалась произношеніемъ отъ буквы *е*; но теперь это отличіе исчезло, и на какіе голоса и тоны ни произносите слова мечъ, течь, мѣдь и тѣнь,—вы никакой разницы въ произношеніи этихъ словъ не подслушаете. Поэтому, букву *ъ* надо оставить только для орѳографическихъ (а отнюдь не просодическихъ) причинъ: надо оставить ее для однихъ склоненій, степеней сравненій и спряженій, да еще для нѣсколькихъ словъ, которыя имѣютъ различное значеніе при сходномъ произношеніи. Такъ, напримѣръ, существительное вѣденіе, происходящее отъ глагола вѣдать, можно писать черезъ *ъ* (а слѣдовательно и самый глаголъ), для отличія его отъ существительнаго веденіе, которое происходитъ отъ глагола вести; тоже должно разумѣть и о глаголѣ мѣтить, для отличія его отъ глагола метать, съ которымъ онъ имѣетъ одинаковое настоящее время. Равнымъ образомъ и глаголъ ѣсть должно писать черезъ *ъ*, чтобы не смѣшивать его съ третьимъ лицомъ единственнаго числа настоящаго времени существительнаго глагола быть... Глаголъ же ѣхать нѣтъ никакой нужды писать черезъ *ъ*, равно какъ нѣтъ никакой надобности употреблять эту букву въ словахъ: апрѣль, пѣть, сѣсть, дѣлать, дѣло, тѣло, тѣсто, мѣсто, тѣсный и пр. и пр. Сначала оно покажется странно и дико; но какъ привыкнутъ къ этому, то будутъ удивляться нелѣпости и дикости прежней орѳографіи. До тѣхъ же поръ, грамматика и въ особенности третья часть ея—правописаніе, останется бичомъ и пыткою для учащихъ, камнемъ безпрестаннаго преткновенія для учащихся»[1]).

Если относительно *ъ* Бѣлинскій дѣлалъ значительныя оговорки въ пользу ея сохраненія въ извѣстныхъ случаяхъ, то буквы *и* и *ѳ* онъ считалъ совсѣмъ лишними. Онъ писалъ о нихъ слѣдующее:

«Мысль—изгнать вовсе ненужную букву *и*, замѣнивъ ее русскою же, ничѣмъ не отличающеюся отъ нея буквою *і*, можетъ вызвать противъ себя одну привычку, больше ничего. Буква *и*... нисколько не нужна, вовсе безполезна и совершенно излишня, такъ же какъ *ѵ* (ижица)... Зачѣмъ въ одной азбукѣ двѣ совершенно одинакія буквы, выражающія одинъ и тотъ же звукъ, безъ малѣйшей разницы, безъ малѣйшаго оттѣнка? Зачѣмъ, если не для затрудненія русской грамматики? Буква *и* становится передъ согласными и за гласными, а *і* только передъ гласными: но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, не сдѣлано двойниковъ для а, е, о, у, ы, ю, я? Что за нелѣпость? Тутъ нѣтъ никакого смысла—одна глазная привычка. Буква *и* и некрасива и шире буквы *і*, больше ея занимаетъ мѣста: вонъ ее! Намъ и *і* будетъ хорошо служить и за нее и

[1]) В. Г. Бѣлинскій, Реценэія на книгу К. М. Кадинскаго: Упрощеніе русской грамматики (Спб. 1842) въ Сочиненіяхъ, М. 1860, ч. IX, стр. 491—495.

за себя. Но гдѣ тогда взять й (иже краткое)? Вытяните *і* внизъ за строку—вотъ вамъ и иже краткое, только не безобразное, а красивое—j» [1]).

«Буква *ѳ* тоже совершенно безполезна при буквѣ *ф*; она обязана своимъ существованіемъ въ русской азбукѣ только преданію. Когда Римляне познакомились съ греческимъ образованіемъ, — естественно, что на греческій языкъ смотрѣли они какъ на единственный въ мірѣ, достойный вниманія и уваженія. Поэтому, они хотѣли занятыя ими у Грековъ слова отличать въ правописаніи отъ словъ своего роднаго языка: греческую букву *фи* (нашъ фертъ) они стали писать черезъ *ph* (phantasia, phalanga); фиту — черезъ *th* (theatrum, theogonia, theoria)... Отъ латинскаго все это перешло въ новѣйшіе европейскіе языки, изъ латинскаго, или подъ его вліяніемъ образовавшіеся. Почти въ такомъ же отношеніи былъ къ греческому языку нашъ церковно-славянскій, почему и принялъ въ свою азбуку вовсе ненужныя ему буквы: кси, пси, ѳиту, ижицу, омегу (отъ ѿ), и иту (иже). Но нашъ русскій языкъ не церковно-славянскій, и ему нѣтъ никакой нужды кланяться греческому языку особыми буквами. Если же это было бы для него необходимо, то логическая послѣдовательность и чувство справедливости требовали бы отъ него, чтобы онъ особенными буквами кланялся также латинскому, французскому, нѣмецкому, англійскому, голландскому и итальянскому языкамъ, отъ которыхъ поживился большимъ количествомъ словъ, —и тогда имѣлъ бы удовольствіе и гордость обладать большою азбукою—въ тысячу счетомъ... Но это нелѣпо, и геній русскаго языка самъ чувствуетъ это, предпочитая ѳитѣ «твердо» и съ бо́льшею охотою произнося: «театръ, математика, эстетика, этика, теорія»... нежели «ѳеатръ, маѳематика, эсѳетика, иѳика, ѳеорія»... Буква *ѳ* со дня на день все болѣе и болѣе вытѣсняется буквою *т*. Не пора ли и вовсе выкинуть ее, какъ ненужную? Положимъ, что въ нѣкоторыхъ греческихъ словахъ нашъ слухъ не любитъ буквы *т*, упорно держась звука *ѳ*, какъ напримѣръ: «каѳедра, Ѳедоръ, Ѳедотъ», — но почему же намъ не писать: кафедра, Федоръ, Федотъ—вѣдь звукъ одинъ и тотъ же, и въ этомъ отношеніи ѳита ничѣмъ не отличается отъ ферта? Во всемъ нужна консеквентность: если греческія слова отличать особымъ правописаніемъ, то уже не нѣкоторыя только, а всѣ до одного, и не одною ѳитою, но и ижею (ита), и і (ёта), и ижицею (ипсилонъ), какъ это дѣлалъ Качеповскій, надъ орѳографіею котораго, основанною на знаніи греческаго языка, всѣ смѣялись; или же, если не принять этого, то выкинуть вовсе изъ нашей азбуки и ѳиту» [2]).

Относительно ъ Бѣлинскій находилъ возможнымъ почти вовсе избѣжать его употребленія, оставивъ его только въ словахъ, сложенныхъ съ предлогами, какъ: объявленіе, изъявленіе, отъявленный.

Бѣлинскій считалъ нужнымъ для улучшенія русской орѳографіи не только уничтоженіе излишнихъ буквъ, но и нѣкоторое упорядоченіе запутанныхъ и искусственныхъ правилъ русскаго правописанія.

«Наши прилагательныя имена—писалъ онъ—представляютъ обширное поле для преобразованій въ пользу простоты, единства и общности пра-

---

[1]) Бѣлинскій, Сочиненія, IX, стр. 496—497.
[2]) Бѣлинскій, Сочиненія, IX, 497—498.

вилъ правописанія. Начнемъ съ того, что форма нашихъ прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ обоихъ чиселъ совершенно искусственная. По какому правилу прилагательныя мужескаго рода ед. числа оканчиваются на *ый* и *ій*?—потому только, что эти окончанія существуютъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, который былъ языкомъ искусственнымъ, книжнымъ, на которомъ никто и никогда не говорилъ, по крайней мѣрѣ, по его орѳографіи; къ тому же геній новаго русскаго языка совершенно отрѣшился отъ всѣхъ преданій языка церковно-славянскаго. Мы пишемъ: первый, славный, страшный, всякій, великій, а говоримъ почти какъ первай, славнай, страшнай, всякай, великай, и говоримъ такъ по тому коренному правилу, которымъ московское нарѣчіе рѣзко отличилось отъ новогородскаго, и по которому буква *о*, когда не надъ нею стоитъ ударепіе въ словѣ, выговаривается какъ звукъ средній между *а* и *о*: слѣдовательно, яснѣе дня, что должно писать: первой, славной, страшной, всякой, великой, а не первый, славный, страшный, всякій, великій. Но нѣкоторые до того простираютъ этотъ книжный педантизмъ, что пишутъ *ы* тамъ, гдѣ само ударепіе требуетъ буквы *о*, напримѣръ: вторый, святый, шестый, младый, и пр.».

«Прилагательныя всѣхъ трехъ родовъ, въ именительномъ множественнаго числа, по духу языку должны оканчиваться не на *ые, іе, ыя, ія*, а на *ыи, іи* и *еи*: славныи, всякіи, синеи».

«Въ употребленіи родительнаго падежа прилагательныхъ царствуетъ у насъ тотъ же педантизмъ. Пишутъ: большаго, великаго, синяго, дальняго, а говорятъ: большова, великава, синева, дальнева. Что это значитъ и какъ тутъ установить истинное, а не произвольное правило? Очень просто: стоитъ только обратиться къ духу языка. Очевидно, что буква *а* не имѣетъ и не должна имѣть мѣста въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ: въ словахъ, имѣющихъ ударепіе на послѣдней буквѣ (большой, слѣпой), и въ родительномъ падежѣ, въ произношеніи, удерживается буква же *о*; слѣдственно, ее же и въ правописаніи должно удерживать въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ единственнаго числа. Что же касается до буквы *г*, она дѣйствительно существовала и существуетъ, въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ, во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ это видно въ малороссійскомъ и польскомъ языкахъ. Можетъ быть когда-нибудь существовала она и въ русскомъ языкѣ; но теперь она вытѣснена въ немъ буквою *в* и, стало-быть, больше не существуетъ: зачѣмъ же и употреблять ее? Относительно же послѣдней гласной буквы въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ единственнаго числа, — она произносится какъ звукъ средній между *а* и *о*, какъ произносится *о*, когда не надъ нимъ стоитъ ударепіе въ словѣ: слѣдственно, тутъ должно и писать *о*: славново, страшново, большово. Что же касается до прилагательныхъ и въ произношеніи оканчивающихся на *ій*, то и это окончаніе книжное и искаженное: оно въ старинномъ русскомъ языкѣ и произносилось и писалось (какъ то можно видѣть изъ историческихъ фактовъ), и теперь въ просторѣчіи произносится какъ *ей*; стало-быть, должно писать: синей, верхней, нижней, дальней, третей, рыбей, и пр.; а въ родительномъ падежѣ единственнаго числа: верхнева, нижнева, дальнева, трет(ь)ева. Еслибъ всѣ приняли это на духѣ и сущности языка основанное правописаніе прила-

гательныхъ, ученику было бы ясно правило, не допускающее ни противорѣчій, ни исключеній и ему ничего бы не стоило запомнить его». (Сочиненія, IX, 498—500 [1]).

Признавая нужнымъ уничтожить лишнія буквы русской азбуки, считая желательнымъ упорядочить правила правописанія и указывая для примѣра очень удачно на окончанія прилагательныхъ, Бѣлинскій сознавалъ хорошо трудности введенія новой орѳографіи. Онъ говорилъ, что неупорядоченное состояніе нашей орѳографіи зло, которое замѣтно многимъ, но исправить которое не думалъ никто. Да и какъ думать объ этомъ?

«Вѣдь это реформа, которая должна поколебать полутора-вѣковую привычку цѣлаго грамотнаго общества! Для этого надобно, чтобъ одинъ или нѣсколько человѣкъ убѣдили и согласили всѣхъ. Гдѣ же этотъ одинъ, или эти нѣсколько? Развѣ рѣшиться, ни на что несмотря, печатать свои книги новоизбрѣтеннымъ способомъ? Но кто рискнетъ на это? у кого столько матеріяльныхъ средствъ, чтобъ не печалиться о томъ, что его книги не найдутъ себѣ покупателей, и столько нравственной силы, чтобъ не бояться насмѣшекъ и—еще хуже насмѣшекъ—видѣть, что его великолѣпное предпріятіе кончится ничѣмъ?»

Интересно, что Бѣлинскій писалъ въ этомъ случаѣ объ орѳографіи съ точки зрѣнія педагога, какимъ его сдѣлали не только педагогическія изученія и размышленія, но и непосредственныя занятія преподаваніемъ.

Итакъ, недовольство русской орѳографіей — для насъ наслѣдство XVIII вѣка, который успѣлъ уже опредѣлить и самый главный ея недостатокъ — излишія буквы азбуки. Составленіе проектовъ упрощеннаго правописанія — только приведеніе въ систему того, что было извѣстно раньше: и не только въ теоріи, но отчасти и на практикѣ, какъ письмо безъ ъ, неупотребленіе *ѳ* и др. подобн. Поэтому проявляющееся у насъ стремленіе къ составленію упрощеннаго школьнаго орѳографическаго кодекса нельзя считать частичнымъ, одностороннимъ мнѣніемъ и желаніемъ «нѣкоторыхъ» ученыхъ или педагоговъ, которые дѣйствуютъ только въ интересахъ школы; нельзя также считать явленіемъ нашего времени. Упрощеніе вызывается прежде всего свойствами и нуждами нашей орѳографіи, которая неудовлетворительна сама по себѣ, что указано болѣе столѣтія тому назадъ. Школа только болѣе другихъ затрудняется и проигрываетъ отъ несовершенства орѳографіи.

Самые эти проекты появляются уже съ 60-хъ годовъ XIX в., когда начинается усиленное распространеннѣе грамотности, и письмо все болѣе и болѣе дѣлается достояніемъ народныхъ массъ. На орѳографичекихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ мартѣ-апрѣлѣ 1862 г., уже рѣшено было большинствомъ голосовъ произвести коренныя реформы правописанія. Болѣе замѣчательныя послѣдующія предложенія были сдѣланы М. А. Туловымъ (въ Кіевѣ), В. П. Шереметевскимъ, проф. Р. Ѳ. Брандтомъ, акад. Ѳ. Е. Коршемъ, и проекты послѣдняго времени, какъ въ общемъ и главномъ, такъ и въ частностяхъ, мало отъ нихъ отличаются; новаго же они почти ничего не содержатъ.

---

[1]) Эта статья Бѣлинскаго напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ 1845 года.

Нашему времени представляется задача объединить всѣ старыя и новыя работы этого рода въ одной стройной орѳографической системѣ и провести эту систему въ обращеніе путемъ печати и школы.

Задачи орѳографической реформы.

Въ изслѣдованіяхъ по вопросу правописанія необходимо различать двѣ главныхъ точки зрѣнія и двѣ зависящія отъ нихъ задачи.

1. Въ широкомъ смыслѣ вопроса изслѣдователи подвергаютъ научной критикѣ всю систему русскаго письма и предлагаютъ проекты *усовершенствованія* правописанія.

2. Въ болѣе узкомъ смыслѣ существующее правописаніе разсматривается болѣе съ педагогической точки зрѣнія, со стороны тѣхъ затрудненій, какія встрѣчаются при изученіи его въ школѣ. Авторы изслѣдованій этого рода предлагаютъ измѣнять въ письмѣ только то, что послужитъ къ его *упрощенію*. (Не нужно только забывать, что въ основѣ этого *упрощенія* лежитъ то же самое научно обоснованное признаніе недостатковъ нашей орѳографіи. Между тѣмъ нѣкоторые противники орѳографической реформы, цѣпляясь за слово «упрощеніе», не вполнѣ добросовѣстно стараются представить дѣло сторонниковъ реформы, какъ безпринципную передѣлку правописанія ради одной только простоты и облегченія учащихся и учащихъ). Такъ какъ, съ распространеніемъ грамотности во всѣхъ слояхъ общества, письмо все болѣе и болѣе дѣлается общей потребностью и предметомъ широкаго употребленія, то проекты упрощенія орѳографіи стремятся удовлетворить положенію: орѳографическая система письма должна быть настолько проста, чтобы люди, получающіе элементарное образованіе, могли безъ большого труда овладѣть ею и впослѣдствіи чаще и легче прибѣгать къ письму, какъ къ одному изъ напполезнѣйшихъ для себя и для другихъ техническихъ знаній.

Названныя цѣли приводятъ къ одной задачѣ: нужно реформировать русское правописаніе, чтобы сдѣлать его болѣе раціональнымъ и удобнымъ для пользованія.

Проекты реформы у насъ, какъ и вездѣ, встрѣчаютъ иногда горячіе протесты въ рядѣ книгъ и статей, въ которыхъ доказывается важность сохраненія существующаго правописанія.

Нужно различать сочиненія о правописаніи по этимъ двумъ родамъ, чтобы избѣжать различныхъ недоразумѣній и недоумѣній. Такъ, сторонники реформы школьнаго правописанія иногда предлагаютъ, къ своей невыгодѣ, въ новой системѣ письма введеніе буквы *h* для особаго рода г, которое мы слышимъ въ немногихъ словахъ (Бо*h*а, *h*осподь, бла*h*о и др.), но это будетъ научное усовершенствованіе письма, а никакъ не упрощеніе: въ школьной практикѣ и употребленіи оно создастъ немалое затрудненіе.

Къ проектамъ упрощенной орѳографіи нельзя также примѣнять тѣхъ требованій, какимъ должна отвѣчать совершенная система письма, созданная сообразно съ требованіями науки. Поэтому рѣшительно осуждать небольшія неточности, которыя допускаются въ подобныхъ проектахъ (напр., *ь* въ *съѣздъ*), можно только въ томъ случаѣ, когда эти неточности могутъ

быть устранены безъ осложненія той системы письма, которая предлагается въ проектахъ. Такъ, критикъ Одесскаго проекта упрощеннаго правописанія, одобряя этотъ проектъ за предложеніе писать *жи, ши* (не *жы, шы*), считаетъ необходимымъ это правописаніе потому, что *ж* въ *жизнь* и т. п. случаяхъ произносится не такъ твердо, какъ напр. *б* въ *былъ*. Но отъ школьнаго или общеупотребительнаго письма, конечно, нельзя требовать обозначенія среднихъ степеней мягкости или твердости согласныхъ. Это можетъ быть точно передано только особыми знаками. Въ различеніи такихъ тонкостей нѣтъ нужды. Мы не различаемъ, напр., разную степень открытости гласныхъ звуковъ въ случаяхъ подобныхъ *мѣлъ* и *мель* (*е* на мѣстѣ *ѣ*). А если мы хотимъ обозначить написаніемъ *жизнь*, что *ж* здѣсь произносится не вполнѣ твердо, то впадемъ въ болѣе грубую ошибку, потому что данное написаніе показываетъ совершенно мягкое произношеніе, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. При томъ нельзя допустить въ раціональной системѣ письма, чтобы одинаковые знаки имѣли разныя значенія: *б* въ *билъ* передъ *и* означаетъ мягкость, а *ж* въ *жизнь* передъ *и* означаетъ неполную твердость, но не мягкость.

Въ вопросѣ о правописаніи необходимо еще имѣть въ виду и вопросъ объ удобствахъ письма и печати, въ зависимости отъ числа графическихъ знаковъ. Такъ введеніе буквы j для существующаго въ нашемъ языкѣ звука, служа къ научному усовершенствованію русскаго письма, послужило бы къ большому затрудненію писанія и печатанія, потому что при этомъ, вслѣдствіе сильно развитой у насъ мягкости согласныхъ, значительно увеличилось бы число буквъ русской азбуки. Однѣхъ согласныхъ буквъ было бы 34 (*б* и *б'*, *в* и *в'*, *г* и *г'* и *д* и *д'* и т. д.). Нельзя, впрочемъ, дѣло упрощенія орѳографіи разсматривать отдѣльно отъ другихъ болѣе старыхъ вопросовъ о недостаткахъ нашего правописанія. Требованія совершенной орѳографіи и требованія упрощенной, которая должна имѣть научную основу, въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ, такъ что сторонники упрощеннаго школьнаго правописанія находятъ для своихъ предложеній авторитетныхъ защитниковъ въ старыхъ и новыхъ лучшихъ изслѣдователяхъ по части русской грамматики.

Возникновеніе вопроса объ упрощеніи правописанія.

Мы посвятимъ свое дальнѣйшее изложеніе преимущественно исторіи вопроса объ упрощеніи правописанія въ цѣляхъ школьнаго преподаванія. Въ этомъ видѣ вопросъ орѳографіи возникъ не очень давно: первое оживленное его обсужденіе происходило въ 60-хъ г.г.; второе, еще болѣе дѣятельное, происходило очень недавно, на нашей свѣжей памяти.

Раньше вопросъ объ упрощеніи правописанія въ интересахъ обученія и не могъ возникнуть, потому что школъ было мало. Хотя въ учебныхъ грамматикахъ и школьныхъ уставахъ XVIII вѣка и помѣщается правописаніе, но въ учебныхъ заведеніяхъ, по свидѣтельству Сумарокова, ему не обучали. Небольшое число писателей и ученыхъ, знакомыхъ съ орѳографіею, писало довольно непослѣдовательно и мало смущалось этимъ. Составитель «Опыта новаго россійскаго правописанія» В. С. (Свѣтовъ) говоритъ, что оно въ то время было «подвержено многимъ изъятіямъ,

великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чѣмъ-нибудь въ правописаніи отъ другаго. «Сіе происходитъ», говорилъ онъ, «или отъ незнанія Грамматическихъ правилъ и недовольнаго чтенія хорошихъ книгъ, или отъ своенравія и упрямства» (стр. 7 по 2-му изд., Спб. 1787 г.).

Позднѣе, въ XIX столѣтіи Карамзинъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» говоритъ, что у насъ едва ли найдется сто человѣкъ, которые могутъ писать правильно.

Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія требованія по орѳографіи были такъ невелики, что въ Московскій университетъ, по показанію Ѳ. И. Буслаева, поступали молодые люди съ такимъ плохимъ правописаніемъ, что на первомъ курсѣ надобно было объяснять студентамъ знаки препинанія и элементарныя правила объ употребленіи *ъ* и другихъ буквъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1886 г.).

И другой авторитетный свидѣтель, академикъ И. И. Срезневскій, гораздо позднѣе говоритъ, что въ гимназіяхъ русскому правописанію учили такъ поверхностно, что если бы ученики знали греческое правописаніе такъ же слабо, какъ русское, то ихъ никогда бы не допустили въ старшіе классы гимназіи (Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, Спб. 1871, стр. 9—10).

Но какъ только возникъ школьный вопросъ: вопросъ о распространеніи грамотности въ Россіи и увеличеніи числа школъ, тотчасъ поднялся вопросъ и о правописаніи: именно, объ упрощеніи правописанія, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго изученія грамоты и родного языка.

Проектъ орѳографическихъ собраній 1862 года.

Въ журналѣ «Учитель» 1862 г., стр. 131, февраль, появилось оповѣщеніе «для учителей русскаго языка, находящихся въ Петербургѣ», что, по предложенію В. Я. Стоюнина, въ Педагогическомъ собраніи (такія собранія происходили 2 раза въ мѣсяцъ при 2-ой С.-Петербургской гимназіи) 20 января рѣшено пригласить преподавателей русскаго языка, чтобы придти къ соглашенію въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростить самую орѳографію. Въ оповѣщеніи предварительно указывалось, что «запутанность русской орѳографіи обращала на себя вниманіе многихъ. Стремленіе, сколь возможно, упростить ее замѣтно въ нѣкоторыхъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ; но отъ неопредѣленности филологическихъ основаній произошло то, что чуть не у каждаго журнала явилась своя орѳографія... Учителя въ преподаваніи затрудняются при изложеніи многихъ прежде принятыхъ орѳографическихъ правилъ, встрѣчая имъ противорѣчія въ современной печати, на которую нерѣдко указываютъ ученики. Кромѣ того, многія *условныя* правила, существующія въ нашемъ письмѣ безъ всякихъ филологическихъ основаній, составляютъ только излишнія трудности при изученіи языка, а у иныхъ учителей служатъ даже поводомъ къ наказанію оплошныхъ учениковъ». Сообщалось, что и нѣкоторые редакторы періодическихъ изданій желали участвовать въ собраніяхъ, поэтому являлась надежда, что «упрощенная орѳографія можетъ быстро перейти и въ печать» (132 стр.).

Первое орѳографическое собраніе происходило 10 марта; присутствовало болѣе 100 человѣкъ; предсѣдательствовалъ П. М. Перевлѣсскій. Иниціаторъ орѳографическихъ совѣщаній, В. Я. Стоюнинъ открылъ засѣданіе своимъ рефератомъ. Въ немъ онъ указывалъ на главные положенія и факты, которые необходимо имѣть въ виду. Въ основѣ русскаго письма лежитъ церковнославянская орѳографія, которая постепенно сближалась съ живой, устной рѣчью. Болѣе устойчивой наша орѳографія является съ печатью: тогда она усвоиваетъ извѣстныя правила и старается ихъ держаться, несмотря на то, что самый литературный языкъ съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе сближается съ народнымъ. Попытки нашихъ писателей состояли въ томъ, чтобы приблизить орѳографію къ живому произношенію словъ (такъ, Лажечниковъ въ романѣ «Басурманъ» писалъ: *ево, этова, въ чомъ* и др.). «Другого рода попытки и стремленія выказываются въ... періодическихъ изданіяхъ; они касаются только частностей, мелочей, не выходя изъ какихъ-нибудь общихъ опредѣленныхъ основаній, отчего встрѣчается множество противорѣчій, сбивчивости, шаткости». Приглашая слушателей къ обсужденію орѳографическихъ вопросовъ, В. Я. Стоюнинъ находилъ возможнымъ соглашеніе, если не во всемъ, то во многомъ или въ нѣкоторыхъ частяхъ, замѣчая, что «орѳографія вовсе не есть дѣло коренныхъ или основныхъ убѣжденій человѣка, которыя каждому должны быть святы и отъ которыхъ трудно отказаться» (265 стр.).

«Главная цѣль наша», замѣчалъ онъ, «должна состоять, во-первыхъ, въ томъ, чтобы согласиться уничтожить тѣ орѳографическія противорѣчія и несогласія, какія существуютъ въ современной печати, основавшись на какихъ-нибудь опредѣленныхъ началахъ, отчего и самая орѳографія должна упроститься; во-вторыхъ, обсудить тѣ *условныя* правила, которыя, войдя въ наши грамматики, хотя и не составляютъ предмета спора, но тѣмъ не менѣе затрудняютъ учащихся безъ всякой нужды и пользы» (265 стр.).

Указывая на два главныя основанія существующей орѳографіи—этимологическое производство и произношеніе, В. Я. Стоюнинъ не находилъ возможнымъ, вникнувъ въ дѣло и въ историческое развитіе нашей письменности, отдавать предпочтеніе ни одному изъ нихъ. Принявъ въ основаніе словопроизводство, мы должны бы были измѣнить многія принятыя написанія, которыя явились оттого, что произношеніе оказывало вліяніе на орѳографію. Вмѣсто упрощенія это могло бы привести къ затрудненію. Письмо по произношенію казалось автору реферата еще болѣе недопустимымъ. «Письменность существуетъ для всего народа, а мѣстные говоры чрезвычайно разнообразны, и слѣдственно орѳографія должна быть общая и такая, которая бы не затрудняла никого изъ русскихъ, какимъ бы нарѣчіемъ ни говорилъ онъ. Принявъ московское нарѣчіе, какъ основаніе языка образованнаго класса общества, мы тѣмъ самымъ затруднили бы другимъ чтеніе. Чтобъ этого не было, необходимо должно сохранить и этимологическое словопроизводство, которое составляетъ крѣпкую связь между всѣми нарѣчіями» (266 стр.).

Находя, что нельзя устранить ни этимологическаго, ни фонетическаго основанія изъ нашего письма, докладчикъ предлагалъ собравшимся «опредѣлить отношеніе между тѣмъ и другимъ и обсудить, въ какихъ слу-

чаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія», сохраняя въ основаніи принятое историческое письмо, въ которомъ заключается «и филологическая сторона и давняя привычка, обратившаяся въ законъ».

Въ заключеніе, съ своей стороны, В. Я. Стоюнинъ предложилъ на общій судъ нѣсколько предположеній, подробно мотивированныхъ, служащихъ къ ограниченію словопроизводства:

1. Слова иностранныя, принявшія русскія окончанія и приставки, писать согласно съ нашимъ произношеніемъ (христіяне, *о*фиціальный, голанецъ).

2. Не означать удвоенія согласныхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ произношеніи (искуство, рускій, расказъ). Предлоги, оканчивающіеся на *з*: *воз, низ, раз, из, без, чрез*,—писать по произношенію (рассвѣтъ, расказъ, беспредѣльный, чересполосный и т. п.).

3. Для звука *е* подъ удареніемъ ввести изображеніе *ѐ*, которое употреблять и въ словахъ, подобныхъ: *жоны, чорный, ещо́* и др. Въ нихъ *ѐ* будетъ указывать на основной звукъ *е*, а произноситься оно будетъ какъ *о*, потому что оно «иначе и не можетъ произнестись русскими устами» (267 стр.).

4. Сочетанія звуковъ писать по произношенію (*щ*етъ, *щ*астіе, розыгрышъ, сыскать).

5. Обратить вниманіе на нѣкоторыя окончанія именъ прилагательныхъ: *ый, ій, ой, аго, ого, ые, ыя* и подоб. Находя затруднительнымъ ввести въ правописаніе именъ прилагательныхъ единственнаго числа окончанія живого языка, авторъ въ данномъ случаѣ предлагаетъ «для единства», писать въ родительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе *аго* и подъ удареніемъ: *слѣпаго* и под. Условное различіе между *ыя* и *ые* онъ предлагаетъ уничтожить, замѣчая, что «въ произношеніи у насъ слышится всегда *я*», которое и слѣдуетъ писать (268 стр.).

6. Слова, этимологія которыхъ не ясна, сомнительна или забыта, писать по произношенію, хотя бы филологія точно указывала намъ правописаніе; особенно слова съ *ѣ*: лекарь, лечить, телега, песокъ и др. «Чѣмъ меньше будетъ число словъ съ буквой нелюбимой», говорилъ составитель доклада, «ненавистной, вражеской для учащихся и для многихъ выучившихся..., тѣмъ лучше. Многіе сказали бы слава Богу и даже отслужили бы благодарственный молебенъ, если бы можно было ее совсѣмъ уничтожить» (268 стр.).

7. Тамъ, гдѣ существуетъ орѳографія русская и старославянская, лучше дать предпочтеніе первой: ро*ж*ество, ро*ж*ественскій, уро*ж*енецъ.

Разсмотрѣніе вопросовъ правописанія предлагалось въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Обсужденіе общихъ основаній орѳографіи. II. Разсмотрѣніе русской азбуки. III. Пересмотръ всѣхъ разногласій въ орѳографіи по частямъ рѣчи. IV. Знаки препинанія. V. Дополненія или предложенія, не подходящія подъ указанные отдѣлы.

Послѣ обсужденія перваго вопроса собраніе пришло къ не совсѣмъ ясному, неудачно изложенному заключенію: «держаться этимологическаго начала (словопроизводства) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть несогласіе между русскимъ говоромъ и языкомъ церковно-славянскимъ; гдѣ же они не противорѣчатъ, тамъ можно допустить начало фонетическое» (269 стр.). Т. е., по первому положенію писать, напр., садъ съ *д*, возвратился съ *я*.

Второе положеніе не ясно — ни само по себѣ, ни по другимъ даннымъ отчета.

При разсмотрѣніи русскаго алфавита прежде всего рѣшено было исключить букву *ѳ*; предложеніе же ввести *ё* встрѣтило возраженія. Рѣшеніе вопроса о *ё* и *объ исключеніи буквъ и* и *э* отложено до слѣдующаго засѣданія.

Второе совѣщаніе объ упрощеніи русской орѳографіи происходило 24 марта. Предсѣдатель его, І. І. Паульсонъ, предложилъ на обсужденіе обойденный на первомъ засѣданіи общій вопросъ: нужно ли дѣлать *коренныя* преобразованія орѳографіи, такъ какъ на первомъ засѣданіи нѣкоторые доказывали необходимость исключить изъ алфавита лишнія буквы, что должно отнести къ коренному преобразованію. Собраніе, опредѣливши считать кореннымъ преобразованіемъ такое, «которое клонится къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми», большинствомъ голосовъ высказалось въ пользу коренного преобразованія, имѣя въ виду облегчить русскому народу обученіе грамотѣ устраненіемъ множества орѳографическихъ правилъ.

На второмъ собраніи читался рефератъ В. Ѳ. Кеневича о лишнихъ буквахъ въ нашей азбукѣ. Такими буквами онъ призналъ *ѣ*, *ъ*, *ь*, *ѳ*, *и*. Собраніе, послѣ долгихъ споровъ о буквѣ *ѣ*, сдѣлало нерѣшительное постановленіе: «заявить общее мнѣніе о разумности исключенія буквы *ѣ* изъ алфавита и выразить желаніе дѣйствительно уничтожить ее въ печати для облегченія учащихся; о средствахъ же, какъ примѣнять всѣ подобныя рѣшенія къ дѣлу, положило поговорить въ одно изъ слѣдующихъ совѣщаній» (302 стр.). Но затѣмъ уже смотрѣли на букву *ѣ* какъ на уничтоженную.

Третье и четвертое совѣщанія, 31 марта и 13 апрѣля, были посвящены рѣшенію оставшихся открытыми вопросовъ о буквахъ азбуки *ъ*, *ь*, *и*, *э*. Послѣ долгихъ преній остановились на слѣдующемъ основаніи: «Каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; для каждаго звука должна существовать въ азбукѣ только одна буква; знакъ не соотвѣтствующій никакому звуку не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ» (345 стр.).

Но прежде всего говорили объ уничтоженіи *ъ* и *ь*, согласно съ рефератомъ Кеневича, предлагавшимъ исключить изъ азбуки *ъ* и *ь*, надъ согласною, произносимой мягко, ставить надстрочный знакъ, вмѣсто же *ъ* въ срединѣ слова ставить черточку (тире). Защитники «ера» и «еря» говорили, что эти буквы служатъ къ объясненію происхожденія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ; что къ нимъ такъ привыкли, что трудно предполагать, чтобы предлагаемая новизна вошла въ употребленіе; что «и та, и другая буква не представляетъ никакого затрудненія для начинающихъ учиться читать» (!?); что если вмѣсто буквъ *ъ* и *ь* нужно вводить знаки, то это доказываетъ, что эти буквы не лишнія въ нашемъ алфавитѣ; что въ народѣ замѣтно сильное стремленіе читать книги религіознаго содержанія съ печатью церковною: поэтому гражданская азбука, слишкомъ отличная отъ церковной, будетъ въ разныхъ отношеніяхъ неудобна.

Въ опроверженіе или ослабленіе этихъ мнѣній было высказано, что этимологическое значеніе *ъ* и *ь* можетъ быть разъяснено только въ выс-

шемъ курсѣ грамматики, въ которомъ умѣстно разъяснить значеніе исключенныхъ буквъ *ъ, ь, ѣ*, какъ это и дѣлается съ *юсами*, исключенными изъ русской печати при Петрѣ В. Что касается до практической стороны исключенія, то въ собраніи было высказано мнѣніе, нашедшее большое сочувствіе: установить раціональную систему письма всего легче теперь, когда только что начинаютъ приступать къ распространенію грамотности въ массѣ народа; потомъ, съ каждымъ годомъ, всякая реформа будетъ затруднительнѣе. Преподаватели воскресныхъ школъ, обучающіе грамотѣ, возразили, что *ъ* и *ь* затрудняютъ въ обученіи: ученикъ въ буквѣ ищетъ звука, а *ъ* и *ь* только знаки. Относительно разницы между церковной и гражданской печатью говорили, что церковная печать сама стремится къ сближенію съ гражданской, выбрасывая многое изъ стараго; что духовенство стало заботиться издавать библію въ переводѣ на современномъ языкѣ, печатая ее уже гражданскимъ шрифтомъ; что для развитія народной нравственности духовенство должно будетъ заботиться о томъ, чтобы облегчать, а не затруднять народу чтеніе духовныхъ книгъ.

Вопросъ о знакѣ смягченія вмѣсто *ь* возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Оказалось, что предлагаемый г. Кеневичемъ «знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ» (346 стр.).

«Собраніе единодушно признало удобнымъ внести въ алфавитъ букву *ё*, тѣмъ болѣе, что она не представляетъ новизны, которая могла бы на первый разъ затруднять чтеніе: въ нашей печати она давно уже употребляется въ нѣкоторыхъ словахъ, и потому всѣмъ уже знакома. Наконецъ при исключеніи *ѣ* признано *ё* особенно полезнымъ и необходимымъ для различія нѣкоторыхъ словъ въ письмѣ, напр. *мелъ и мёлъ*, *все* и *всё* и др.» (346 стр.). Послѣ *ж, ч, ш, щ* подъ удареніемъ рѣшили писать *ё*, при чемъ, между прочимъ, желали избѣгнуть такихъ написаній, какъ: *печош, печот, жжом, жжоте.*

Изъ двухъ *и* рѣшили, по большинству голосовъ, оставить *і*, имѣя въ виду «типографскія удобства», а вмѣсто *й*—ввести *і* съ краткимъ знакомъ. Предлагали также оставить *и*, для котораго въ скорописи не нужно отрывать пера для надстрочнаго знака, при чемъ удобно сохранить и старое *й*, къ которому всѣ привыкли.

Вопросъ о сохраненіи *э* былъ рѣшенъ единодушно безъ всякихъ споровъ, на томъ основаніи, что всякій существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть въ алфавитѣ соотвѣтствующую букву; существованія же чистаго звука *е* никто не можетъ отрицать въ русскомъ языкѣ.

Отчетъ о 3 и 4 совѣщаніяхъ напечатанъ уже по предлагаемой орѳографіи безъ *ъ*, безъ *ѣ*, но пока съ *ь* и *й*, такъ какъ въ типографіяхъ не было шрифта для соотвѣтствующихъ имъ новыхъ знаковъ.

При чтеніи этихъ отчетовъ теперь употребленіе вездѣ *і* кажется въ этой орѳографіи непріятнымъ для глаза. Дѣло въ томъ, что *и* несравненно чаще употребляется въ нашемъ письмѣ, къ нему мы поэтому гораздо больше привыкли. Затѣмъ по своей формѣ *и* болѣе подходитъ къ другимъ буквамъ нашей азбуки, состоящимъ изъ двойныхъ или симметричныхъ частей (сравните русскія *л, т* и латинскія *l, t*).

Пятое орѳографическое совѣщаніе было посвящено чтенію и обсужденію новаго реферата В. Я. Стоюнина. Въ этомъ рефератѣ подводились итоги тому, что сдѣлано на предыдущихъ собраніяхъ. Авторъ реферата, къ сожалѣнію, такъ поставилъ вопросъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ на совѣщаніяхъ, что эти рѣшенія должны были остаться безъ практическаго значенія. «Мы признали разумнымъ», читалъ онъ, «исключить *ѳ*, *ѣ*, *ъ*, *ь*, *и*.... Но всѣ эти исключенія мы можемъ заявить только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать, не въ нашей власти, поэтому... нельзя ихъ вводить и въ педагогическую практику, пока онѣ не примутся въ печати. Покончивъ дѣло съ этимъ вопросомъ, теперь мы можемъ приступить къ другимъ, болѣе практическимъ, съ которыми у преподавателей соединяется вопросъ о настоящей минутѣ, т. е. какъ *теперь* учить писать въ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ или колеблющихся случаяхъ? При разрѣшеніи этихъ вопросовъ мы должны забыть свои уже высказанныя желанія, которыя могутъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ (легко же могутъ и совсѣмъ не осуществиться), а имѣть въ виду только возможное въ настоящемъ при тѣхъ наличныхъ средствахъ, которыя уже имѣются въ общемъ употребленіи. Слѣдственно въ этихъ предѣлахъ настоящаго для насъ въ педагогической практикѣ существуетъ еще (хотя бы даже и незаконно) и *ѣ*, и *ъ*, и *ь*, и оба *і* (развѣ можно отказаться только отъ одной *ѳ*), а потому и вопросы, касающіеся ихъ употребленія, должны рѣшаться безъ указанія на то, что онѣ уничтожены» (401 стр.).

Послѣ реферата обсуждались предложенія В. Я. Стоюнина о правописаніи *ы* вмѣсто *ъи*, объ употребленіи буквы *щ* на мѣстѣ *сч* или *зч*, о необозначеніи на письмѣ удвоенія согласной, если его нѣтъ въ произношеніи. Предложеніе писать *розыгрышъ*, *сыскать*, *предыдущій* и др. под. было принято единодушно; два другія возбудили пренія. По первому вопросу большинство рѣшило: сохранить орѳографію по этимологіи въ словахъ предложныхъ *(изчезнуть*, *счетъ)*, а въ прочихъ случаяхъ писать *щ (извощикъ*, *закащикъ)*; по второму вопросу, при сборѣ голосовъ, большинство оказалось за предложеніе В. Я. Стоюнина.

В. Я. Стоюнинъ извѣстенъ какъ дѣльный ученый и какъ замѣчательный педагогъ. Ему принадлежитъ честь иниціативы вопроса объ орѳографическихъ собраніяхъ. На этихъ собраніяхъ онъ является не только болѣе дѣятельнымъ работникомъ, но и участникомъ, лучше всѣхъ подготовленнымъ къ рѣшенію предлагаемыхъ вопросовъ. Но, настаивая на томъ, чтобы не проводить новой орѳографіи въ педагогическую практику до принятія ея печатью и ограничивъ дѣло теоретической стороной, такъ что въ школѣ все должно было остаться по старому, онъ же отнялъ у собраній ихъ цѣль и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, собранія начались съ того, чтобы привести орѳографію къ такому упрощенному состоянію, «чтобы было больше возможности каждому учащемуся скорѣе овладѣть орѳографическою стороною письма». При томъ предполагалось, что участвующіе въ собраніяхъ педагоги въ своей учебной практикѣ будутъ держаться новой орѳографіи (132 стр.). А теперь остановились на томъ, чтобы не вводить въ школу ничего новаго, пока предлагаемые проекты не осуществятся помимо школы, въ печати, на что выражалось очень

мало надежды. И справедливо, потому что печать имѣетъ свои задачи, не совпадающія съ интересами школы. Впрочемъ, В. Я. Стоюнинъ до конца совѣщаній признавалъ нужнымъ произвести упрощеніе орѳографіи по проекту собраній. Онъ былъ лишь почему-то только противъ того, чтобы въ дѣлѣ реформы школа стояла впереди. Между тѣмъ самъ же ставилъ и впослѣдствіи, на 7-мъ совѣщаніи, задачей составляемаго проекта упрощеніе правописанія для облегченія учащихся. Я. К. Гротъ, склонный приписать покойному педагогу охранительную роль, едва ли не ошибался, будучи, повидимому, не знакомъ съ его послѣдующею запискою («Филологическія разысканія» т. II, Спб. 1876, стр. 229 и 233).

Шестое совѣщаніе, 12 мая, посвящено было главнымъ образомъ вопросу о правописаніи предлоговъ, оканчивающихся на *з*. Была прочитана обстоятельная записка г. Кеневича, въ которой излагалась разница въ существующемъ правописаніи этихъ предлоговъ и давался критическій разборъ принятыхъ правилъ. Собраніе согласилось съ предложеніями гг. Стоюнина и Кеневича и приняло рѣшеніе: писать эти предлоги по произношенію безъ всякихъ исключеній (*рассѣтъ, расцвѣтъ, бесконечный*). Несогласія возникли только по вопросу объ удвоеніи согласныхъ буквъ, если не слышится удвоенія звука, и большинство рѣшило писать удвоенный согласный по производству (рассказъ), вопреки рѣшенію предыдущаго собранія (расказъ).

Затѣмъ принято было предложеніе Стоюнина «писать иностранныя слова сообразно съ нашимъ произношеніемъ, не вводя для нихъ никакихъ новыхъ знаковъ и буквъ, а пользуясь только наличными средствами русскаго алфавита» (610 с.). Писать: *эпитрахиль, эктенья, грамматика, маёръ* и др. Приняты были также предложенія В. Я. Стоюнина, касающіяся фонетики русскихъ и иностранныхъ словъ, изложенныя въ первомъ рефератѣ, съ нѣкоторыми дополненіями. Послѣ 6-го совѣщанія орѳографическія собранія отложены были до осени и, возобновившись въ слѣдующемъ учебномъ году, не довели дѣла до полнаго конца.

Отчетъ о шестомъ совѣщаніи напечатанъ былъ по обыкновенной орѳографіи. Дальше редакція журнала «Учитель» помѣстила нѣсколько проектовъ по орѳографіи, присланныхъ въ собранія. Проекты эти, по большей части, составлены людьми, недостаточно подготовленными для того, чтобы съ пользою разсуждать о дѣлѣ. Они говорятъ о вещахъ или неновыхъ, или трудно примѣнимыхъ къ дѣлу и мало нужныхъ, въ родѣ, напр., замѣны русской азбуки латинскою.

Въ 1863 году въ томъ же журналѣ «Учитель» помѣщенъ отчетъ о седьмомъ орѳографическомъ собраніи, происходившемъ 8 декабря, и восьмомъ—12 января (стр. 95—98). Первое открылось чтеніемъ записки В. Я. Стоюнина, который находилъ, что коренной вопросъ орѳографіи: о лишнихъ буквахъ азбуки—нужно считать рѣшеннымъ: «Большинство выразило желаніе исключить лишнія буквы, основавшись на разумныхъ доводахъ, которые не были никѣмъ достаточно опровергнуты. Статьи, напечатанныя въ нашихъ газетахъ и журналахъ въ пользу осужденныхъ буквъ, вызывали другія противъ нихъ съ доказательствами болѣе сильными и убѣдительными. Дальнѣйшая судьба ихъ зависитъ уже не отъ насъ, а отъ печати». Составитель записки предлагалъ обратиться къ

рѣшенію частныхъ вопросовъ орѳографіи, которые были еще не разсмотрѣны на предыдущихъ собраніяхъ.

На этихъ двухъ собраніяхъ были приняты большинствомъ, большею частію по предложенію В. Я. Стоюнина, слѣдующія правила:

1) писать прописныя буквы только въ именахъ собственныхъ; поэтому писать съ малой буквы такія слова, какъ петербургскій университетъ (=находящійся въ Петербургѣ; но: Петербургская сторона=извѣстная часть Петербурга), названія чиновъ, титуловъ, учрежденій; 2) принять русское окончаніе *ого* въ тѣхъ прилагательныхъ родительнаго пад. ед. числа мужескаго рода, которыя въ именительномъ падежѣ имѣютъ русское же окончаніе *ой*, т. е. подъ удареніемъ; 3) въ прилагательныхъ именительнаго падежа множественнаго числа принять окончанія *ыя*, *ія* для всѣхъ родовъ; 4) писать *они*, *одни* безъ различія рода, такъ какъ формы на *ѣ* для женскаго рода установлены безъ филологическихъ основаній, а требуютъ отъ учениковъ большого навыка въ письмѣ.

На 8-мъ собраніи начали обсуждать послѣдніе очередные вопросы: о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ и о знакахъ препинанія, но по сложности вопросовъ и вслѣдствіе поздняго времени рѣшеніе ихъ отложили до слѣдующаго собранія, котораго вовсе не было.

Въ тогдашней журналистикѣ поднятый собраніями вопросъ объ упрощеніи и упорядоченіи правописанія встрѣтилъ больше сочувствія, чѣмъ сопротивленія. Изъ статей, вызванныхъ дѣятельностью педагогическихъ собраній по орѳографіи, самой замѣчательной нужно считать написанную Я. К. Гротомъ и напечатанную въ «Современной Лѣтописи» 1862 года, № 28. Она озаглавлена: «По поводу толковъ о правописаніи» и въ первоначальномъ видѣ содержитъ нѣсколько интересныхъ для насъ подробностей, опускавшихся при дальнѣйшей ея перепечаткѣ.

Такъ, Я. К. Гротъ не придаетъ вопросу правописанія общественнаго, тѣмъ болѣе политическаго значенія. «Посреди важныхъ вопросовъ», говорится въ началѣ статьи, «занимающихъ наше общество, совѣстно было бы бесѣдовать съ читателями объ орѳографіи, если бъ и этотъ скромный предметъ не удостоился обратить на себя почти общее вниманіе. Впрочемъ, такое неожиданно выпавшее на его долю счастіе доказываетъ, что ничто, относящееся къ родному языку, не лишено интереса для образованной части націи».

Окончательное мнѣніе Я. К. Грота о лишнихъ буквахъ азбуки высказано слѣдующимъ образомъ:

«*Ѳ* должна быть исключена изъ русской азбуки безусловно. *И* можетъ быть исключено безъ существенныхъ неудобствъ. *Ъ* оказывается излишнимъ въ концѣ словъ, и потому употребленіе его можетъ быть ограничено».

Буква *ѣ*, какъ извѣстно, нашла въ покойномъ академикѣ своего защитника. Признавая, что въ произношеніи она «въ нынѣшнемъ великорусскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ *е*», онъ находилъ однако нужнымъ удержать ее въ русскомъ письмѣ по тѣмъ же основаніямъ, которыя были приведены Ломоносовымъ: 1) слѣды особаго древняго звука

ъ остались у нѣкоторыхъ славянъ (поляковъ, чеховъ, малороссовъ), 2) въ письмѣ буква *ъ* служитъ для различенія подобозвучныхъ словъ и частей словъ (*свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*, *искренніе* и *искреннее*, *мѣт* въ *мѣтить* и *мет* въ *метать*, *въ полѣ* и *въ поле* и подобн.).

На эти мнѣнія Я. К. Грота за сохраненіе *ъ* написаны возраженія В. Ѳ. Кеневичемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1862 года, № 314. Авторъ возраженія стоялъ на томъ, что алфавитъ не долженъ показывать генетической зависимости языковъ. Онъ указывалъ, что хотя наше *ъ* и соотвѣтствуетъ въ польскомъ языкѣ *ia* (biały, wiara—бѣлый, вѣра), но во множествѣ словъ, имѣющихъ въ русской орѳографіи *ъ*, въ польской находится не *ia*, а другія буквы, что иногда *ia* является тамъ, гдѣ у насъ *е* (dziarski, wiadro—дерзкій, ведро). Отсюда авторъ статьи выводитъ, что буква *ъ* не имѣетъ прочнаго мѣста въ нашемъ письменномъ языкѣ, въ которомъ она употребляется лишь по преданію и часто неправильно. Отличеніе же на письмѣ буквами *ъ* и *е* словъ разнаго значенія не можетъ входить въ задачу письма, которое вообще не указываетъ значенія отдѣльныхъ словъ внѣ фразы (*тому*, *замокъ*, *ключъ* и под.); различать же буквами *ъ* и *е* корни словъ даже и не слѣдуетъ, такъ какъ *е* и *ъ* чередуются въ словахъ одного корня (древнія: *изметну* и *помѣтаетъ*, *летящее* и *лѣтаніе* и под.).

Проекты М. А. Тулова, Р. Ѳ. Брандта и г. В. Куницкаго.

Въ 1874 году въ Кіевѣ вышла очень дѣльная книга извѣстнаго въ краѣ педагога М. А. Тулова: «Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ. Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ». Первоначально цѣль этой книги была познакомить учащихъ «съ артикуляціей звуковъ и выяснить значеніе нѣкоторыхъ начертаній русской азбуки, затрудняющихъ обученіе чтенію по звуковому способу». «Намъ не разъ приходилось слышать», говоритъ авторъ, «какъ дѣти спрашивали своихъ учителей: почему въ словѣ *городъ* на концѣ буква *д*, а не *т*, которую дитя, судя по звуку слова, надѣялось въ немъ встрѣтить;... почему буква *с* согласная, а не гласная, хотя тоже можетъ быть произнесена сама по себѣ; почему буквы *н*, *я*, составляютъ слогъ *ня*, а не *нъя?* Безъ сомнѣнія, ни для умственнаго развитія дитяти, ни для успѣховъ ученія, не безразлично, какъ отнесется учитель къ подобнымъ вопросамъ и что отвѣтитъ. Удовлетворительно отвѣтить можетъ только учитель, имѣющій ясное понятіе о свойствахъ элементарныхъ звуковъ языка и о значеніи начертаній, выражающихъ эти звуки» (Предисловіе, стр. I).

Во второмъ изданіи своей книги (Кіевъ, 1881) М. А. Туловъ расширилъ свою задачу и предложилъ ввести нѣкоторыя поправки въ русскую азбуку, для того, чтобы она точнѣе выражала звуки нашего языка. Авторъ считалъ, между прочимъ, нужнымъ ввести въ наше письмо *j* и уничтожить буквы *ѣ*, *и*, *ъ*.

Книга Тулова дала поводъ извѣстному поборнику преобразованія орѳографіи, проф. Р. Ѳ. Брандту, на страницахъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1881 года высказать свои взгляды на русское пра-

вописаніе и на его реформу. Проф. Брандтъ, предлагая основать русское правовописаніе на фонетическомъ началѣ, считалъ возможнымъ произвести болѣе радикальныя измѣнія въ русской азбукѣ и дѣлалъ, между прочими, слѣдующія предположенія:

1) Со введеніемъ j устранить буквы я, е, ю послѣ согласныхъ, обозначая мягкость согласныхъ буквою ь (ньанья, сьомга).

2) Не писать ъ въ концѣ словъ.

3) Исключить изъ азбуки ѳ.

Проф. Брандтъ находилъ уничтоженіе ѣ «даже болѣе желательным, чѣм исключеніе ъ, потому что ъ только безполезен, а ѣ — вреден. Научиться употреблять ъ очень легко, а на ѣ убивается много времени и труда;... пользуясь буквою ѣ, мы воображаем себѣ, что соблюдаем законы русскаго языка, а в дѣйствительности кладем его на Прокрустово ложе церковнославянщины: наука говорит нам, что в русском языкѣ древнеславянскій звук ѣ совпалъ со звуком е, а наше «научное» правописаніе хочет нас увѣрить, что он до сихъ пор существует! Все, что приводилось и приводится в пользу ѣ, не выдерживает критики: справедливо только одно — что мы к нему привыкли, и что отсутствіе его нам покажется странным; но мало ли дурных, хотя глубоко укоренившихся обычаев!» Проф. Брандтъ желалъ уничтоженія буквы ѳ, «чтобы при обученіи юношества родному языку не тратили времени на схоластическія тонкости, а берегли бы его для болѣе полезных занятій»! Далѣе онъ говорилъ, что если ввести новую орѳографію, то она должна существовать для дѣтей, для будущихъ поколѣній и что, разумѣется, нѣт никакой нужды, чтобы переучивались писать тѣ, которые уже научились (371 стр.). «Конечно, всѣм пришлось бы познакомиться с новою графикою, чтобы читать писанныя ею книги: но привыкнуть понимать родную рѣчь, хотя бы и облеченную в непривычныя начертанія, дѣло не особенно трудное. Чѣм новое правописаніе для стараго поколѣнія, тѣм для молодого было бы старое: по старому оно училось бы только читать, а научиться читать недолго — даже буква ѣ читается легко, нелегко только писать ее там, гдѣ принято!» (371 стр.).

Свои мнѣнія о примѣненіи въ русскомъ письмѣ фонетическаго начала проф. Брандтъ отчасти повторилъ, отчасти дополнилъ и развилъ въ своей позднѣйшей публичной лекціи: «О лженаучности нашего правописанія», напечатанной потомъ, въ нѣсколько распространенномъ видѣ, въ «Филологическихъ Запискахъ» 1901 года, вып. I—II. Въ литературѣ послѣдняго времени, посвященной вопросу о правописаніи, статья проф. Брандта является наиболѣе интересной и важной. Къ достоинствамъ ея нужно отнести и то, что при всей серьезности содержанія, она изложена очень доступно. Давнишній поборникъ фонетической системы письма, авторъ признаетъ за аксіому, что слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ, потому что мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить (3 стр.). Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ статьи проф. Брандта можно, впрочемъ, увидѣть, что онъ отнюдь не стоитъ за такую коренную реформу русскаго правописанія, которая совсѣмъ не считается ни съ этимологіей, ни съ обычаемъ. Находя вполнѣ цѣлесообразнымъ, практичнымъ и научнымъ провести въ русскомъ письмѣ болѣе послѣдовательно фонетическое начало, онъ готовъ сдѣлать нѣкоторыя уступки принятымъ написаніямъ.

Напр., онъ допускаетъ писать: «сильно*во*» вмѣсто фонетическаго «силь-н*ава*», замѣчая, что оба *о*, которыя въ произношеніи замѣняются *а*, легко выясняются изъ сравненія словъ «злѡво» и «товѡ», но протестуетъ противъ употребленія въ данномъ окончаніи буквы *г*, которая въ произношеніи отсутствуетъ (41 стр.). Подъ самымъ терминомъ «фонетическое письмо» авторъ вовсе не разумѣетъ «фонетической транскрипціи», «т.-е. письма, дающаго, съ научною цѣлью, по возможности точное понятіе о русскихъ звукахъ, даже человѣку никогда ихъ не слыхавшему», а имѣетъ въ виду «лишь безхитростное воспроизведеніе живого языка для житейскаго обихода» (8 стр.).

Лекція начинается критическими указаніями на непослѣдовательность нашей принятой этимологической и исторической орѳографіи, на ея условность и произвольность. Въ ней нерѣдко вмѣсто историческо-этимологическихъ начертаній, видимъ узаконенныя употребленіемъ ошибки, которыя въ другихъ случаяхъ мы считаемъ безграмотностью. Такъ, пишемъ по утвердившемуся обычаю «высшій», «низшій», тогда какъ этимологія требуетъ написаній «вы*ш*шій», «ни*ж*шій», гдѣ *ш* и *ж* видны въ «выше» и «ниже». Пишемъ «гдѣ», «здѣсь», «вездѣ», «если» по произношенію вмѣсто «кдѣ», «сдѣсь», «вездѣ», «естьли», какъ слѣдуетъ по исторіи и этимологіи этихъ словъ.

Допуская уступки произношенію, наша орѳографія и здѣсь является по временамъ весьма непослѣдовательной. Такъ, просто по недосмотру, въ извѣстномъ правилѣ о перемѣнѣ *з* на *с* въ *воз*, *низ*, *из*, *раз* отъ данныхъ частицъ отбились приставки *без*, *чрез*, изъ которыхъ послѣдняя имѣетъ даже преимущественное право на букву *с*, такъ какъ въ ней звукъ *с* древній (12 стр.). Пишемъ «горячѡ», «свѣжѡ» съ *о* на концѣ, «но просто забыли допустить это и въ нарѣчіи «еще»[1]), которое, не имѣя при себѣ родственныхъ формъ съ буквою *е* (какъ «горячее», «свѣжее»), даже съ бо̀льшимъ удобствомъ могло бы подчиниться произношенію» (13 стр.).

Затѣмъ лекторъ обращаетъ вниманіе на призрачность тѣхъ выгодъ, которыя даетъ историческо-этимологическое письмо. Говорятъ, что оно указываетъ намъ на связь между родственными словами. Но «такія указанія—дѣло совершенно безполезное. Обыкновенно при этомъ взламываютъ отпертую дверь: указываютъ на такую связь, которая и безъ того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство словъ «лавка» и «лавочникъ», ставя въ обоихъ букву *в*? Усумнимся ли мы въ томъ, что фамиліи «Шапошниковъ» и «Посниковъ» восходятъ къ словамъ «шапка» и «постъ», хотя бы въ первой было написано *шн*, вмѣсто *чн*, а во второй—*сн* вм. *стн*?» (9 стр.). Затѣмъ онъ говоритъ, что «слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія» (14 стр.). Если и встрѣчаются въ письмѣ такія выраженія, которыя лишь для глаза представляютъ опредѣленный смыслъ, но при

[1]) Въ *еще* *е* на концѣ, замѣтимъ мы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ свое основаніе: именно, когда слово это въ рѣчи употребляется безъ ударенія. Сравнимъ: Предложу *ещо* вопросъ. Это *еще* вопросъ: придетъ ли. *Ещо* одно послѣднее сказанье. *Еще* въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ, а воды ужъ весной шумятъ.

произношеніи являются неясными, то здѣсь мы имѣемъ замаскированное правописаніемъ неудачное употребленіе словъ и выраженій» [1]), гдѣ «слѣдовало бы дать рѣчи иной оборотъ» (15—17 стр.). Наконецъ, по справедливому мнѣнію Р. Ѳ. Брандта, «при писаніи чего бы то ни было, вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе, а думать о буквахъ—значитъ отвлекаться въ сторону» (42 стр.).

Затѣмъ проф. Брандтъ переходитъ къ вопросу: «какія могли бы быть предприняты реформы въ нашемъ письмѣ, съ цѣлью упрощенія его и возможно полнаго сближенья съ выговоромъ?» (27 стр.).

1. Первый отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что въ фонетическомъ правописаніи каждому звуку языка должна соотвѣтствовать одна опредѣленная буква. Поэтому изъ нашей азбуки должны быть исключены ѳ, ѵ, і, ъ, ѣ. При этомъ ъ внутри словъ («объявить» и подобн.) замѣняется буквою *ь*, что предлагалось и примѣнялось проф. Брандтомъ и раньше въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ».

2. Для проведенія фонетическаго принципа наша азбука нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. Нужно ввести въ употребленіе букву *ё*, что собственно не будетъ новымъ дополненіемъ азбуки. Нужно ввести особую букву для своеобразнаго согласнаго звука, средняго между *г* и *х*, произносимаго въ словахъ «Господь», «благо» и нѣкоторыхъ другихъ.

3. Послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ, для упрощенія и согласно выговору, слѣдуетъ усвоить себѣ *о*.

4. Вмѣсто *жи, ши* писать *жы, шы*, также всегда *цы*.

5. Авторъ «рѣшительно» стоитъ за опущеніе нѣмыхъ буквъ. Поэтому должно писать: «прелесный», «позній», «серце», «сонце» и т. п.

6. Писать по произношенію *хто* (кто) и *што* (что).

7. Не писать въ прилагательныхъ окончаній *кій, гій, хій*, замѣнивъ въ нихъ *і* одной изъ буквъ: *ы, а, о*.

8. Во множественномъ числѣ прилагательныхъ всѣхъ трехъ родовъ употреблять одно окончаніе *ыи* (*іи*), согласное съ выговоромъ.

9. «Въ области слитнаго и раздѣльнаго писанія словъ фонетическій принципъ клонится къ предпочтенію писанія слитнаго».

10. Относительно прописныхъ буквъ фонетическій принципъ требуетъ, чтобы ихъ вовсе не употребляли, такъ какъ имъ ничего не соотвѣтствуетъ въ произношеніи. Разумное оправданіе имѣетъ только большая буква послѣ точки, какъ болѣе ясный, чѣмъ точка, знакъ предшествующей паузы.

11. На счетъ переноса звуковой принципъ допускаетъ всякое раздѣленіе слова. Не стоитъ переносить одну букву, такъ какъ ее можно умѣстить, если умѣщается переносная черточка. Нѣтъ никакой надобности принимать во вниманіе раздѣленіе на слоги, въ произношеніи вовсе не существующее, ни тѣмъ менѣе составъ слова.

12. Что̀ касается знаковъ препинанія, то фонетическое письмо является врагомъ запятой, когда она не обозначаетъ никакой остановки, а искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія. Пишемъ: Онъ, конечно, этого, ни въ какомъ случаѣ, не сдѣлаетъ. Нужно: Онъ конечно этого ни въ какомъ случаѣ не сдѣлаетъ.

---

[1]) Напр. у Жуковскаго: «Золото перетянула кость» (Двѣ повѣсти).

Заканчивая лекцію, проф. Брандъ высказываетъ свои соображенія о примѣненіи предполагаемаго имъ новаго правописанія.

Онъ думаетъ, что введеніе новаго правописанія «едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора» (49 стр.).

Въ жизни и школѣ желательна терпимость къ обоимъ правописаніямъ, а со временемъ старое само собою отойдетъ въ область преданія.

Въ оффиціальной перепискѣ, разумѣется, останется традиціонное письмо. Отступленія отъ него, конечно, безвредны, но могутъ считаться нарушеніемъ приличій.

Къ лекціи приложенъ «Дополнительный экскурсъ о буквѣ ѣ», въ которомъ приведены возраженія противъ помѣщенныхъ въ III выпускѣ «Филологическихъ Записокъ» 1900 года статей Д. Н. Ѳомина и С. Н. Прядкина за сохраненіе буквы ѣ.

Въ концѣ приводятся «Положенія о правописаніи», изъ которыхъ приведемъ:

1) Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, т. е. проще.

7) Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

8) Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающимъ къ тому не разъ противорѣчивыя данныя.

9) Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и стариннымъ, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

13) Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ занятій по языку и словесности.

15) Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

16) Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представитъ нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній.

Ближайшее отношеніе къ предположеніямъ Р. Ѳ. Брандта имѣетъ проектъ упрощенія русской орѳографіи г. В. Куницкаго, читанный въ засѣданіи педагогической секціи С.-Петербургскаго Неофилологическаго общества весною 1901 года и напечатанный въ журналѣ «Образованіе» (1901, ноябрь, 33). Поводомъ къ составленію проекта послужилъ декретъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія объ упрощеніи и упорядоченіи французскаго правописанія (31 іюля 1900 г.). Авторъ проекта находитъ, что и намъ «пришло время подумать хотя о нѣкоторомъ упрощеніи и облегченіи нашихъ правилъ орѳографіи», являющейся «немаловажнымъ тормазомъ въ дѣлѣ общественнаго просвѣщенія» (33 стр.).

Указывая, что низшая и средняя школа тратятъ на орѳографію слишкомъ много времени, въ ущербъ другимъ предметамъ обученія, и при томъ еще часто безъ желательныхъ результатовъ, авторъ думаетъ, что слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы дорогое школьное время не тратилось «на усвоеніе искусства, основные принципы котораго не выдерживаютъ научной критики и не оправдываются практикою и удобствомъ дѣла» (34 стр.).

Не желая излишней и ненужной ломки въ ѳѳографіи, г. В. Куницкій предлагаетъ реформу правописанія, основанную на принципахъ, выдвинутыхъ Туловымъ и проф. Брандтомъ, но проведенныхъ, по его мнѣнію, съ одной стороны, болѣе послѣдовательно, а съ другой, болѣе практично и примѣнительно къ условіямъ школы и жизни (36 стр.).

Проектомъ предлагаются слѣдующія измѣненія въ русской азбукѣ:

1) Введеніе *j* и уничтоженіе буквъ *я*, *ю*, съ обозначеніемъ мягкости согласныхъ буквою *ь* (*пьать*, *тьолка*, *сльуда* и т. п.).

2) Исключеніе буквъ *ъ*, *ѣ*, *ѳ*, *ѵ*, *и*.

Дальнѣйшимъ предположеніямъ авторъ проекта придаетъ значеніе временной мѣры, которую можно допустить до введенія коренной реформы. Онъ предлагаетъ нѣсколько упрощеній въ разстановкѣ запятыхъ и много облегчающихъ правописаніе предложеній въ области этимологіи. Здѣсь имѣютъ цѣну указанія на тѣ именно мелкія и затруднительныя правила письма, которыя не указываются другими проектами. Серьезныя возраженія встрѣчаетъ только предложеніе г. В. Куницкаго въ нѣсколькихъ случаяхъ допускать полную свободу въ употребленіи тѣхъ или другихъ написаній [1]) (пол*а*гать и пологать, извоз*ч*икъ и извоз*щ*икъ, деревя*нн*ый и деревя*н*ый, Коле*н*ька и Коли*н*ька, ручи*ще* и ручи*ща*, слѣпа*г*о и слѣпо*г*о, *сч*астіе и *щ*астіе и т. п.).

При упрощеніи нельзя нарушать принципа упорядоченія письма. Предоставлять произволъ пишущему—значитъ болѣе или менѣе отказаться отъ орѳографіи. Если современная практика и допускаетъ двойныя написанія, то это въ такихъ случаяхъ, гдѣ есть основанія для того и другого: пишемъ па*р*омъ, ка*з*акъ, ла*х*ань, потому что вошло въ обычай писать эти слова по произношенію, но пишемъ и: по*р*омъ, ко*з*акъ, ло*х*ань, потому что можемъ знать, что здѣсь правильнѣе писать *о*. Можно не требовать отъ учащагося большихъ знаній, но должно заставлять его думать при письмѣ и выбирать то, что лучше. Увѣренность, что въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ ни напиши—все равно, въ нѣкоторой степени приводитъ къ расшатанности мысли.

Проектъ В. П. Шереметевскаго.

Руководство къ правописанію академика Я. К. Грота вызвало одно замѣчательное предложеніе объ упрощеніи правописанія. Это книга покойнаго московскаго педагога В. П. Шереметевскаго: «Къ вопросу о «единообразіи» къ орѳографіи по поводу академическаго руководства: «Русское правописаніе». Москва. 1891».

[1]) Это, впрочемъ, является необходимымъ послѣдствіемъ фонетическаго письма, и въ этомъ его слабая сторона.

Благодаря многолѣтней вдумчивой и серьезной практикѣ, авторъ былъ отличнымъ знатокомъ теоріи правописанія съ ея достоинствами и слабыми сторонами. Самая книга Я. К. Грота была тщательно имъ изучена. В. П. Шереметевскій познакомился и съ исторіей правописанія по прежнимъ изданіямъ старыхъ писателей. Поэтому онъ дѣлаетъ нѣкоторыя достойныя большаго вниманія замѣчанія и возраженія автору руководства «Русское правописаніе» по существу дѣла. Особенно же важное значеніе его книги въ томъ, что онъ подвергаетъ «Русское правописаніе» академика Грота критикѣ главнымъ образомъ съ педагогической точки зрѣнія, преимущественно въ тѣхъ отдѣлахъ, которые онъ предполагаетъ упростить. Предложеніе *о сокращеніи и упрощеніи* орѳографическихъ правилъ онъ дѣлалъ еще раньше появленія руководства Грота, въ засѣданіи Учебнаго Отдѣла Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній 22 января 1883 года. Рефератъ, прочитанный тогда В. П. Шереметевскимъ: «Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ въ особенности», заканчивался предложеніемъ собрать комиссію изъ преподавателей русскаго языка, которая должна заняться составленіемъ проекта упрощеннаго правописанія для школы и представить этотъ проектъ на усмотрѣніе II Отдѣленія Академіи Наукъ.

Ни проектъ Шереметевскаго, ни его книга не обратили на себя въ свое время должнаго вниманія, или, лучше сказать: не дали никакихъ практическихъ послѣдствій, но и въ настоящее время его статья является, по нашему мнѣнію, лучшимъ изложеніемъ педагогическихъ взглядовъ по вопросу объ орѳографіи въ отношеніи къ школьному обученію. Преподавателямъ даетъ она много поучительнаго, а противники введенія упрощенной орѳографіи найдутъ въ ней неопровержимые доводы въ пользу упрощенія.

Главное содержаніе книги В. П. Шереметевскаго состоитъ изъ предложеній упрощенія, при чемъ каждое сопровождается подробной мотивировкой, съ остроумнымъ критическимъ разборомъ принятыхъ въ орѳографіи правилъ.

Дѣйствуя единолично, желая имѣть на своей сторонѣ многихъ, не встрѣтивъ сочувствія среди членовъ Учебнаго Отдѣла Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній послѣ сдѣланнаго имъ предложенія составить комиссію для составленія проекта упрощеннаго правописанія, В. П. Шереметевскій, конечно, не могъ надѣяться на успѣхъ въ случаѣ предложенія значительныхъ преобразованій. Поэтому его проектъ отличается большою умѣренностью. Хотя проектъ напечатанъ съ соблюденіемъ всѣхъ предлагаемыхъ авторомъ нововведеній, но его орѳографія вовсе не бросается въ глаза. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ:

1. Писать *о* ударяемое послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и свистящей *ц* во всѣхъ случаяхъ, т. е. и въ недопускаемыхъ правописаніемъ академика Я. К. Грота, въ родѣ: ещ*о*, жосткій, шолкъ, чотки, щотка, въ чомъ, течошь, течотъ, шолъ, наречонъ, пристыжонъ, рѣшонъ, прельщонъ.

2. Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз* писать всегда этимологически наравнѣ со всѣми другими, т. е. писать: возкресенье, изходъ, низпускать

разтравлять, разфрантиться, изчезать, возшествіе, разщепать, изцарапать и т. п.

3. Писать слово *миръ* во всѣхъ случаяхъ черезъ *и*.

4. Именительный падежъ множественнаго числа прилагательныхъ писать во всѣхъ родахъ съ окончаніемъ *ія*.

5. Въ дательномъ и предложномъ надлежитъ писать окончаніе *ѣ* и послѣ *і*, т. е., ставить *ѣ* во всѣхъ случаяхъ: къ Софіѣ, о геніѣ, о Василіѣ, о житіѣ, на новосельѣ, въ недоумѣньѣ, о воскресеньѣ.

6. Въ заимствованныхъ словахъ писать всегда по общему правилу *е*, т. е. въ словахъ: Алексей, Еремей, Елисей, Матвей, Сергей, индеецъ.

7. Упростить правила о слитномъ и раздѣльномъ написаніи словъ, установивши писать «слитно, когда та или другая часть извѣстнаго сочетанія отдѣльно не употребляется». Т. е. писать раздѣльно: *на примѣръ*, *сей часъ*, *въ верху*, *по видимому*, *на удалую* и т. п., и писать слитно: *вдоль*, *вскользь*, *наружу* и под., гдѣ нѣтъ двухъ отдѣльныхъ словъ.

Предлагаемыя семь упрощеній замѣнили бы, по подсчету автора, 71 правило «Русскаго правописанія»; одинъ отдѣлъ о слитномъ и раздѣльномъ написаніи словъ состоитъ въ немъ изъ 47 правилъ, исключеній и замѣтокъ. «Если только въ семи случаяхъ», замѣчаетъ авторъ о руководствѣ Я. К. Грота, «насчитывается семьдесятъ одно (71) правило, то какова же должна быть общая сумма всѣхъ правилъ въ цѣломъ Академическомъ руководствѣ? И будь у насъ поболѣе досуга, и посильнѣе зрѣніе, мы не полѣнились бы точнѣйшимъ образомъ опредѣлить эту сумму; въ случаѣ упрека, что мы намѣренно смѣшиваемъ въ одну кучу и правила и изключенія, и отрывочныя замѣтки, и даже выноски внизу страницъ, мы отвѣтимъ, что для практическаго изученія орѳографіи, правила и изключенія безразличны, послѣднія даже труднѣе для усвоенія, какъ все стоящее особнякомъ, отрывочное и мелочное. Впрочемъ, желающимъ болѣе точнаго опредѣленія суммы правилъ можно посовѣтовать обратиться къ обстоятельному оглавленію самого Академическаго руководства; внимательный просмотръ этого оглавленія даетъ довольно точное понятіе объ изумительной роскоши орѳографическаго кодекса» [1]) (Сочиненія Шереметевскаго, стр. 295).

Обращая вниманіе читателей на многочисленность правилъ, мелочныя исключенія и замѣтки, которыя въ очень большомъ числѣ разсѣяны по руководству Я. К. Грота, В. П. Шереметевскій очень основательно указываетъ, какъ страшно это затрудняетъ учащихся. «Если бы составитель «Русскаго Правописанія», говоритъ онъ, «ближе былъ знакомъ со всѣми трудностями той черновой работы начальнаго обученія грамотности, со всей закулисной стороной этого хлопотливаго дѣла, то едва ли бы онъ внесъ въ руководство... [разныя] мелочныя замѣтки» (247 стр.). Лица, научившіяся правильному письму, и даже мало внимательные къ практикѣ педагоги, склонны иногда представлять себѣ нѣкоторыя стороны изученія орѳографіи довольно легкими. Замѣчая, что даже со стороны нѣкоторыхъ учителей можетъ быть высказано мнѣніе, что правило о буквѣ *ѣ* въ собственныхъ именахъ не можетъ представить особыхъ за-

[1]) Оглавленіе занимаетъ безъ малаго 6 страницъ.

трудненій — стоитъ только заставить заучить 5 собственныхъ именъ, нашъ авторъ возражаетъ: «Подобное замѣчаніе для спеціалиста-практика крайне легкомысленно, ибо память учащихся не мѣшокъ, что положатъ, то и несетъ; въ памяти будутъ путаться заученныя пять именъ съ другими 25 сходными по формѣ именами (въ календарѣ насчитали мы всѣхъ такихъ именъ мужскаго рода до 30); главное же памяти и безъ того предстоитъ усвоить до 130 коренныхъ словъ (см. Краткій учебникъ Поливанова) съ буквою *ѣ*; нечего и говорить уже о производныхъ» (286 стр.). «Всегда найдется», говорится въ другомъ мѣстѣ, «не одинъ изъ малыхъ сихъ, и не изъ числа малоспособныхъ, который никакъ не можетъ запомнить, гдѣ писать *і*, а гдѣ *и* (въ словѣ *міръ*); въ самомъ дѣлѣ: на что опереться памяти? пиши *міръ*, когда знач. свѣтъ, а *миръ*, когда знач. тишина; но почему же не на оборотъ; другое дѣло, еслибы подобныхъ словъ было много; тогда возможно было бы обобщеніе, въ родѣ слѣд.: пиши *и*, если собственное значеніе, если переносное, то *і*. Но бѣда для ребячьихъ головъ и заключается именно въ исключительномъ характерѣ этихъ одинокихъ орѳографическихъ бобылей» (268—269 стр.).

Проектъ Московскаго педагогическаго общества.

Предложеніе В. П. Шереметевскаго не осталось забытымъ. Въ сентябрѣ 1895 года предсѣдатель Комиссіи преподавателей русскаго языка, состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, С. Г. Смирновъ, «поставилъ на видное мѣсто вопросъ о ходатайствѣ передъ Академіей Наукъ объ упрощеніи русскаго правописанія и объ отмѣнѣ обязательнаго слѣдованія руководству Я. К. Грота». Съ возникновеніемъ при Московскомъ Университетѣ Педагогическаго Общества, въ составъ его вошли почти всѣ члены Учебнаго Отдѣла. Ихъ труду, вмѣстѣ съ другими лицами, и принадлежитъ проектъ упрощенія русскаго правописанія, напечатанный въ изданіи: «Вопросы воспитанія и обученія. Труды Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. I. М. 1901».

Поводомъ къ составленію проекта послужила выше названная лекція Р. Ѳ. Брандта «О лженаучности русскаго правописанія», прочитанная въ засѣданіи Отдѣла 12 апрѣля 1899 г.

Въ этомъ же засѣданіи была избрана комиссія для составленія проекта упрощенія русскаго правописанія: предсѣдатель Р. Ѳ. Брандтъ, секретарь И. П. Казанскій, члены: С. Г. Смирновъ, Н. Г. Бажановъ и П. Н. Сакулинъ. Комиссія пользовалась «научною помощью извѣстнаго лингвиста, академика Ф. Ѳ. Фортунатова, принимавшаго дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ».

Послѣ 14 засѣданій комиссіи, Отдѣленію преподавателей русскаго языка и словесности былъ представленъ докладъ комиссіи, составленный П. Н. Сакулинымъ. «Разсмотрѣнный и отчасти измѣненный въ засѣданіи Отдѣленія преподавателей русскаго языка и словесности и въ двухъ соединенныхъ засѣданіяхъ того же Отдѣленія и Отдѣленія начальныхъ училищъ, докладъ этотъ представленъ былъ на обсужденіе общаго собранія, которое подвергло его тщательному разбору на трехъ своихъ

засѣданіяхъ, и 26 мая 1901 г. большинствомъ голосовъ утвердило его съ нѣкоторыми лишь измѣненіями». Въ печати мы видимъ докладъ не въ первоначальной, а въ этой измѣненной редакціи.

Обширный «Докладъ Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, по вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи» состоитъ изъ 4 главъ. Въ первой: «Необходимость упрощенія русскаго правописанія»—указывается на повторяющіяся жалобы, что школа обременяетъ учащагося формальными знаніями, въ ущербъ его общему развитію. Формальный взглядъ на образованіе отражается и на преподаваніи русскаго языка, которое сосредоточивается на внѣшней грамотности, являющейся главной цѣлью занятій по русскому языку въ школахъ всѣхъ типовъ, а въ начальныхъ училищахъ даже единственною. Эти усиленныя занятія орѳографіей не приводятъ къ желаемымъ результатамъ: опытъ показываетъ, «что средняя школа не можетъ достигнуть полной грамотности не только въ IV классѣ, какъ того требуютъ учебные планы, но и въ VII классѣ». Изъ этого видно, что усвоеніе русской орѳографіи есть огромный трудъ, на который тратится значительный запасъ умственныхъ силъ учащихся и учащихъ. При этомъ послѣдніе «не имѣютъ утѣшенія въ сознаніи, что ихъ работа, хоть и тяжела, но даетъ положительные и цѣнные результаты». Преподаватель «то и дѣло долженъ отвѣчать молчаніемъ на законный вопросъ учащихся «почему» и сознаваться въ условности и даже ложности тѣхъ правилъ орѳографіи, которымъ онъ обучаетъ». Изъ этихъ затрудненій представляется два выхода: во-первыхъ, слѣдовало бы понизить самыя требованія по орѳографіи, особенно по отношенію къ начальной школѣ, а во-вторыхъ, необходимо произвести пересмотръ современнаго русскаго правописанія съ цѣлью его упрощенія.

Въ главѣ II: «Ходъ работы»—излагается уже переданная нами исторія составленія Доклада.

Глава III заключаетъ въ себѣ: «Принципы предлагаемаго упрощенія орѳографіи». Эти принципы слѣдующіе:

Въ азбукѣ не должно быть лишнихъ буквъ: каждый звукъ долженъ обозначаться особымъ и только однимъ начертаніемъ. Для практическаго (не научнаго) правописанія не нужна безусловная точность: письмо должно отличиться прежде всего простотой и легкостью. Такъ какъ письмо есть та же связная рѣчь, то излишне стремиться посредствомъ правописанія дать отличіе словамъ и формамъ, звучащимъ въ рѣчи одинаково, какъ міръ—вселенная и миръ—тишина, весь—мѣстоименіе и вѣсь—глаголъ. Мы поймемъ эти слова и въ письмѣ, если мы понимаемъ эти слова въ разговорѣ, какъ понимаемъ въ произношеніи и письмѣ множество словъ, имѣющихъ не одно значеніе, въ родѣ: лукъ, ключъ, жать, печь, стекло, стихъ и т. п. Правописаніе, назначенное для общаго пользованія, должно быть опредѣленной системой, не трудной для усвоенія и годной для ясной, но не абсолютно-точной передачи звуковъ живой рѣчи.

Эти общія начала примѣняются къ русскому правописанію слѣдующимъ образомъ:

Правописаніе «не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія», но сохранять такой видъ, въ которомъ имъ

могли бы пользоваться безъ особыхъ затрудненій всѣ говорящіе на этомъ языкѣ.

Устойчивость и единообразіе правописанію должно дать «сохраненіе этимологическаго начала, поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ».

«Научная закономѣрность въ правописаніи есть уже его упрощеніе, потому что все то просто, что объяснено и приведено въ болѣе или менѣе строгую систему».

Русское современное правописаніе имѣетъ два главныхъ недостатка:

1) Историческія переживанія въ правописаніи, которыя противорѣчатъ явленіямъ современнаго языка. Эти переживанія создаются постепенно, потому что всякій живой языкъ измѣняется и опережаетъ письмо, которое всегда отличается большей неподвижностью. Это обстоятельство дѣлаетъ законнымъ и необходимымъ періодическій пересмотръ всякаго правописанія. Въ современномъ письмѣ мы сохраняемъ лишнія буквы, соотвѣтствующія утраченнымъ звукамъ, напр., *ъ*, или сохраняемъ старыя написанія для видоизмѣнившихся звуковъ; пишемъ: *жила*, *шила*, а говоримъ: *жъла*, *шъла*.

2) Рядъ произвольныхъ правилъ, рѣзко противорѣчащихъ исторіи и свойствамъ русскаго языка. Такія правила вводили въ разное время книжники-реформаторы: напр., югославянскіе ученые XIV и XV вѣковъ, «Россійское собраніе» при Академіи Наукъ и др. Эти правила: объ употребленіи *і*, написанія *ея*, *добрые* и *добрыя*, *синія* и *синіе*, окончанія *аго* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ и др. Для упрощенія правописанія «необходимо устранить подобныя произвольныя правила, затруднительныя именно вслѣдствіе своей неосновательности».

Радикальное измѣненіе правописанія по разнымъ причинамъ неудобно, поэтому комиссія ограничивается важнѣйшими и неотложными случаями.

При введеніи новаго правописанія слѣдуетъ настойчиво желать, чтобы оно не исключало возможности нѣкотораго разнообразія въ несущественныхъ и спорныхъ случаяхъ.

Глава IV содержитъ «Проектируемые случаи упрощенія», которые относятся А) къ составу азбуки, В) къ орѳографическимъ правиламъ касательно 1) фонетики, 2) морѳологіи и 3) переноса словъ. Въ заключеніе приведены «Основныя положенія доклада» и «Образецъ новаго правописанія». Всѣ положенія проекта подробно мотивированы. При этомъ разбираются: исторія разныхъ случаевъ правописанія; орѳографическія правила болѣе замѣчательныхъ грамматикъ и книгъ по правописанію: Ломоносова, Востокова, Буслаева, Грота; мнѣнія извѣстныхъ филологовъ и лингвистовъ новаго времени: Пауля, Потебни, Соболевскаго, Шахматова, Брандта; принимаются въ разсчетъ и нѣкоторыя другія соображенія, напр. показанія школьной практики.

Предполагаемыя проектомъ упрощенія сводятся къ слѣдующему:

1) Исключаются изъ азбуки лишнія буквы: ѣ, ъ, ѵ, і, ѳ.

2) *ь* пишется только тогда, когда отъ опущенія его получается искаженіе слова: гнать, нянька, весьма, крестьянин и т. п. Излишне писать *ь* на концѣ словъ послѣ *ч* и *щ*: ночь, мощь, печь. Съ устраненіемъ ера, вмѣсто него употребляется *ь* внутри словъ: объёмъ, съесть и под.

3) Послѣ *ж, ш, ц* пишется *ы*: жыр, жыть, сушыть, станцыя, лекцыя и т. д. При этомъ не слѣдуетъ ставить *ь* послѣ *ж, ш* въ концѣ словъ: рож, тиш.

4) Послѣ шипящихъ и *ц* ударяемое *о* постоянно изображается и на письмѣ: жорнов, шол, течот, прельщон и т. д.

5) Приставки *воз, из, низ* и *раз*, подобно *без, чрез (через)* и другимъ префиксамъ, пишутся по этимологіи, всегда съ *з*.

6) Въ родит. падежѣ ед. числа прилагательныхъ, мѣстоименій, причастій и числительныхъ пишется окончаніе *ово* и *ево*.

7) Въ именит.-винит. падежахъ подобныхъ словъ пишется окончаніе *ыи* или *ии*.

8) Форма *её* употребляется въ значеніи какъ винит., такъ и родит. падежей.

9) Всегда пишется *они, одни*.

10) Въ предложномъ падежѣ един. числа существительныхъ на *ій, ія, іе* (Василій, линія, зданіе) и въ дательномъ словъ на *ія* (Марія) допускается по общему правилу *е*.

11) Слова переносятся по слогамъ съ соблюденіемъ двухъ правилъ: 1) согласная причисляется къ слѣдующей гласной, 2) при стеченіи согласныхъ можно переносить всѣ или нѣкоторыя.

Проектъ академика Ѳ. Е. Корша.

Московскій проектъ орѳографической реформы и вызванная имъ полемика заставили высказаться по вопросу объ орѳографіи одного изъ наиболѣе извѣстныхъ и лучшихъ русскихъ лингвистовъ, академика Ѳ. Е. Корша. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» 1902 года, книга 1, появилась его статья: «О русскомъ правописаніи». Авторъ—рѣшительный сторонникъ реформы, но не имѣетъ въ виду дать свой полный проектъ новаго правописанія или подробно разбирать чужіе проекты и выраженные по поводу ихъ взгляды: онъ посвящаетъ свою статью разъясненію общихъ вопросовъ и охотно входитъ въ подробности лишь въ такихъ случаяхъ, когда это помогаетъ главной его цѣли. Обсужденіе и разъясненіе общихъ вопросовъ имѣло свое основаніе въ томъ, что, по мнѣнію автора статьи, большая часть публики мало призвана къ рѣшенію споровъ объ орѳографіи и въ ожесточенной борьбѣ между консерваторами и реформаторами «сочувствіе большинства читателей къ той или другой сторонѣ обусловливается причинами болѣе или менѣе субъективными: одни, твердо усвоившіе себѣ школьныя правила о буквѣ *ъ*, смотрятъ на нее, какъ на палладіумъ цивилизаціи, и въ написаніи «седло» или «цвелъ» видятъ вторженіе варварства, а другіе, не столь памятливые или болѣе склонные къ писанью безо всякихъ стѣсненій, какъ попало, рады всякой реформѣ, которая сниметъ съ нихъ ненужныя, по ихъ мнѣнію, путы. И то и другое основано на прискорбномъ недоразумѣніи, зависящемъ отъ того, что читатели-сторонники того и другого направленія одинаково мало вдумывались въ вопросы, что́ такое правописаніе, и каково оно у насъ» (39 стр.).

Изъ множества въ высшей степени интересныхъ мнѣній, соображеній и указаній Ѳ. Е. Корша обратимъ наше вниманіе на тѣ, которыя относятся: 1) къ исторіи нашего правописанія, 2) къ разъясненію основъ орѳографической реформы, 3) къ предположеніямъ желательныхъ въ немъ измѣненій.

«Правописаніе какого угодно языка», говоритъ Ѳ. Е. Коршъ, «было въ началѣ, т. е. послѣ перваго примѣненія къ этому языку данной азбуки, по необходимости фонетическимъ. Кириллъ и Меѳодій, создатели одной изъ совершеннѣйшихъ азбукъ, руководились при обозначеніи звуковъ церковно-славянскаго языка исключительно слухомъ... И тамъ, гдѣ первоначальная форма слова имъ, людямъ, грамматически образованнымъ, должна была быть ясна, они (или, по крайней мѣрѣ, ихъ ближайшіе ученики) писали безъ смущенія по выговору *исцѣлити* и *ищѣлити* вмѣсто *из(ъ)цѣлити*, *въжделѣти* вмѣсто *възжелѣти*, *бещисла* вмѣсто *без(ъ) числа*... Русскіе, принявъ кириллицу, заботились, конечно, не объ этимологіи, а только о передачѣ звуковъ своего языка. Потому они откинули ненужныя имъ ѫ и зѣло, а ѧ стали употреблять въ значеніи *а* съ предшествующей мягкостью, иногда и вмѣсто ѩ, которымъ въ церковно-славянскомъ языкѣ выражалось исключительно сочетаніе *ја*... Мало по малу ъ и ь все въ большемъ числѣ случаевъ выпадали, въ другихъ — замѣнялись звуками (и буквами) *о* и *е*, а ѣ сталъ отожествляться въ произношеніи съ *е*... Приблизительно съ XV в., откуда можно считать начало новорусскаго языка, глухія въ выговорѣ и письмѣ окончательно замѣнились полными гласными *о* и *е* или пропали, а ѣ, совершенно слившись съ *е*, вышелъ-бы, пожалуй, совсѣмъ изъ употребленія, если-бы не поддерживался литературными воспоминаніями, сплошь да рядомъ неточными».

Оговорившись въ сноскѣ, что въ данномъ случаѣ, конечно, разумѣется правописаніе чисто русскихъ, а не церковныхъ памятниковъ, Ѳ. Е. Коршъ замѣчаетъ, что фонетическая основа русскаго правописанія въ XVI и XVII вѣкахъ начала колебаться вслѣдствіе вторженія въ письменность южно-великорусскаго аканья. За упорядоченіе правописанія взялись тогдашніе грамотеи, которые поставили образцомъ для русскаго языка церковно-славянскій. Но церковно-славянскій языкъ къ этому времени успѣлъ перемѣшаться съ русскимъ, и орѳографія его была также въ безпорядочномъ состояніи. Грамматисты XVII и XIX вѣка продолжали исправлять и утверждать русскую орѳографію, руководствуясь церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ создалось «то шаткое, лже-историческое правописаніе, которое всякій изъ насъ примѣняетъ болѣе или менѣе по-своему, нѣкоторые считаютъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ глубокой старины, большинство бранитъ за его трудность и сбивчивость и лишь очень незначительное меньшинство цѣнитъ надлежащимъ образомъ» (68—70 стр.).

Попытки къ исправленію нашего правописанія, говоритъ академикъ Коршъ, «отличались тѣмъ-же недостаткомъ, которымъ страдаетъ и самъ предметъ исправленія,—непослѣдовательностью, чему наглядным примѣромъ можетъ служить... руководство академика Я. К. Грота хотябы въ своемъ послѣднемъ, окончательно провѣренномъ изданіи: въ этой книгѣ основой правописанія является то этимологія, то обычай, да и

этимологія примѣняется не всегда вѣрно, и самое понятіе ея не выяснено» (70 стр.).

На какомъ же началѣ должно быть перестроено русское правописаніе?

Научное этимологическое правописаніе, прекрасные образцы котораго далъ покойный А. А. Потебня, Ѳ. Е. Коршъ считаетъ практически неудобнымъ, такъ какъ оно требуетъ большихъ знаній и особой сообразительности.

Разнообразныя практическія и теоретическія основанія, которыя подробно разсматриваются въ статьѣ, не позволяютъ, по мнѣнію Ѳ. Е. Корша, утвердить правописаніе и на современномъ литературномъ произношеніи.

«Образованный Москвичъ или Петербуржецъ, между прочимъ говоритъ Ѳ. Е. Коршъ, «не только въ частномъ разговорѣ, но даже на каѳедрѣ и на сценѣ благодушно принимаетъ черты діалектическаго произношенія, въ противоположность современному Римлянину, который готовъ освистать актера-Венеціанца за всякое, хоть-сколько нибудь рѣзкое проявленіе его мѣстнаго говора. И такъ, основать русское правописаніе на литературномъ выговорѣ значитъ принять за мѣру выговоръ того или другого литературно-образованнаго человѣка, необязательный для другого литературно-образованнаго человѣка, имѣющаго приблизительно такія же права на предъявленіе своего выговора въ качествѣ нормы... Но съ другой стороны очевидно, что, если мы хотимъ разумно облегчить наше правописаніе, мы должны принять въ разсчетъ то, что̀ есть общаго въ произношеніи всѣхъ литературно-образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, великорусскихъ, такъ какъ нашъ литературный языкъ примыкаетъ несомнѣнно къ говорамъ великорусскимъ, а не къ малорусскимъ и не къ бѣлорусскимъ, — принять въ разсчетъ не какъ безусловную норму, а лишь какъ одинъ разрядъ данныхъ для установки такого правописанія, которое представляло-бы собою звуки великорусскаго языка вообще, со включеніемъ крупнѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ его разновидностей» (42 стр.).

«Такъ какъ литературное нарѣчіе», говоритъ академикъ Ѳ. Е. Коршъ въ другомъ мѣстѣ, «для котораго собственно и устанавливается правописаніе, произошло изъ великорусскихъ говоровъ, письменное изображеніе этого нарѣчія должно воспроизводить ту ступень великорусскаго языка, когда онъ, окончательно обособившись и опредѣлившись въ своихъ признакахъ, еще не распался на существующіе теперь говоры. Это и есть приблизительно конецъ XIV в. или начало XV, когда аканье еще не проникло въ письменность, а потерявшія свою слоговую природу *ъ* и *ь* еще напоминали о себѣ удержаніемъ предшествовавшихъ имъ согласныхъ въ ихъ первоначальномъ ряду, т. е. напр. *гвоздь* (не = *гвость*), *лавка* (не = *лафка* — изъ *лавъка*), *просьба* (не = *прозьба*) и т. п., и сохраненіемъ ихъ, какъ *лестной* (съ *т*) и др.» (70—71 стр.).

Что же касается до предложеній Ѳ. Е. Корша объ измѣненіяхъ въ орѳографіи, то мы будемъ говорить о нихъ не входя въ подробности и лишь настолько, насколько они относятся къ ея упрощенію.

«Привычный намъ *ѣ*» академикъ Коршъ предлагаетъ сохранить, но употреблять не по традиціи, а для обозначенія существующаго въ современномъ русскомъ языкѣ широкаго звука *е*, именно писать *ѣ* на

мѣстѣ звука *е* передъ твердой согласной и въ концѣ словъ подъ ударе-ніемъ, подобно *ё*: *вѣра* и *верю*, *мѣлъ* и *мель*, *цѣлъ* и *цель*, *лѣсъ* и *лезь*, *нѣкого* и *нечего*, *зѣмство* и *земецъ*, *королѣва* и *королевичъ*, *надѣжда*, *крѣсло*, *женѣ*, *сестрѣ* и т. п. Это остроумное примѣненіе старой русской азбуки къ особенностямъ современнаго русскаго языка представляетъ оригинальную особенность проекта Ѳ. Е. Корша. Съ нимъ является возможность различать три звука русскаго языка: *е* широкое (тѣло, пѣкарь), *е* узкое (тельце, печь) *ё* (тёлка, пёкъ). Основанія своего предложенія авторъ статьи развиваетъ очень подробно, излагая и разсматривая вмѣстѣ съ тѣмъ возраженія, которыя дѣлались ему противъ такого примѣненія буквы *ѣ* академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Предлагаемое академикомъ Коршемъ употребленіе буквы *ѣ*, дѣйствительно, облегчило бы русское правописаніе, такъ какъ вопросъ о постановкѣ *ѣ* сводился бы къ умѣнью отличать твердую согласную отъ мягкой — что, впрочемъ, не всегда легко — и опредѣлить ударе́ніе въ словѣ. При этомъ правописаніе буквы *ѣ* не было бы дѣломъ механической памяти, но основывалось бы на знаніи дѣйствительныхъ особенностей живого языка.

По проекту академика Корша *і* и *ъ* признаются совершенно ненужными (при введеніи j: *отjѣзд*, *объявил* и под.).

Употребленіе *ь* ограничивается: *полночь*, *глушь*.

«*Ѳ*... совпавъ по выговору съ *ф*... стала до такой степени излишней, что и грамотѣи пишутъ *фофанъ*, хотя это слово есть простонародная передѣлка имени *Ѳеофанъ*..., и *Олфёра* едва ли кто рѣшится написать съ *ѳ*, хотя онъ-же—*Елевѳерій*» (81 стр.).

Э при введеніи *j* является ненужнымъ: *jево*, *економ*, *тот*, *jесть* и под., гдѣ *е* и *ѣ* безъ *j* нужно читать какъ *э*.

Вмѣсто правилъ орѳографіи условныхъ или основанныхъ на церковнославянскомъ языкѣ и тѣхъ правилъ русской орѳографіи, которыя не имѣютъ теперь опоры въ живомъ языкѣ, Ѳ. Е. Коршъ считаетъ нужнымъ ввести правила, которыя оправдываются современнымъ литературнымъ языкомъ:

жы, *шы*, *цы* вмѣсто *жи*, *ши*, *ци* (но *ча*, *чу* сохраняются);

роз не только подъ ударе́ніемъ (*ро́звальни*, *ро́зговѣнье* и под.), но и безъ ударе́нія: *розлучит*, *розмѣр* и т. под.;

въ прилагательныхъ мужескаго рода именительнаго падежа единственнаго числа всегда писать окончанія *ой*, *ей*; не только: *слѣпой*, *такой*, *нагой*, но и: *доброй*, *старой*, *высокой*, *строгой*, *синей*, *прочей* и под.;

въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и прилагательныхъ писать окончанія *ово*, *ево*;

въ именительномъ множественнаго прилагательныхъ писать *ыя* (*ыja*) безъ различія рода;

вмѣсто *ея* писать *её*;

согласно съ выговоромъ, въ глаголахъ третьяго лица множественнаго числа писать неударяемыя окончанія *ут*, *ют* (слу́жут, хо́дют);

по той же причинѣ, возвратный залогъ оканчивать на *са*, *с* (*запе́рса*, *обви́лас* и под.).

Проекты педагогическихъ обществъ Казанскаго и Одесскаго.

Примѣру Московскаго педагогическаго общества прежде другихъ послѣдовало Казанское. На общемъ собраніи этого общества, 30 сент. 1901 года, проф. Е. Ѳ. Будде прочиталъ «Предложеніе по вопросу о русскомъ правописаніи». «Въ нашей средней школѣ», указывалъ проф. Будде, «все преподаваніе русскаго языка до сихъ поръ было приноровлено» главнымъ образомъ къ тому, чтобы «научить учениковъ писать грамотно», не въ широкомъ смыслѣ искусства хорошо владѣть роднымъ языкомъ, но въ узкомъ смыслѣ умѣнія «употреблять на письмѣ тѣ буквы», которыя приняты обычной орѳографіей, не выдержанной и не обоснованной научно, но требуемой прежними школьными учебниками, а въ послѣднее время руководствомъ Грота, сдѣлавшимся обязательнымъ для школы.

Преподаватели русскаго языка, «увлекшись болѣе легкимъ пониманіемъ своей задачи» изученія родного языка «въ смыслѣ задачи обучить правописанію по книжкѣ Грота, явились въ нашей средней школѣ истиннымъ бичомъ и для русскаго языка и для учениковъ... Кто изъ насъ не зналъ такихъ дѣтей, которыя прекрасно писали такъ называемыя сочиненія на русскомъ языкѣ, обнаруживали достаточное умственное развитіе и начитанность, но ставили не тѣ буквы, которыя требовались учителями, получали въ теченіе года неудовлетворительныя отмѣтки, проваливались изъ-за неправильно написанныхъ буквъ на экзаменѣ, лишались въ былое время дипломовъ и считали себя несчастными и «не зрѣлыми» изъ за буквъ» (Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Труды и протоколы. I, 3. Казань, 1901. Стр. 127—128).

«Одна буква *е* въ словѣ *хмель* или *спесь*, въ словѣ *копейка* или *Онега* въ 70-хъ и 80-хъ годахъ способна была привести въ негодованіе преподавателя и погубить ученика, а теперь въ этихъ же самыхъ словахъ буква *ъ* вм. *е* способна сдѣлать и съ учителемъ и съ ученикомъ то же самое... Одна буква *ъ* въ словахъ *мелкій*, *мелочь*, *некого*, *нечего* и т. д. была роковой въ судьбѣ ученика времени... моего обученія въ гимназіи, а теперь, послѣ научныхъ разсужденій проф. Потебни, всѣ ученые убѣдились въ необходимости буквы *ъ* въ этихъ словахъ и такъ и пишутъ эти слова, зная, что надъ ними нѣтъ Дамоклова меча въ лицѣ учителя и Грота... Между тѣмъ, не смотря ни на какую науку, ученики должны и сейчасъ писать эти слова черезъ букву *е* изъ страха, что отъ ихъ «невѣжества» пошатнется и самое свидѣтельство объ ихъ зрѣлости» (стр. 128).

Докладчикъ указывалъ, что усвоеніе современной орѳографіи не доказываетъ еще *настоящаго образованія* нашихъ дѣтей и юношей и что при ней мы должны признать грамотными людьми писарей, привыкшихъ орѳографически правильно писать разныя бумаги, и отказаться отъ мысли считать грамотными людьми Гоголя, Жуковскаго, Пушкина и многихъ другихъ образованныхъ и ученыхъ представителей *истиннаго* русскаго просвѣщенія.

«Само собой разумѣется», говорилъ въ заключеніе проф. Будде, «что школа и дѣло общаго образованія не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ возможныхъ случайныхъ требованій касательно той или другой буквы русскаго алфавита. Школа можетъ требовать только того, что является необходимымъ элементомъ въ образованіи ученика..., безъ чего немыслимо понятіе объ образованномъ человѣкѣ нашего времени» (129—130 стр.).

Профессоръ Будде признавалъ нужнымъ «или русскую орѳографію оставить такъ, какъ она есть, но при этомъ не добиваться ея знанія въ школѣ путемъ крутыхъ мѣръ и обязательнаго зазубриванія, а предоставить дѣло усвоенія ея практикѣ при возможно болѣе обильномъ чтеніи... Или упорядочить и упростить наше правописаніе общими силами, какъ это окажется наиболѣе цѣлесообразнымъ и возможнымъ, причемъ въ основу его слѣдуетъ положить главнымъ образомъ его раціональность, осмысленность. Раціональнымъ же правописаніе будетъ тогда, когда оно будетъ покоиться на одномъ какомъ-либо принципѣ, и, именно, на принципѣ *устойчивомъ*. Къ числу безусловно устойчивыхъ принциповъ въ данномъ случаѣ принадлежитъ принципъ соотвѣтствія письменныхъ знаковъ со звуками живой литературной рѣчи, но этотъ принципъ фонетической транскрипціи для школы неудобенъ, хотя и вполнѣ наученъ. А потому этотъ принципъ слѣдуетъ провести лишь частью, т. е. слѣдуетъ упорядочить правописаніе такъ, чтобы оно явилось наименѣе затруднительнымъ на первыхъ же порахъ изученія грамоты и наиболѣе соотвѣтствующимъ даннымъ исторіи нашего языка» (стр. 130).

Замѣтивши, что «въ этомъ смыслѣ и работало Московское Педагогическое Общество», профессоръ Е. Ѳ. Будде высказывалъ желаніе, чтобы члены Казанскаго Педагогическаго Общества, сочувствующіе дѣлу упорядоченія орѳографіи и ея преподаванія въ томъ или другомъ смыслѣ, также занялись обсужденіемъ руководящихъ принциповъ и частныхъ правилъ новой раціональной орѳографіи. Съ своей стороны онъ предлагалъ для свѣдѣнія собравшихся лицъ слѣдующія основы предполагаемаго правописанія.

1) Выбросить буквы, не имѣющія никакого звукового значенія. Напр., *ъ*.

2) Выбросить дублеты. Напр., *ѣ, і, ѳ, ѵ*.

3) Оставить то, что является научно доказаннымъ. Напр., буква *с* въ словѣ *сдавить* или *сбить*, окончанія основъ и лицъ въ спряженіяхъ глаголовъ (*знаешь, ходишь, строятъ* и под.).

4) Ввести то, что обосновано научно, но не принято только въ силу существующей привычки къ обычной формѣ письма. Напр., окончанія прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода на *ого, его*.

5) Представить произволу пишущаго то, что еще трудно разрѣшить при современномъ состояніи науки [1]) (стр. 130—131).

---

[1]) Сюда, напр., работавшая впослѣдствіи подъ предсѣдательствомъ проф. Будде комиссія по вопросу объ упрощеніи правописанія отнесла существующія въ теперешней орѳографіи правила о переносѣ словъ.

По докладу проф. Будде, предсѣдатель Казанскаго педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, предложилъ образовать комиссію для разработки вопроса объ упрощеніи и упорядоченіи русской орѳографіи. Комиссія составилась, подъ предсѣдательствомъ проф. Будде, изъ членовъ общества: А. И. Александрова, А. С. Архангельскаго, Я. А. Александрова, В. П. Брюханова, М. Н. Пинегина, А. С. Рождествина, В. А. Селенкина, М. П. Угрюмовой и др. Въ нее приглашались и посторонніе преподатели г. Казани и Казанскаго учебнаго округа. Комиссія работала въ теченіе всей зимы 1901—1902 года и имѣла 13 засѣданій.

Проектъ, выработанный казанской комиссіею, въ главныхъ положеніяхъ сводится съ московскимъ и отличается отъ него лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Изъ послѣднихъ обращаютъ на себя особое вниманіе слѣдующія предложенія [1]):

3) Послѣ *ж*, *ш* и *ц*, какъ послѣ твердыхъ, пишется только твердый гласный и *е* за неимѣніемъ твердаго гласнаго звука, такъ какъ *э* признано возможнымъ оставить только въ началѣ словъ и въ иностранныхъ словахъ: жыр, шыло, медицына, цыркуль, мужомъ, сердцом, лицо, шорох, женщина, шест...

4) Послѣ *ч* и *щ*, какъ послѣ мягкихъ, пишутся только мягкія: *я*, *ю* и проч.: чюдо, щюка, чиж, чяй, щипать, о чём, чей, щей.

5) Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* передъ глухими согласными мѣняютъ *з* на *с*, напр. бездельной, беспокойной, чрезмѣрной, чересполосной.

7) Въ именительномъ падежѣ единствен. числа мужескаго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, причастій и числительныхъ порядковыхъ сохраняется древне-русское окончаніе (ой, ей), въ виду его соотвѣтствія съ окончаніями косвенныхъ падежей: черной, первой, некоторой, легкой, свѣжой, синей, третей и т. д.»; также: медвежей и подобныя.

13. «Относительно слитнаго и раздѣльнаго письма (такихъ словъ, какъ—сначала, вмѣстѣ, встарь) постановлено писать раздѣльно, когда различаются два отдѣльныхъ самостоятельныхъ слова, и слитно, когда слова, потерявъ самостоятельное значеніе, слились въ одно: вдали и въ дали, вдаль и въ даль, но: вплотную, вразсыпную и др.»

За подробностями отсылаемъ читателя къ брошюрѣ: «Очеркъ исторіи возникновенія, развитія и дѣятельности комиссіи, образованной Казанскимъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для разсмотрѣнія вопроса о русской орѳографіи» (Казань, 1902 г.). Здѣсь, кромѣ изложенія исторіи работъ комиссіи, находится подробное изслѣдованіе несовершенствъ современнаго правописанія и малой примѣнимости его, въ настоящемъ видѣ, для цѣлей образовательнаго обученія, а также обстоятельная мотивировка предлагаемыхъ измѣненій въ орѳографическихъ правилахъ.

О проектѣ Одесскаго пріуниверситетскаго педагогическаго общества мы не имѣемъ возможности распространиться, такъ какъ онъ появился въ печати, къ сожалѣнію, лишь на правахъ рукописи. Впрочемъ, о немъ

---

[1]) При перепечаткѣ параграфовъ проекта я дѣлаю нѣкоторыя исправленія, потому что въ текстѣ находятся несомнѣнныя опечатки.

имѣется нѣсколько свѣдѣній въ книгѣ проф. А. И. Томсона: «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» (Одесса, 1903).

Изъ этой книги мы узнаемъ, что проектъ Московскаго педагогическаго общества «вызвалъ въ педагогическомъ отдѣлѣ Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ образованіе коммиссіи, которой было поручено разсмотрѣть московскій докладъ и дать свое заключеніе объ упрощеніи русскаго правописанія. Докладъ, выработанный этой коммиссіей, былъ прочитанъ въ Педагогическомъ отдѣлѣ въ засѣданіи 14 марта (1903 года).

Реформа правописанія, проектируемая въ одесскомъ докладѣ, въ главныхъ пунктахъ сходится съ московской; въ нѣкоторыхъ же частяхъ расходится съ послѣдней, отчасти въ пользу существующаго правописанія (стр. 2). Таково, напр., предположеніе удержать написанія *жи*, *ши*, *ги* (98 стр.).

Комиссія при Академіи Наукъ.

Въ началѣ 1904 года при Академіи Наукъ была образована Комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи. Желая познакомить нашихъ читателей съ дѣятельностью этой Комиссіи во всей полнотѣ и точности, позволяемъ себѣ перепечатать здѣсь изъ «Правительственнаго Вѣстника» 30 апрѣля и 1 мая 1904 г., №№ 101 и 102,—безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ изложеніи,—«Извлеченіе изъ протокола засѣданія Комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоящей подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, 12-го апрѣля 1904 года».

«Въ засѣданіе, въ 2 часа пополудни, прибыли: Августѣйшій Предсѣдатель Комиссіи Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ и члены: Д. И. Абрамовичъ, доцентъ с.-петербургской духовной академіи; И. Ѳ. Анненскій, директоръ Императорской Николаевской царскосельской гимназіи; И. А. Аноповъ, членъ совѣта Министра Финансовъ, представитель Министерства Финансовъ; К. К. Арсеньевъ, почетный академикъ Императорской Академіи Наукъ; А. С. Архангельскій, профессоръ Императорскаго казанскаго университета; А. Ѳ. Бардовскій, инспекторъ Патріотическаго института, представитель вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; Ѳ. Д. Батюшковъ, профессоръ, редакторъ журнала «Міръ Божій»; И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, профессоръ, представитель неофилологическаго общества при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ; Р. Ѳ. Брандтъ, профессоръ Императорскаго московскаго университета; Е. Ѳ. Будде, профессоръ, представитель педагогическаго общества при Императорскомъ казанскомъ университетѣ; А. С. Будиловичъ, профессоръ, представитель Министерства Народнаго Просвѣщенія; С. К. Буличъ, профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института; Ѳ. А. Витбергъ, преподаватель, предсѣдатель союза ревнителей русскаго слова; Н. В. Волковъ, преподаватель с.-петербургской 7-й гимназіи; П. П. Гнѣдичъ, писатель; Е. Е. Голубинскій, академикъ Императорской Академіи Наукъ; В. В. Заленскій, академикъ Императорской Академіи Наукъ; К. Я. Здравомысловъ, начальникъ архива Св. Синода;

Н. М. Карпинскій, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета; Г. М. Князевъ, преподаватель с.-петербургскаго 1-го реальнаго училища; Н. П. Кондаковъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; Н. Н. Корево, помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, представитель Государственной Канцеляріи; Θ. Е. Коршъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; Н. А. Котляревскій, профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея; П. А. Кулаковскій, профессоръ, главный редакторъ «Правительственнаго Вѣстника»; Н. К. Кульманъ, преподаватель Императорскаго Александровскаго лицея; А. Л. Липовскій, преподаватель Павловскаго института; А. І. Лященко, инспекторъ с.-петербургскаго реформатскаго училища; В. И. Маркевичъ, управляющій сенатской типографіей; М. И. Михельсонъ (оставилъ засѣданіе до голосованія); Н. К. Невзоровъ, директоръ с.-петербургской 7-й гимназіи; П. В. Никитинъ, вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ; С. Θ. Ольденбургъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; Θ. Θ. Ольденбургъ, педагогъ тверской земской учительской школы; П. В. Петровъ, чиновникъ особыхъ порученій при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, представитель Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній; А. Н. Пыпинъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; баронъ В. Р. Розенъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; П. Н. Сакулинъ, приватъ-доцентъ Императорскаго московскаго университета, представитель педагогическаго общества при Императорскомъ московскомъ университетѣ; В. В. Сиповскій, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета; А. И. Соболевскій, академикъ Императорской Академіи Наукъ; Д. Н. Соловьевъ, управляющій канцеляріей Оберъ-Прокурора Св. Синода, представитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія; К. А. Сорокинъ, капитанъ гренадерскаго сапернаго баталіона; М. М. Стасюлевичъ, редакторъ журнала «Вѣстникъ Европы»; графъ И. И. Толстой, вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ; Ф. Θ. Фортунатовъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ, товарищъ Августѣйшаго предсѣдателя комиссіи; В. И. Чернышевъ, преподаватель с.-петербургскаго благовѣщенскаго городского училища; В. М. Чулицкій, преподаватель; А. А. Шахматовъ, академикъ Императорской Академіи Наукъ; И. А. Шляпкинъ, профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета; Л. В. Щерба, преподаватель. Не явились въ засѣданіе члены: А. Н. Веселовскій, академикъ Императорской Академіи Наукъ; графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, почетный академикъ Императорской Академіи Наукъ; А. Θ. Кони, почетный академикъ Императорской Академіи Наукъ; В. И. Ламанскій, академикъ Императорской Академіи Наукъ; А. С. Суворинъ, издатель газеты «Новое Время». Обязанности секретаря комиссіи были возложены на Θ. И. Покровскаго, ученаго корректора изданій второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ».

«По открытіи засѣданія товарищъ Августѣйшаго предсѣдателя, акад. Ф. Θ. Фортунатовъ, доложилъ собранію о поводахъ, вызвавшихъ постановленіе второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ относительно образованія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи. Этими поводами послужили слѣдующія обстоятельства. Казанское педагогическое общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, обратилось къ отдѣленію съ просьбою высказаться, признаетъ ли отдѣ-

леніе правописаніе, рекомендованное покойнымъ академикомъ Гротомъ, своимъ, академическимъ правописаніемъ и не считаетъ ли желательною замѣну этого правописанія другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ. Въ то время, когда въ отдѣленіи обсуждался отвѣтъ на вопросъ Казанскаго педагогическаго общества, получена была отъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній бумага, въ которой предложенъ тотъ же вопросъ относительно руководства Грота «Русское правописаніе» и вмѣстѣ съ тѣмъ выражена надежда, что отдѣленіе въ интересахъ школы подвергнетъ обсужденію упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія. Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній ссылалось при этомъ на пожеланія, высказанныя бывшимъ въ декабрѣ 1903 года съѣздомъ преподавателей русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ и въ военныхъ училищахъ, а равно и на то обстоятельство, что «въ послѣднія два десятилѣтія неоднократно возбуждался какъ отдѣльными лицами, такъ и педагогическими кружками и обществами изъ представителей различныхъ учебныхъ вѣдомствъ вопросъ о желательности и необходимости упрощенія русскаго правописанія въ цѣляхъ облегченія учащимся труднаго дѣла усвоенія орѳографіи». Второе отдѣленіе въ отвѣтъ на вопросы относительно правописанія, рекомендованнаго Гротомъ, высказало, что руководство по правописанію составлено было акад. Гротомъ по порученію отдѣленія, но не отъ имени отдѣленія; принимая же во вниманіе, что упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія должно основываться не на однихъ только научныхъ данныхъ, а также и на всестороннемъ обсужденіи затрогиваемыхъ при этомъ интересовъ школы и народнаго просвѣщенія, отдѣленіе постановило привлечь къ рѣшенію назрѣвшаго вопроса объ упрощеніи русскаго правописанія представителей школы, науки, литературы и повременной печати. Вслѣдствіе этого, съ разрѣшенія Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, при второмъ отдѣленіи образована Комиссія по вопросу о русскомъ правописаніи, въ которую вошли, кромѣ представителей Академіи Наукъ, также и представители вѣдомствъ, имѣющихъ учебныя заведенія, представители педагогическихъ обществъ, преподаватели высшихъ, среднихъ, городскихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній, литераторы и редакторы нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ. Августѣйшему Президенту Академіи Наукъ угодно было принять на Себя предсѣдательство въ Комиссіи».

«Послѣ этого сообщенія товарища Августѣйшаго Предсѣдателя Комиссіи была прочтена В. И. Чернышевымъ «Историческая справка по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія». Докладчикъ указалъ на рядъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX вѣка (къ XVIII вѣку относятся предложенія, отчасти осуществлявшіяся, объ исключеніи буквъ *ъ*, *ѳ*, *ѵ* и одного изъ двухъ начертаній для звука «і», а въ первой четверти XIX вѣка Хабаровъ весьма обстоятельно разсуждалъ о необходимости исключить букву *ѣ*)».

«Затѣмъ Августѣйшій Предсѣдатель Комиссіи пригласилъ членовъ приступить къ обмѣну мнѣній по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія».

«Акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ изложилъ тотъ взглядъ на данный вопросъ, въ которомъ онъ сходится съ нѣкоторыми изъ его товарищей по отдѣленію. Желательно, говорилъ онъ, освободить русское правописаніе отъ

всѣхъ тѣхъ орѳографическихъ правилъ, которыя не основываются на фактахъ, существующихъ въ языкѣ, и не могутъ быть оправдываемы также и какъ примѣненіе историческаго, или этимологическаго принципа орѳографіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указываются практическою цѣлью правописанія. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, всѣ тѣ требованія орѳографіи, которыя не имѣютъ основанія не только въ фактахъ современнаго языка, но также и въ языкѣ древне-русскомъ, а среди этихъ орѳографическихъ правилъ существуетъ рядъ такихъ, устраненіе которыхъ не касалось бы исключенія изъ азбуки какихъ-либо буквъ. Таково, напримѣръ, требованіе различать въ письмѣ окончанія *-е* и *-я* въ именительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа именъ прилагательныхъ по различіямъ въ родѣ именъ существительныхъ, напр. въ *добрые* и *добрыя*, между тѣмъ какъ въ самомъ языкѣ нѣтъ и никогда не было соотвѣтственнаго различія; или, напр., различіе, дѣлаемое въ письмѣ между *они, одни* и *онъ, одинъ*, также не находитъ никакой опоры въ самомъ языкѣ. Затѣмъ къ орѳографическимъ правиламъ, не основывающимся на фактахъ русскаго языка, новаго и древняго, принадлежатъ требованія относительно употребленія буквы *ѳ* и двухъ буквъ вмѣсто одной для звука «і»; съ устраненіемъ этихъ излишнихъ орѳографическихъ правилъ должны быть исключены изъ алфавита буква *ѳ* и одинъ изъ двухъ знаковъ для звука «і». Буква *ѳ*, внесенная въ церковно-славянскій алфавитъ для обозначенія извѣстнаго греческаго звука въ заимствованныхъ словахъ, не отличается и не отличалась въ произношеніи отъ буквы *ф*. Различіе въ употребленіи двухъ буквъ: *и* и *і* для выраженія одного и того же звука есть явленіе исключительно графическое и по происхожденію, т. е. не имѣющее и не имѣвшее отношенія къ какому-либо различію въ звукахъ языка; церковно славянскій алфавитъ получилъ двѣ буквы, вмѣсто одной, для звука «і» вслѣдствіе подражанія греческому алфавиту. Удобство различать въ написаніяхъ *миръ* и *міръ* два слова, совпадающія по звуковой сторонѣ, не можетъ служить доводомъ въ пользу сохраненія двухъ буквъ для звука «і» даже и въ этомъ случаѣ, такъ какъ вѣдь въ связи съ написаніями *миръ* и *міръ*, въ двухъ различныхъ значеніяхъ, находится существующее въ настоящее время колебаніе при передачѣ звука «і» въ такихъ собственныхъ именахъ, какъ *Владимиръ* или *Владиміръ*. Въ русской азбукѣ числится еще одна буква, произносящаяся какъ звукъ «і» и называемая ижицей (*Ѵ*), но эта буква въ настоящее время обыкновенно уже не употребляется, и еще Гротъ въ руководствѣ «Русское правописаніе» основательно замѣтилъ, что «ижица можетъ считаться исключенною изъ русской азбуки»; поэтому теперь нѣтъ уже надобности ставить вопросъ объ исключеніи этой буквы».

«Къ излишнимъ орѳографическимъ правиламъ принадлежатъ также и требованія писать тѣ буквы, которыя нѣкогда отличались по произношенію отъ другихъ нашихъ буквъ, но въ настоящее время не сохраняютъ уже этого значенія; таковы: буква *ъ*, не выражающая теперь никакого звука, и буква *ѣ*, совпавшая по ея звуковому значенію для великорусскаго языка съ другими буквами, именно съ буквой *е* по отношенію къ русскому литературному языку. Поэтому буквы *ъ* и *ѣ* должны бы быть исключены изъ азбуки. Въ употребленіи буквы *ъ* различаются два рода

случаевъ: буква ъ въ концѣ словъ и та же буква внутри словъ, напр., въ *объявлять*, *отъѣздъ* и др. Противъ сохраненія буквы ъ въ концѣ словъ давно уже высказывались многіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые авторитетные ученые (напр., Гротъ); дѣйствительно, въ качествѣ такъ называемаго «твердаго знака» эта буква является совершенно излишнею, такъ какъ вѣдь у насъ есть «мягкій знакъ», буква *ь*, выражающая отсутствіе твердости, мягкость предшествующей согласной, а буква *ь*, конечно, должна быть сохранена. Буква ъ при написаніи ея внутри словъ также не передаетъ какого-либо звука, но въ этихъ случаяхъ она все-таки имѣетъ значеніе, а именно указываетъ на то, что слѣдующая за нею въ написанномъ словѣ буква (*я, е, ѣ, ю*) выражаетъ не отдѣльную гласную, а сочетаніе согласнаго звука «j» (для котораго въ нашей азбукѣ нѣтъ отдѣльной буквы) съ извѣстными гласными. Однако, и для этихъ случаевъ не было бы надобности сохранять букву ъ: въ московскомъ нарѣчіи, находящемся въ основаніи литературнаго языка, слова *объявлять*, *отъѣздъ* и тому подобныя звучатъ какъ *обьявлять*, *отьѣздъ*, и потому вполнѣ основательно было бы въ этихъ случаяхъ употребленіе буквы *ь*, хотя литературный языкъ въ произношеніи допускаетъ здѣсь также и твердую согласную (а надо имѣть въ виду, что при исключеніи буквы ъ въ концѣ словъ та же буква внутри словъ, напр., въ *объявлять*, не была бы уже «твердымъ знакомъ»). Въ защиту буквъ ъ и ѣ нельзя ссылаться на необходимость историческаго принципа въ правописаніи. Правописаніе основывается, конечно, не только на произношеніи, но также и на происхожденіи звуковой стороны словъ; однако, примѣненіе историческаго, или этимологическаго принципа имѣетъ предѣлы, указываемые практическою цѣлью правописанія. Орѳографическія требованія, основывающіяся на происхожденіи звуковой стороны словъ, должны находить опору въ фактахъ современнаго языка, т. е. должны имѣть въ виду ту или другую звуковую мѣну, наблюдаемую въ современномъ языкѣ, при сопоставленіи, напр., различныхъ формъ одного и того же слова, хотя такія требованія не могутъ, конечно, ограничиваться лишь случаями, опредѣляющимися изъ современнаго языка, но въ виду желательнаго однообразія въ написаніи словъ (слѣдовательно, для практической цѣли правописанія) распространяются и на другіе случаи, однородные по происхожденію. Напримѣръ, мы пишемъ букву *в* для обозначенія произносимаго нами звука «ф» въ словахъ *лавка*, *ставка*, имѣя въ виду происхожденіе здѣсь звука «ф» изъ звука «в», который сохраняется въ современномъ языкѣ, напр., въ формахъ *лавокъ*, *ставокъ*, и то же орѳографическое правило примѣняется, напр., къ написанію слова *второй*, такъ какъ и здѣсь произносимый нами звукъ «ф» произошелъ въ языкѣ изъ звука «в», хотя изъ современнаго языка уже не видно такое происхожденіе звуковой стороны слова *второй*. Но требованіе писать такія буквы, которыя вообще являются излишними для передачи звуковъ современнаго языка, не приноситъ никакой пользы правописанію. Среди защитниковъ буквы ѣ есть лица, которыя думаютъ, что съ исключеніемъ ѣ изъ русской азбуки понизится та степень грамматическаго знанія роднаго языка, какая необходима и при элементарномъ образованіи. Нельзя, однако, смѣшивать звуки языка и буквы; умѣнье писать букву ѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это требуется правилами орѳографіи,

само по себѣ не даетъ еще, конечно, никакого знанія фактовъ языка, именно потому, что употребленіе буквы ѣ не находитъ никакой опоры въ современномъ литературномъ языкѣ. По мнѣнію акад. Фортунатова, въ школьномъ преподаваніи русскаго языка мѣсто для буквъ ѣ и ъ— въ курсѣ русской грамматики, а не въ теоріи и практикѣ правописанія: желательно, чтобы учащіеся въ средней школѣ получали знакомство съ исторіею звуковой стороны родного языка».

«Акад. Фортунатовъ указалъ далѣе на то, что онъ и нѣкоторые его товарищи по отдѣленію, признавая очень желательнымъ упрощеніе русскаго правописанія, имѣютъ въ виду при этомъ главнымъ образомъ интересы школы. Въ настоящее время школа подавлена орѳографическими требованіями, которыя вредятъ правильной постановкѣ дѣла преподаванія, и прежде всего страдаетъ вслѣдствіе этого преподаваніе русскаго языка. Тотъ, кто желаетъ школѣ болѣе успѣшнаго изученія въ ней русскаго слова и произведеній слова, не можетъ не желать, чтобы буквамъ было отведено къ школьномъ преподаваніи далеко не первое мѣсто».

«Въ заключеніе акад. Фортунатовъ замѣтилъ, что Комиссія, если она выскажется за упрощеніе русскаго правописанія, была бы безсильна, конечно, оказать прямое воздѣйствіе на школу, такъ какъ на это она не имѣетъ никакихъ полномочій. Однако, въ томъ случаѣ, если Комиссія найдетъ желательнымъ какое-либо упрощеніе русскаго правописанія, сторонники такой реформы будутъ заботиться, безъ сомнѣнія, о томъ, чтобы новое правописаніе все болѣе и болѣе проникало въ печать, хотя въ частной практикѣ они могли бы оставаться при старой, привычной орѳографіи, а какъ скоро новое правописаніе будетъ все болѣе примѣняться въ печати, оно, конечно, найдетъ доступъ и въ школу».

«Представитель педагогическаго общества при Императорскомъ московскомъ университетѣ П. Н. Сакулинъ, выразивъ отъ лица московскихъ педагоговъ глубокую благодарность отдѣленію русскаго языка и словесности за возбужденіе важнаго, но забытаго вопроса объ упрощеніи русскаго правописанія, отмѣтилъ рядъ печатныхъ работъ, вызванныхъ докладомъ московскаго педагогическаго общества о необходимости этого упрощенія, и указалъ на сочувствіе, съ какимъ докладъ московскаго общества былъ встрѣченъ педагогическими обществами другихъ городовъ. Не обращаясь къ частностямъ предполагаемой реформы правописанія, докладчикъ старался показать: 1) ея общую желательность въ педагогическомъ отношеніи при полной допустимости съ научной точки зрѣнія и 2) неосновательность возраженій, которыя были высказаны противъ нея въ ученой литературѣ. Въ педагогическомъ отношеніи реформа правописанія не обходима главнымъ образомъ потому, что въ настоящее время обученіе правописанію, отнимая въ низшихъ и среднихъ школахъ массу труда учащихъ и учащихся, не оставляетъ времени для выполненія другихъ, болѣе важныхъ задачъ школы и, весьма часто не приводя все-таки учащихся къ полной грамотности, ставитъ преподавателей въ крайне неловкое положеніе, заставляя ихъ оправдывать предъ учениками правила, не имѣющія за собой основанія ни въ исторіи языка, ни въ живой рѣчи. Съ одной стороны, въ принятомъ правописаніи отражаются такіе факты языка, которые принадлежатъ уже только его исторіи, а съ другой стороны, въ правописаніе внесены нѣкоторыя совершенно произволь-

ныя предложенія грамотеевъ XVII—XVIII вв. Устраненіе этихъ пережитковъ и орѳографическихъ мудрствованій дѣлаетъ реформу правописанія не только возможной, но и желательной. Изъ возраженій, которыя приводились противъ реформы правописанія, главное состоитъ въ принципіальномъ отрицаніи чьего бы то ни было права вообще активно воздѣйствовать на правописаніе, выработанное исторически и отражающее на себѣ исторію языка. Но это возраженіе смѣшиваетъ съ правописаніемъ языкъ: въ то время, какъ посягательство на послѣдній, дѣйствительно, недопустимо, правописаніе всегда есть созданіе рукъ человѣческихъ, и притомъ не однихъ только писателей, но и представителей науки и школы. Второе возраженіе, указывающее, что осуществленію реформы воспрепятствуетъ привычка образованнаго общества къ существующему правописанію, несостоятельно потому, что реформа эта имѣетъ въ виду не удобства взрослыхъ людей, а облегченіе учащихся въ школѣ дѣтей, взрослые же могутъ оставаться и при нынѣшнемъ правописаніи. Третье возраженіе противъ реформы правописанія исходитъ изъ того соображенія, что эта реформа будто бы произведетъ въ обществѣ смуту. Дѣйствительно, нѣкоторая смута при этомъ неизбѣжна, но она не будетъ такой сильной, какой представляется возражателямъ, и для русскаго общества, благополучно пережившаго реформы Петра Великаго и Александра II, она не можетъ быть страшною. Наконецъ, четвертое возраженіе таково: реформа русскаго правописанія излишня потому, что правописаніе это, въ особенности по сравненію его съ англійскимъ и французскимъ, отличается несомнѣнными достоинствами и что, слѣдовательно, если и требуется реформа, то не самаго правописанія, а только методовъ его преподаванія. Однако, это возраженіе не должно смущать защитниковъ реформы, такъ какъ хотя достоинства существующаго нынѣ русскаго правописанія, дѣйствительно, значительны, они касаются передачи этимологической, но не фонетической стороны языка; притомъ въ вопросѣ о русскомъ правописаніи намъ вообще не зачѣмъ обращаться къ правописанію другихъ народовъ».

«Представитель педагогическаго общества при Императорскомъ казанскомъ университетѣ профессоръ Е. Ѳ. Будде изложилъ въ своемъ докладѣ исторію возникновенія и рѣшенія вопроса объ упрощеніи русскаго правописанія въ казанскомъ педагогическомъ обществѣ. Исходя изъ того положенія, что этотъ вопросъ наиболѣе назрѣлъ въ школѣ, давно и безуспѣшно негодующей на зло, вносимое преподаваніемъ обязательнаго нынѣ правописанія, казанское педагогическое общество, по предложенію докладчика, 30-го сентября 1901 года образовало для разсмотрѣнія вопроса о русскомъ правописаніи особую комиссію изъ преподавателей русскаго языка въ казанскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Комиссія, проработавъ болѣе года и получивъ путемъ опроса по казанскому и оренбургскому учебнымъ округамъ однородныя жалобы на то, что главное затрудненіе при усвоеніи правописанія представляютъ правила: объ употребленіи буквы *ъ*, о различіи окончаній именъ прилагат. въ имен. и винит. пад. множ. числа, объ окончаніи родит. пад. ед. числа именъ прилагат. муж.-средн. рода, о правописаніи шипящихъ въ сочетаніяхъ съ гласными и о словахъ *онъ* и *одинъ*, представила въ общее собраніе педагогическаго общества проектъ желательныхъ измѣненій въ русской орѳографіи. По-

лагая, что реформа правописанія желательна и должна быть проводима постепенно, коммиссія обосновала свой проектъ на фонетическомъ принципѣ, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ принципъ находитъ поддержку и въ исторической традиціи, не измѣняющей его по существу, коммиссія нашла желательнымъ сохраненіе послѣдней, тамъ, гдѣ историческая традиція не сложилась въ однообразной формѣ, и фонетическій принципъ способствуетъ проведенію единства идеи правописанія, комиссія рѣшила предпочесть единство идеи, хотя бы для этого пришлось жертвовать старыми знаками нашей азбуки. Проектъ комиссіи былъ разсмотрѣнъ общимъ собраніемъ педагогическаго общества и принятъ большинствомъ голосовъ его членовъ».

«Проф. Р. Ѳ. Брандтъ указалъ на особенную важность предполагаемаго упрощенія русскаго правописанія для милліоновъ дѣтей, обреченныхъ тратить въ начальной и средней школѣ массу времени и труда на усвоеніе орѳографіи, цѣнность которой чисто условная. Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ исключеніи буквъ *ѣ* и *ѳ*, докладчикъ находилъ, что «искаженіе» алфавита вслѣдствіе этого исключенія позволительно даже по примѣру свв. Кирилла и Меѳодія, не затруднившихся при введеніи этихъ буквъ «исказить» стародавній греческій алфавитъ. Подробно тому, какъ давно уже исключенъ большой юсъ, а малый смѣшанъ въ одно съ *ѧ*, нѣтъ основаній останавливаться предъ исключеніемъ буквъ *ѣ* и *ѳ*, тѣмъ болѣе, что онѣ употребляются большинствомъ чисто механически и иногда въ сущности совершенно безграмотно, хотя и по правиламъ нынѣшняго правописанія (мечъ, мелкій, индѣецъ). Еще менѣе правъ, чѣмъ *ѣ* и *ѳ*, имѣютъ буквы *ѵ*, *о* и *і*, механически перенятыя изъ греческой азбуки и не имѣющія никакой связи со славянскою рѣчью. Самъ докладчикъ стоитъ въ теоріи за возможно полное сближеніе письма съ литературнымъ выговоромъ, но на дѣлѣ онъ готовъ къ уступкамъ обычаю, хотя не стыдится упрековъ въ безграмотствѣ и за чисто фонетическое письмо, «сближаемое нашими грамотеями съ письмомъ дворниковъ и кухарокъ». Полагая возможнымъ, въ виду ненадежности діалектологическихъ и этимологическихъ показаній, разрѣшить въ нѣкоторыхъ случаяхъ письмо по слуху или двоякое, докладчикъ вовсе не выступаетъ съ требованіемъ отъ орѳографіи «научности», а стоитъ на практической почвѣ и убѣжденъ, что намѣчаемая реформа находится въ соотвѣтствіи съ ходомъ развитія нашего литературнаго языка отъ книжной искусственности къ живой простотѣ».

«М. И. Михельсонъ, обративъ вниманіе собранія на сумбуръ, который получается въ умахъ учениковъ отъ крайней неопредѣленности русскаго правописанія, позволяющей одному учителю устанавливать одни, другому другія орѳографическія правила, указалъ, что правописаніе другихъ народовъ (французовъ и нѣмцевъ) съ теченіемъ времени также измѣняется и что въ отношеніи къ русскому языку упрощеніе правописанія необходимо въ особенности потому, что, во-первыхъ, оно дастъ возможность учащимся дѣтямъ основательнѣе знакомиться съ другими науками, развивающимися съ поразительной быстротой, и что, во-вторыхъ, этимъ упрощеніемъ достигается значительное удешевленіе книги, столь необходимой для народнаго образованія».

«Проф. А. С. Будиловичъ, разсматривая вопросъ объ упрощеніи правописанія съ научной и педагогической точки зрѣнія, остановился прежде всего на первой и спросилъ: будетъ ли предполагаемая реформа представляетъ собою только частичное измѣненіе тѣхъ или иныхъ *подробностей* правописанія или же глубокое и коренное измѣненіе самой *системы* его? Противъ перваго преобразованія нельзя имѣть ничего, такъ какъ живой языкъ и самъ непрерывно измѣняется и развивается, но измѣненіе второго рода, т. е. преобразованіе самой системы правописанія, напримѣръ, переходъ отъ системы исторической къ фонетической, судя по указаніямъ исторіи, бываетъ только въ томъ случаѣ, когда жизнь народа и языка испытываетъ какое-либо глубокое потрясеніе или когда въ ней начинается новый періодъ возрожденія, послѣ времени упадка и кризиса. Въ исторіи славянскихъ народовъ подобный переворотъ, дѣйствительно совпавшій съ коренной реформой правописанія, былъ только у сербовъ, при Вукѣ Караджичѣ, тогда какъ, напримѣръ, правописаніе поляковъ со времени Паркоша и чеховъ со времени Гуса подвергалось лишь незначительнымъ, частичнымъ измѣненіямъ. При Ломоносовѣ и, позднѣе, при Карамзинѣ и Пушкинѣ русское правописаніе также измѣнялось, но измѣненія эти были медленными, естественными измѣненіями подробностей, а не системы, сложившейся въ русской редакціи церковнославянскихъ книгъ. Состояніе современной русской жизни, въ которой не замѣчается ни кризиса, ни возрожденія отъ какого-либо упадка, также не даетъ основаній къ коренному преобразованію орѳографіи. Между тѣмъ предполагаемая реформа, разъ она касается исключенія буквъ *ѣ* и *ѳ*, есть измѣненіе именно въ самой системѣ нашего правописанія въ смыслѣ перехода отъ системы исторической къ фонетической, а потому съ научной точки зрѣнія недопустима. Нежелательна реформа и въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ въ школѣ вообще не мѣсто экспериментамъ съ какими-либо новыми теоріями или проектами, тѣмъ болѣе, что школьникъ, обучающійся по новому правописанію, затруднялся бы въ чтеніи Пушкина и всей нашей литературы, написанной по системѣ исторической. Обученіе новой орѳографіи возможно въ школѣ только тогда, когда будетъ существовать новая литература, написанная уже по этой орѳографіи. Поэтому совершенно недопустимо предложеніе московскаго и казанскаго педагогическихъ обществъ, возлагающихъ на школу проведеніе орѳографической реформы, и уже скорѣе можно бы согласиться съ предложеніемъ Ф. Ѳ. Фортунатова, чтобы починъ въ этомъ отношеніи на практикѣ былъ сдѣланъ членами настоящей Комиссіи и ихъ послѣдователями, и уже впослѣдствіи, когда этотъ починъ увѣнчается успѣхомъ, могъ бы возникнуть вопросъ о введеніи новой системы въ школу».

«Проф. П. А. Кулаковскій, допуская выбрасываніе изъ правописанія того, что уже умерло въ языкѣ, находитъ, однако, что бываютъ въ языкѣ пункты, которые мертвы только снаружи, а живы внутри и потому требуютъ въ обращеніи съ собой большой осторожности. Къ такимъ именно пунктамъ принадлежитъ буква *ѣ*. Поэтому желательно сохраненіе ея въ письмѣ, такъ какъ и въ русскихъ нарѣчіяхъ она имѣетъ иное произношеніе, чѣмъ въ общерусскомъ литературномъ языкѣ. Такъ, малороссы произносятъ ее обыкновенно какъ *и*, и потому не слѣдуетъ затруднять для нихъ пониманіе общей русской книги и ея письма. Затѣмъ, въ пре-

дѣлахъ Россіи не мало инородцевъ, которые произносятъ *ѣ* иначе, чѣмъ мы. Если, поэтому, говорить объ измѣненіи правописанія ради интересовъ учебныхъ, то въ тѣхъ школахъ, гдѣ учатся поляки, сохраненіе *ѣ* важно, ибо этотъ знакъ можетъ лишь облегчить изученіе русскаго языка, такъ какъ въ польскомъ языкѣ *ѣ* чаще всего имѣетъ замѣну въ видѣ *я*, напримѣръ желѣзо—źelazo».

«Акад. Ѳ. Е. Коршъ, возражая проф. А. С. Будиловичу, указалъ, что ссылка послѣдняго на отсутствіе крупныхъ перемѣнъ въ правописаніи другихъ славянскихъ народовъ не можетъ служить доказательствомъ ненужности подобныхъ перемѣнъ и для русскаго правописанія, такъ какъ въ польскомъ и чешскомъ письмѣ глубокихъ измѣненій не требовалось именно потому, что правописаніе ихъ было основано на живомъ языкѣ, тогда какъ у сербовъ, наоборотъ, Вукомъ Караджичемъ произведена была очень рѣзкая реформа вслѣдствіе того, что принятое до него сербское правописаніе основывалось на чуждомъ церковно-славянскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ основано и потому нуждается приблизительно въ такомъ же, какъ и сербское, преобразованіи и современное русское правописаніе, которое идетъ отъ времени Ломоносова и сохранило между прочимъ доселѣ букву *ѣ*, соотвѣтствующій которой звукъ еще въ XV вѣкѣ совершенно совпалъ въ большинствѣ русскихъ нарѣчій съ звукомъ *е*. Что же касается указанія проф. П. А. Кулаковскаго на облегченіе при сохраненіи этой буквы усвоенія русскаго языка поляками и малороссами, то если бы тѣ дѣйствительно руководились правиломъ писать *ѣ* вмѣсто своихъ *я* или *и*, то писали бы поляки—хлѣбъ, а малороссы—шѣсть и т. под.».

«Н. В. Волковъ считаетъ необходимымъ выводить реформу правописанія не изъ педагогическихъ соображеній облегченія письма для школьниковъ, а изъ потребности въ широкомъ преобразованіи всѣхъ вообще нормъ литературнаго языка, который живетъ и развивается, а слѣдовательно производилъ и производитъ въ себѣ смѣну, хотя бы медленную, одного другимъ, вырабатывая новыя нормы не сразу, не общими движеніями, а частными проявленіями, однако замѣтными для того, кто всматривается въ языкъ нашей письменности».

«Проф. Е. Ѳ. Будде, по поводу указанія проф. П. А. Кулаковскаго на желательность сохраненія буквы *ѣ* въ цѣляхъ болѣе легкаго усвоенія русскаго правописанія поляками и малороссами, огласилъ сообщеніе директора казанской инородческой семинаріи о томъ, что болѣе 50% восточныхъ инородцевъ не могутъ овладѣвать русскимъ правописаніемъ вслѣдствіе его трудности и потому лишаются возможности ассимилироваться посредствомъ школы съ русскою культурою».

«Н. К. Кульманъ, въ отвѣтъ на утвержденіе проф. А. С. Будиловича, что въ школѣ не мѣсто экспериментамъ съ новыми теоріями правописанія и что новая орѳографія произведетъ смуту и деморализацію школы, возразилъ, что вопросъ объ исключеніи изъ письма буквъ *ъ* и *ѣ* вовсе не представляетъ собою *теорію*, а есть лишь вопросъ о замѣнѣ одного формальнаго орѳографическаго *взгляда* другимъ; упрощеніе правописанія не только не внесетъ смуты и разложенія въ школу, но, напротивъ, подниметъ ее, доставивши учителю время и возможность пріобщать своихъ учениковъ къ духовному наслѣдію русской литературы».

«В. И. Маркевичъ сообщилъ, насколько удешевило бы у насъ книгу исключеніе изъ алфавита буквъ *ъ* и *ь*: книжка Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за мартъ мѣсяцъ текущаго года обошлась Министерству въ 892 руб., исключеніе же *ъ* и *ь* дало бы ему экономію въ 40 р. 35 к.».

«Акад. С. Ѳ. Ольденбургъ, подтвердивши этотъ разсчетъ, разъяснилъ, что при исключеніи буквы *ъ* не было бы затрудненія и для типографскихъ наборщиковъ, привыкшихъ уже механически брать букву *ъ* изъ опредѣленнаго мѣста въ кассѣ: нужно только раздѣлить букву *е* на двѣ части и одну изъ нихъ положить на мѣсто *ъ*».

«Проф. И. А. Шляпкинъ замѣтилъ, что нельзя основывать реформу правописанія на типографскихъ соображеніяхъ экономіи мѣста, такъ какъ въ такомъ случаѣ надо было бы вмѣсто широкихъ буквъ *ж* и *ш*, занимающихъ много мѣста, выдумать новые знаки, болѣе узкіе».

«Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ, говоря о желательности упрощенія русскаго правописанія въ интересахъ народной школы, развилъ слѣдующія положенія: 1) усвоеніе принятой въ настоящее время орѳографіи безусловно непосильно для русской народной школы съ ея трех-четырех-годичнымъ курсомъ; всѣ усилія въ этомъ направленіи, отражаясь чрезвычайно вредно на общей постановкѣ дѣла, даютъ только призрачные результаты: орѳографическія знанія, усвоенныя къ выпускному экзамену, утрачиваются почти безслѣдно въ самый короткій срокъ; 2) только сильное упрощеніе орѳографіи избавитъ большинство русскаго народа отъ грубой неграмотности и создастъ одно изъ необходимыхъ условій для правильнаго развитія народной школы; 3) всѣ остальные способы повышенія орѳографической грамотности населенія не могутъ имѣть общаго существеннаго значенія: а) дальнѣйшая методическая разработка пріемовъ обученія правописанію обѣщаетъ только незначительное улучшеніе орѳографіи учащихся; б) измѣненіе основного типа современной русской школы и значительное удлиненіе ея курса въ ближайшія десятилѣтія недостижимо; в) созданіе для народной школы особой упрощенной орѳографіи и не выполнимо и не желательно; 4) реформа орѳографіи будетъ имѣть серьезное значеніе для народной школы только въ томъ случаѣ, если она повлечетъ за собой исключеніе изъ алфавита буквы *ъ*; 5) при выработкѣ проекта новой системы правописанія желательно возможно послѣдовательнѣе примѣнять два принципа: а) стремиться къ созданію орѳографіи наиболѣе простой для усвоенія и примѣненія; б) возможно меньше отступать отъ традиціоннаго способа письма. Соблюденіе этого послѣдняго принципа необходимо какъ для того, чтобы не особенно затруднять лицъ, привыкшихъ къ установившейся орѳографіи, такъ и главнымъ образомъ для того, чтобы не вызвать сильнаго противодѣйствія самой идеѣ реформы правописанія. Въ настоящее время можно отказаться отъ буквы *ъ* и отъ двойного начертанія для звуковъ *е*, *ѳ*, *и*, но не желательно вводить новое обозначеніе іотированныхъ звуковъ и мягкихъ согласныхъ».

«Н. М. Каринскій полагаетъ, что при разсужденіяхъ о педагогическихъ основаніяхъ реформы правописанія слѣдуетъ считаться лишь съ требованіями школы средней и городскихъ училищъ и не должно принимать въ разсчетъ указаній на трудность усвоенія той или другой системы орѳографіи для низшихъ школъ, въ виду того, что полное усвоеніе какой

бы то ни было системы орѳографіи не можетъ входить въ задачи школъ грамотности и вообще народныхъ школъ».

«Акад. Ѳ. Е. Коршъ, по поводу указаній на западныя народныя школы, вполнѣ будто бы достигающія грамотности учениковъ при такомъ же трудномъ, какъ и русское, правописаніи, сообщилъ, что дѣйствительная грамотность достигается только въ сербскихъ школахъ, гдѣ правописаніе наиболѣе соотвѣтствуетъ живому языку. Довольно грамотное письмо также въ чешскихъ школахъ и отчасти въ школахъ нѣмецкихъ, такъ какъ курсъ послѣднихъ простирается отъ 6 до 8 лѣтъ. Что же касается Франціи и Англіи, то тамъ письма простолюдиновъ прямо поражаютъ своей безграмотностью».

«Товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя Комиссіи акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ прочиталъ затѣмъ извлеченіе изъ письма, присланнаго на имя Августѣйшаго Предсѣдателя Комиссіи однимъ сельскимъ учителемъ».

«Ваше Императорское Высочество».

«Въ печати появились замѣтки, что въ началѣ апрѣля Академія Наукъ будетъ разсматривать вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія. Не разсердитесь, Ваше Императорское Высочество, а также не улыбнитесь надъ тѣмъ, что я, человѣкъ маленькій, никому неизвѣстный и теперь почти что не существующій, осмѣливаюсь писать Вамъ, писать, не зная, какъ это дѣлается и о такихъ вопросахъ, которые переданы на рѣшеніе ученыхъ славистовъ».

«Лѣтъ 20 тому назадъ я сдѣлался сельскимъ учителемъ не изъ-за куска хлѣба. Мнѣ хотѣлось послужить народу, въ чемъ нужду его считалъ самой вопіющей. Это дѣло давало мнѣ много духовныхъ радостей, но радости всегда были отравлены значительной долей горечи. Мнѣ хотѣлось вселить въ ученикахъ любовь къ Царю и великому нашему отечеству, вселить знаніе его славной исторіи, знаніе всего того, что могло ихъ, подданныхъ великой державы, вести къ счастію духовному и матеріальному. И часто эти мои стремленія были только мучительными порывами и достигали развѣ половины желаемаго, такъ какъ учебное время коротко, оффиціальную программу нужно было выполнить, а масса времени уходила на обученіе правописанію; и въ концѣ концовъ окончившій ученикъ нѣкоторое время по окончаніи школы зналъ его, потомъ забывалъ, а въ духовномъ своемъ развитіи мало отличался отъ не посѣщавшаго школу, почти такъ же былъ безпомощенъ въ отысканіи или улучшеніи средствъ существованія».

«Статистика по грамотности ставитъ Русь почти въ концѣ государствъ Европы, а неотложныя другія нужды не даютъ возможности догнать эти государства численностью школъ. И эти даже немногочисленныя существующія школы: церковныя, министерскія и др., удѣливъ небольшую часть времени на Законъ Божій, частичку малую на ариѳметику и чтеніе, остальное все отдаютъ правописанію. Напрасно нѣкоторые предлагаютъ не относиться строго къ ошибкамъ въ правописаніи въ народныхъ школахъ. Нельзя создать два правописанія—для народа и для интеллигенціи. Учитель волей-неволей стремится къ идеалу, т. е. къ правописанію

по «Гроту». И льются, льются дѣтскія слезы, тяжко вздыхаютъ родители дѣтей средне-учебныхъ заведеній, а тѣхъ знаній, которыя нужны отечеству и церкви, мало. А какъ, сравнительно, много ихъ можно было бы дать народу, даже и при наличныхъ средствахъ, если бы облегчить обученіе правописанію».

«Въ Академіи будутъ совѣщаться люди очень ученые, и многіе изъ нихъ, вѣроятно, укажутъ, что наше правописаніе развилось исторически, что поэтому ненужныя правила должны умереть постепенно; что были попытки у другихъ народовъ измѣнять ихъ насильно, и онѣ иногда оканчивались неудачей; что измѣненіе правописанія вызоветъ смуту, еще болѣе не желательную, чѣмъ теперешнія тяжелыя правила, и т. д. И пусть все это будетъ вѣрно и искренно со стороны ученыхъ, но имъ невѣдомо, что дѣлается въ русскихъ школахъ. Если бы вѣдали, то облегчили бы участь этихъ школъ какими угодно жертвами».

«Возникнетъ смута, но она будетъ только временная: годъ, два, десять, двадцать лѣтъ, но вѣдь Россіи не 20 лѣтъ существовать; мы вѣримъ, что Господь даруетъ ей еще многія тысячи лѣтъ жизни. Нѣмецкое правописаніе не легче, такъ зато маленькій нѣмецъ начинаетъ съ 6-ти лѣтъ ходить въ школу и ходитъ 6—7 лѣтъ, а у насъ далеко не всѣ крестьяне могутъ освободить ребенка отъ домашнихъ работъ для ученія на 2—3 года Да и у китайцевъ, безъ сомнѣнія, правописаніе еще гораздо труднѣе русскаго, и мандарину требуются десятки лѣтъ для его изученія, такъ это намъ не примѣръ. Доводы въ пользу того, что все должно развиваться исторически и что реформы въ правописаніи на Западѣ иногда терпѣли неудачи,—далеко не вполнѣ вѣрны. Нынѣшнее правописаніе тормозитъ народное просвѣщеніе, какъ тормозило крѣпостное право развитіе Россіи».

«Ваше Императорское Высочество, да зачѣмъ всѣ эти доводы! Всякій знающій, что дѣлается въ русской школѣ, если только онъ не высушенный формалистъ, не имѣющій собственныхъ дѣтей, если только онъ не забылъ, во что ему самому обошлось пріобрѣтеніе навыковъ правописанія, — всякій такой человѣкъ скажетъ, что и самыя большія жертвы окупятся достигнутымъ благомъ».

«Къ стыду нашей печати, нѣкоторые органы ея, наравнѣ съ матеріально заинтересованными издателями грамматикъ и учебниковъ, позволили себѣ вышучивать предполагаемое преобразованіе правописанія («для краснаго словца не пожалѣетъ и отца»), или дѣлать восклицанія въ родѣ: «да неужели русскій народъ такъ глупъ, что не можетъ справиться съ буквою *ѣ* и другими правилами». Не глупъ нашъ великій народъ, а удивляетъ иностранцевъ своей смѣтливостью и здравымъ смысломъ, но, къ несчастію, онъ отсталъ отъ нихъ, занятый борьбою съ восточными врагами; его своеобразной культурѣ нужно помочь, а не задерживать ее искусственно, задавая школѣ совершенно непроизводительную работу. Взрослый человѣкъ неясно помнитъ, сколько печалей ему принесли низшіе классы гимназіи. Учителя гимназіи тоже представляютъ себѣ не вполнѣ ясно тѣ труды, которые ученики несутъ при усвоеніи

правописанія (большинство учениковъ тамъ имѣютъ репетиторовъ), но мы, сельскіе учителя, видимъ муки дѣтей ежедневно. Правила правописанія, дѣйствительно, не такъ ужъ трудны, въ полчаса цѣлый классъ пойметъ любое изъ нихъ, но при письмѣ человѣкъ пользуется не правиломъ, а навыкомъ, а потому ученику, независимо отъ способностей, приходится тратить многіе мѣсяцы, а иногда и годы на безконечныя, разнобразныя диктовки, списыванія и упражненія. И сколько нервныхъ потрясеній причиняетъ каждая письменная контрольная работа бѣдному ребенку».

«Нельзя не понимать, что то, что будетъ рѣшено въ Академіи, есть историческое событіе, которое должно имѣть вліяніе на народное просвѣщеніе, событіе чрезвычайной важности, и шутки, въ родѣ шутки Греча — «*ъ* необходимо для того, чтобы отличить грамотнаго отъ неграмотнаго» — неумѣстны, даже жестоки. Сотни тысячъ людей съ трепетомъ ожидаютъ благополучнаго рѣшенія этого вопроса».

«Проф. Н. А. Котляревскій обратилъ вниманіе собранія на то, что упрощеніе правописанія вызывается потребностями не только низшей и средней школы, но и высшей, именно военными академіями, въ одной изъ которыхъ ему приходится изъ-за правописанія ежегодно не допускать въ число слушателей нѣсколькихъ офицеровъ».

«Поставленный затѣмъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ Комиссіи вопросъ о томъ, находитъ ли Комиссія желательнымъ упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія, единогласно рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ этого члены Комиссіи на особыхъ запискахъ дали свои отвѣты по другимъ вопросамъ, касающимся реформы правописанія, причемъ высказались: 1) за упрощеніе правописанія съ исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ алфавита—42, а за упрощеніе безъ исключенія—8; 2) за исключеніе буквы *ѳ*—47, за сохраненіе—3; 3) за исключеніе буквы *ъ*—36, за сохраненіе—14; 4) за исключеніе одной изъ буквъ: *и* или *і*—39, за сохраненіе обѣихъ—11; 5) за исключеніе буквы *ѣ*—34, за сохраненіе—15 (и одинъ голосъ не былъ поданъ)».

«Затѣмъ, по предложенію Августѣйшаго Предсѣдателя, Комиссія избрала изъ своего состава, сложенными записками, семь членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ въ Подкомиссію, для разработки тѣхъ вопросовъ по упрощенію русскаго правописанія, которые не связаны съ исключеніемъ изъ алфавита какихъ-либо буквъ. Въ Подкомиссію избранными оказались—членами: акад. А. А. Шахматовъ, акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ, акад. А. И. Соболевскій, акад. Ѳ. Е. Коршъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и проф. Р. Ѳ. Брандтъ; кандидатами: проф. С. К. Буличъ, прив.-доц. Н. М. Каринскій и Н. К. Кульманъ».

«Члены Подкомиссіи избрали своимъ предсѣдателемъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова, о чемъ было заявлено Августѣйшему Предсѣдателю Комиссіи».

«Послѣ этого Августѣйшій Предсѣдатель Комиссіи объявилъ, что засѣданіе закрывается».

Сообщеніе «Правительственнаго Вѣстника» было перепечатано во многихъ газетахъ и журналахъ; рѣшеніе Комиссіи уничтожить лишнія буквы русской азбуки и происходившія въ ней пренія вызвали дѣятельную газетную полемику.

Полемика эта еще болѣе оживилась, когда начали появляться въ печати свѣдѣнія о дѣятельности Подкомиссіи, образованной для составленія проекта новаго правописанія. Такъ какъ свѣдѣнія о занятіяхъ Подкомиссіи отчасти не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности, отчасти представляли связанныя съ ея работою вопросы въ невѣрномъ освѣщеніи, то орѳографическая Подкомиссія выступила въ печати съ слѣдующимъ разъясненіемъ, появившимся тоже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (1904 г., № 93):

«По поводу реформы русскаго правописанія. Слухи о реформѣ нашего правописанія, какъ и слѣдовало ожидать, возбудили много толковъ и недоразумѣній. Въ числѣ послѣднихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя утвержденіе, что реформа выдвинута и предложена академіей наукъ. Это безусловно невѣрно: отдѣленію русскаго языка и словесности принадлежитъ лишь образованіе комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи. Въ этой комиссіи одинъ изъ академиковъ выступилъ съ докладомъ, который въ отдѣленіе не вносился, но встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Докладчикъ и упомянулъ поэтому, что предложеніе идетъ отъ него и отъ нѣкоторыхъ его товарищей. Эти его товарищи по отдѣленію, такъ же какъ и онъ самъ, глубоко убѣждены въ томъ, что рѣшающій голосъ въ реформѣ правописанія долженъ принадлежать не академіи наукъ, а широкому кругу педагоговъ, литераторовъ, публицистовъ, ученыхъ. И дѣйствительно, основное положеніе реформы—желательность упрощенія правописанія съ исключеніемъ изъ алфавита лишнихъ буквъ—обсуждалось въ многочисленной комиссіи, въ составъ которой было приглашено пятьдесятъ пять человѣкъ представителей наукъ, школы и печати».

«Впрочемъ, нѣкоторые члены академіи наукъ убѣждены въ томъ, что этому учрежденію, въ силу сложившихся раньше обстоятельствъ, надлежитъ выступить въ вопросѣ о русскомъ правописаніи въ дѣятельной роли. Съ именемъ академіи наукъ (а не только одного изъ покойныхъ ея членовъ) связано принятое нынѣ въ школьномъ преподаваніи правописаніе. Не признавая его вполнѣ удовлетворительнымъ съ одной стороны, а съ другой, не имѣя основанія считать его результатомъ коллегіальнаго обсужденія членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности, академія наукъ созвала комиссію по вопросу о русскомъ правописаніи, разрѣшила ей и избранной ею подкомиссіи засѣдать въ стѣнахъ своихъ и приметъ, наконецъ, на себя расходы по дѣлопроизводству и печатанію трудовъ комиссіи и подкомиссіи. Можно надѣяться, что послѣ работы комиссіи имя академіи наукъ уже не будетъ связано съ *обязательнымъ* для школы правописаніемъ».

«Другимъ недоразумѣніемъ нельзя не признать предположеніе, что комиссія (объ академіи, какъ видно изъ предыдущаго, не можетъ быть и рѣчи) составитъ обязательное для кого бы то ни было правописаніе. Правда, возможно допустить, что отдѣленіе русскаго языка и словесности признаетъ выработанное комиссіей правописаніе обязательнымъ для сво-

ихъ изданій, но надежды сторонниковъ реформы скромнѣе даже въ этомъ отношеніи: они хотѣли бы лишь того, чтобы новое правописаніе получило доступъ въ изданія академіи наукъ, хотѣли бы также, чтобы это правописаніе проникло и въ другіе органы печати, словомъ, получило право гражданства. Добиться такого права, разумѣется, не путемъ изданія соотвѣтствующаго закона или циркуляра, а только путемъ полнаго обсужденія и открытаго заявленія, сторонники реформы правописанія считаютъ совершенно необходимымъ, въ виду основательнаго предположенія, что всякое новшество въ правописаніи, не опирающееся на примѣръ какого-нибудь авторитетнаго учрежденія, можетъ встрѣтить официальный запретъ. Вспомнимъ распространившіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ слухи о томъ, что предполагалось запретить печатать книги и повременныя изданія безъ буквы ъ и безъ надлежащаго соблюденія буквы ѣ; вспомнимъ о распространившихся тогда же слухахъ о борьбѣ цензоровъ съ авторами, представлявшими для напечатанія рукописи безъ ъ и безъ ѣ.

«Разумѣется, желательно получить право гражданства для новаго правописанія не только въ интересахъ огражденія русскаго печатнаго слова отъ внѣшнихъ стѣсненій. Оно нужно для того, чтобы путемъ свободнаго соревнованія выяснить сравнительныя выгоды и удобства стараго и новаго правописаній, чтобы обществу, которому одному принадлежитъ при этомъ окончательный выборъ, была предоставлена возможность взвѣсить и оцѣнить цѣлесообразность и разумность предложенныхъ упрощеній».

«Сторонники реформы надѣются на безпристрастный судъ общества, надѣются также именно этимъ путемъ, путемъ свободнаго доступа новаго правописанія въ печать, провести его и въ школу, гдѣ, по ихъ мнѣнію, потребность въ упрощеніи, упорядоченіи правописанія вопіющая. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ ходатайствъ педагогическихъ обществъ. Школа обращаетъ на себя вниманіе сторонниковъ реформы, между прочимъ, потому, что они желали бы часть времени, идущаго на изученіе буквы ѣ и разныхъ искусственныхъ правилъ, отражающихъ мудрствованія старинныхъ и новѣйшихъ грамматикъ, сохранить на другое—на изученіе родной рѣчи. Не поясняемъ нашей мысли, такъ какъ, конечно, всякому образованному человѣку понятно, что изученіе правописанія не есть изученіе языка. Равнымъ образомъ образованному человѣку понятно, что реформировать правописаніе (какъ одно изъ внѣшнихъ средствъ передачи живой рѣчи) не значитъ посягать на языкъ».

«Предсѣдатель орѳографической подкомиссіи—акад. Ф. Фортунатовъ; члены: проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. Р. Брандтъ, проф. С. Буличъ, акад. Ѳ. Коршъ, прив.-доц. П. Сакулинъ, акад. А. Шахматовъ; кандидаты—прив.-доц. Н. Каринскій, преподаватель Н. Кульманъ».

Обратимъ вниманіе на то, что это заявленіе появилось въ печати раньше «извлеченія изъ протокола Комиссіи». Вотъ почему оно касается отчасти и дѣятельности послѣдней.

Полемика о реформѣ орѳографіи еще болѣе усилилась, когда въ маѣ 1904 года появилось «Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи», предлагавшее проектъ новаго правописанія. Соединяя вмѣстѣ постановленіе Комиссіи, уничтожившей лишнія буквы, и предложенія

Подкомиссіи, мы получимъ выработанныя ими слѣдующія немногочисленныя правила, замѣняющія десятки существующихъ запутанныхъ правилъ и исключеній изъ нихъ.

I. Исключаются лишнія буквы: *ъ*, *ѣ*, *ѳ*, *і* [1]). Поэтому:

1. Всѣ слова слѣдуетъ писать безъ *ъ*: дом, сад, богат, он, нож, калач и т. д.

Для раздѣленія согласной отъ слѣдующихъ гласныхъ *я*, *е* (*ё*), *ю* предлагается вмѣсто *ъ* писать *ь*: обьясню, обьем, вьеду, сьютил и т. д.

2. Въ связи съ уничтоженіемъ буквы *ъ* исключается также и *ь* въ концѣ словъ, гдѣ она не показываетъ произношенія, именно послѣ *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, такъ какъ двѣ первыя буквы произносятся всегда твердо, а двѣ послѣднія всегда мягко, что бы мы послѣ нихъ ни написали. Поэтому нужно писать: рож, маж, настеж, мыш, ходиш, сердишся, лиш, ноч, жеч, жечся, помощ и т. д.

3. Буква *ѣ* во всѣхъ случаяхъ замѣняется буквою *е*; поэтому должно писать: верно, белок, дело, по горе, в городе, жалеет, терпеть, вкратце и т. д.

4. Вмѣсто *ѳ* предлагается всегда писать *ф*: Фёдор, Фома, арифметика, орфографія, кафедра и т. д.

5. Буква *і* замѣняется всегда буквою *и*; значитъ, нужно писать: сияние, Василий, мирской, всемирный и т. п.

II. Измѣняются нѣкоторыя ненаучныя, непослѣдовательныя и условныя правила правописанія и предлагаются вмѣсто нихъ такія, которыя соотвѣтствуютъ современному состоянію русскаго языка и оправдываются его исторіею.

1. Послѣ *ж*, *ш*, *ц*, *ч*, *щ* подъ удареніемъ нужно писать всегда *о*, если оно явственно слышится: жорнов, жостко, лжот, шолк, шол, лицом, счот, течот, щотка. Въ слогахъ неударяемыхъ послѣ данныхъ согласныхъ по прежнему пишется *е*: жерновов, жестка, шелки, вышел, счета, вытечет, щетина и т. д.

2. Во всѣхъ приставкахъ, оканчивающихся на *з*—*без*, *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *чрез* (*через*)—предлагается передъ всякой глухой согласной, т. е. и передъ *с*, писать по произношенію *с*. Такимъ образомъ къ принятымъ раньше написаніямъ по произношенію, какъ: всходы, исчезаю, виспошли, растянулся, присоединяются не допускавшіяся прежде, по особому исключенію, написанія: беспечно, бессловесная, чересполосица, восстал, иссушили, рассѣянность и т. п.

3. Въ именительномъ-винительномъ падежахъ мужескаго рода единственнаго числа именъ прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и причастій слѣдуетъ писать всегда окончанія *ой* или *ей*: доброй друг, сильной мороз, высокой рост, строгой учитель, синей кафтан, зимней день, ходячей анекдот, волчей билет, рыжей волос, первой раз, третей год, каждой дом, всякой ученик, поющей соловей и т. п.

4. Писать всегда *ого* или *его* въ окончаніяхъ родительнаго падежа мужескаго и средняго рода единственнаго числа именъ прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и причастій: доброго, сильного, синего, про-

---

[1]) Буква *ѵ* (ижица) считается исключенной раньше.

чего, лучшего, рыжего, волчьего, первого, третьего, всякого, бывшего, говорящего и т. п.

5. Въ окончаніяхъ именительнаго-винительнаго падежа множественнаго числа тѣхъ же частей рѣчи нужно писать *ые, ие* безъ различія рода: прилежные мальчики, прилежные девочки, прилежные дети, русские города, русские деревни, русские села, шаловливые ученицы, первые пчелки, всякие дела, говорящие куклы и т. п.

6. Формы *они, одни, однихъ, однимъ, одними* должно писать во всѣхъ родахъ, т. е. и въ женскомъ. Такимъ образомъ предполагается писать: Сестры не хотели идти въ театр *одни* и потому *они* остались дома.

7. Вмѣсто *ея* писать всегда *ее*, т. е. такъ, какъ произносится: *Ее* сестра звалась Татьяна.

Одни органы печати—«Новое Время» [1]), «Свѣтъ», «Московскія Вѣдомости»—объявили себя рѣшительными противниками реформы, другіе—большинство прогрессивныхъ газетъ и журналовъ—горячо ратовали за упрощеніе правописанія. По вопросу объ упрощеніи нашей орѳографіи появлялись тогда въ печати бесѣды, письма, статьи и замѣтки многихъ извѣстныхъ ученыхъ, публицистовъ, писателей и педагоговъ. Большинство ихъ были сторонниками реформы. Изъ ученыхъ въ печати раньше другихъ высказался давнишній поборникъ орѳографической реформы, профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ, который въ отвѣтъ на статью «Новаго Времени» писалъ въ «Руси» 17 апр. 1904 г., № 124:

«Въ «Маленькихъ замѣткахъ» Борея («Нов. Вр.» 15-го апрѣля), высказывается взглядъ, что упрощеніе правописанія есть порча русскаго языка, а въ связи съ этимъ увѣренность, что «новшество орѳографической комиссіи не привьется».

«Что будетъ потомъ, мы въ свое время увидимъ, или увидятъ дѣти и внуки наши; теперь же надо имѣть въ виду, что на Руси уже не разъ осуществлялись весьма крупныя преобразованія, и что пока разбирается вопросъ, желательна ли реформа въ принципѣ. И вотъ, вступаетъ въ силу такое ясное и краткое разсужденіе: опытъ нашей школы показываетъ, что на усвоеніе (часто далеко не полное) нынѣшней орѳографіи уходитъ много времени, во вредъ другимъ занятіямъ по отечественному языку, а современная наука, всесторонне изучающая дѣйствительныя

---

[1]) «Новое Время» раньше стояло на точкѣ зрѣнія реформаторовъ; такъ, въ № 9950 (15 ноября 1903 года) оно возражало г. Григорію К., доказывавшему на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей», что частныя изданія безъ *ерова* и *ятей* вредны, такъ какъ подрываютъ авторитетъ школы, ученики которой могутъ оставаться на второй годъ въ томъ же классѣ за незнаніе, гдѣ ставить букву ѣ, и въ то же время видѣть печатныя изданія безъ этой буквы. «Новое Время» высказывалось тогда такъ: «Мы думаемъ, что это послужитъ только на благо школѣ. Быть можетъ, школа тогда пойметъ, что не въ «ятяхъ» ея основная задача, а въ чемъ-то другомъ, и что исправно соблюдая «яти» и переходя поэтому изъ класса въ классъ, можно выйти изъ школы никуда негоднымъ для общества членомъ».—Сама газета давно печатала отдѣлъ мелкихъ извѣстій безъ *ерова*. Конечно, послѣ того, какъ она ополчилась на реформу, ъ неизмѣнно сталъ появляться и въ мелкомъ шрифтѣ «Новаго Времени».

свойства живой рѣчи, признаетъ орѳографію во многихъ отношеніяхъ искусственною, противорѣчащею этимъ свойствамъ; значитъ, съ научной точки зрѣнія реформа допустима, а съ житейской—желательна».

«И реформа, конечно, должна быть упрощеніемъ, а не усложненіемъ «примѣнительно къ древне-славянскому, на основаніяхъ историческихъ», отъ какового не прочь г. Борей. Такая реформа никому не нужна, да и самъ г. Борей, если бы написалъ сему подобнымъ письмомъ хоть бы нѣсколько строкъ, вѣроятно почувствовалъ бы его странность. Приведу, для примѣра, одну обиходную фразу въ орѳографіи Остромирова евангелія: «кѣде сѣдесе мѣлъчьная лавъка».

«Совершенно некстати г. Борей напоминаетъ о завѣтѣ Тургенева беречь русскій языкъ. Спеціалисты по языкамъ славянскому и русскому, конечно, очень любятъ предметъ своихъ изслѣдованій, и отнюдь не желаютъ навязывать русскому языку того, что ему не свойственно. Напротивъ, этимъ грѣшитъ именно ходячая орѳографія, которая вовсе не шла естественнымъ путемъ, а есть лишь, съ грѣхомъ пополамъ, примѣненное къ русской рѣчи церковно-славянское письмо, и при томъ кишитъ написаніями, представляющими простыя ошибки или же произвольныя измышленія прежнихъ недостаточно свѣдущихъ, но за то крайне смѣлыхъ грамматистовъ. Такъ, буква ѣ не пишется въ массѣ случаевъ, гдѣ должна бы писаться, напр. «мѣлкій, ночлѣгъ, лѣтать»—въ послѣднемъ словѣ ѣ былъ усиленіемъ *е*, обозначавшимъ многократный видъ—и введена въ иныя, гдѣ ей совершенно не мѣсто, напр. «змѣй, индѣецъ», что столь же «безграмотно», какъ постановка *ъ* въ повелительномъ «бѣй» или «пѣй». Такъ извѣстнаго различія родовъ «он*и* и он*ѣ*», «добры*е* и добры*я*» въ языкѣ не существуетъ и никогда не существовало. (Когда было различіе, то говорили «они, оны, она»; «добріи бояре, добрыѣ боярынѣ, добрая дѣла»)».

«Возмущаться дерзостью тургеневскаго «Петра Зудотешина», который при крайней безграмотности, т. е. не усвоивъ даже того, что прежде всего вбиваютъ намъ въ голову, а тѣмъ менѣе знакомый съ какою-нибудь серьезною наукой, судитъ о литературномъ произведеніи,—конечно, можно и даже должно; совсѣмъ однако не то будетъ по устраненіи буквы *ъ*: тогда незнаніе условныхъ правилъ ея употребленія столь же мало будетъ свидѣтельствовать объ общемъ невѣжествѣ человѣка, какъ теперь—неумѣніе писать большой юсъ».

«Скажу, наконецъ, что въ орѳографическомъ вопросѣ публика и печать могли бы оказать большее довѣріе спеціалистамъ: какъ лѣченіе поручается врачамъ, стройка — архитекторамъ, такъ дѣло орѳографіи преспокойно можно бы поручить филологамъ и педагогамъ».

«Относительно же осуществимости реформы я надѣюсь, что надъ схоластикой и рутиной восторжествуетъ здравый смыслъ русскаго народа — вѣдь русскій человѣкъ, по словамъ того же цитируемаго г. Борея Тургенева, такъ увѣренъ въ своей силѣ, что не прочь и поломать себя; онъ мало думаетъ о своемъ прошедшемъ и смѣло глядитъ въ будущее».

Черезъ нѣкоторое время высказалъ свое отношеніе къ упрощенію правописанія и академикъ А. И. Соболевскій. Въ «Новомъ Времени» 20 мая 1904 г., № 10104, онъ писалъ:

«Необходима ли орѳографическая реформа?»

«Думаю, что необходимости въ орѳографической реформѣ нѣтъ; воплямъ лѣнивыхъ учениковъ и плохихъ преподавателей не слѣдуетъ придавать большого значенія».

«Но считаю орѳографическую реформу желательной».

«Нѣкоторыя буквы нашей азбуки утратили уже всякое право на существованіе и являются бременемъ для всѣхъ пользующихся этой азбукой».

«Такъ, буква *ъ*, противъ которой уже давно воюютъ, потеряла значеніе по крайней мѣрѣ съ XIII вѣка; никто изъ говорящихъ по-русски не произноситъ *волкъ* въ два слога. Почему бы намъ не набраться храбрости и не избавиться отъ этой буквы»?

«Или буква *ѣ*. Для насъ, говорящихъ литературнымъ русскимъ языкомъ (на *а*), она—такой же дублетъ къ *е*, какъ *д* хвостомъ вверхъ къ *д* хвостомъ внизъ. Для чего намъ повторять правила ея древняго употребленія, когда она имѣла свой смыслъ, и учиться писать *вѣра*, когда мы всѣ говоримъ *вера*?»...

«Или формы прилагательныхъ именит. падежа множ. числа *добрые* муж. рода и *добрыя* женскаго и средн. рода. Всѣ говорящіе по-русски пользуются для всѣхъ родовъ одною и тою же формою. Правило писать *добрые* для муж. р. и *добрыя* для женск. и средн. р. установлено лишь въ XVIII вѣкѣ. Зачѣмъ намъ его учить, когда рядомъ мы свободно употребляемъ для всѣхъ родовъ одну и ту же форму *мои, сами, всѣ, тѣ*? Не слѣдуетъ ли намъ избавиться отъ одной изъ этихъ двухъ формъ, придавъ другой значеніе и мужескаго и женско-средняго рода?».

Вообще академикъ Соболевскій находилъ, что орѳографическая реформа имѣетъ достаточное основаніе въ такихъ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ вездѣ представляетъ одно и то же, гдѣ интересы говорящихъ, напримѣръ, по-сѣверно-русски на *о*, вполнѣ согласуются съ интересами говорящихъ по-южно-великорусски на *а*.

Иначе онъ смотритъ на случаи, гдѣ въ русскомъ языкѣ въ одномъ мѣстѣ слышатся одни звуки, а въ другомъ—другіе.

«Вотъ хотя бы форма родит. пад. прилагательныхъ и мѣстоименій *добраго, моего*. Она нами произносится съ окончаніемъ *во*; такъ же она звучитъ почти вездѣ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Москвы. Но къ югу отъ Москвы въ рядѣ великорусскихъ губерній она имѣетъ окончаніе *го*; малоруссы и бѣлоруссы знаютъ ее только съ окончаніемъ *го*. Имѣемъ ли мы право сложить съ себя тяжесть исторической орѳографіи и постановить писать форму род. пад. *доброво, моево*, возложивъ на другихъ, сохраняющихъ древнее окончаніе *го*, необходимость мучиться съ результатомъ нашего постановленія?».

Въ заключеніе г. Соболевскій замѣчалъ, что производя орѳографическую реформу, мы должны помнить, что у насъ литературный языкъ—одинъ для всѣхъ русскихъ, какимъ бы нарѣчіемъ или говоромъ они ни говорили и кто бы они ни были: великоруссы, бѣлоруссы или малоруссы; поэтому онъ полагалъ, что обязанность реформаторовъ состоитъ въ томъ, чтобы не выдумывать такихъ орѳографическихъ новшествъ, которыя могутъ затруднить для какой бы то ни было части русскаго народа пользованіе русскою книгою.

Академикъ Соболевскій такой выдающійся спеціалистъ по исторіи русскаго языка и русской діалектологіи, что его мнѣнія и соображенія, высказанныя въ пользу реформы, имѣютъ большую цѣну. Дѣйствительно, мы знаемъ, что противники орѳографической реформы ищутъ себѣ опоры въ самыхъ разнообразныхъ, особенно болѣе темныхъ областяхъ языкознанія, въ мало изученныхъ отдѣлахъ психологіи, въ педагогикѣ обученія, но рѣдко рѣшаются опираться на данныя исторіи русскаго языка, или на факты его діалектологіи. Серьезное содержаніе письма ак. Соболевскаго, конечно, испорчено гнѣвнымъ и несправедливымъ упрекомъ, брошеннымъ по адресу учителей и учениковъ. Въ свое время мы объяснили г. Соболевскому («Русь» 23 апрѣля 1904 года, № 130), что въ педагогическую среду вопросъ объ упрощеніи правописанія провсденъ такими достойными педагогами, какъ Стоюнинъ, Туловъ, Шереметевскій, которыхъ никакъ нельзя отнести къ категоріи «плохихъ преподавателей». А относительно учащихся дѣтей мы замѣтили, что для того, чтобы не внимать ихъ воплямъ, нужно имѣть слишкомъ много жестокости и еще больше педагогическаго невѣжества [1]).

10 іюня въ «Руси» (№ 147) появилось по вопросу о новой орѳографіи замѣчательное письмо достоуважаемаго академика А. А. Шахматова. Написано оно по поводу статьи «Новаго Времени» (2 мая 1904 г., № 10116), авторъ которой, подписавшійся буквами К. Л. М., разсматривалъ вопросъ объ упрощеніи правописанія, какъ придирчивый чиновникъ старыхъ временъ, бюрократическое спокойствіе котораго было растревожено рядомъ вопросовъ, которыми онъ и наполнилъ нѣсколько столбцовъ «Новаго Времени». Г-нъ К. Л. М. былъ недоволенъ: зачѣмъ Академія Наукъ взялась за вопросъ объ упрощеніи правописанія? зачѣмъ она образовала Комиссію? зачѣмъ явилась еще Подкомиссія? для чего Академія избрала въ Комиссію такихъ лицъ, которыя вынесли рѣшеніе непріятное автору этихъ запросовъ? почему голосованіе въ Комиссіи было закрытое и г. К. Л. М. не знаетъ, *кто* и *за что* подавалъ свой голосъ? и т. п. Въ заключеніе авторъ статьи призывалъ къ тому, чтобы не вѣрить успокоительнымъ заявленіямъ орѳографической Подкомиссіи и крѣпко стоять на стражѣ Кирилло-Меѳодіевскихъ традицій. По поводу этихъ заявленій академикъ А. А. Шахматовъ писалъ:

«Статья, появившаяся въ № 10116 «Новаго Времени» подъ заглавіемъ «По вопросу о реформѣ правописанія», рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ нападокъ на задуманную реформу серьезностью тона и опредѣленною постановкой вопросовъ. На нихъ необходимо отвѣтить въ интересахъ дѣла и правды. Не уполномоченный ни коммиссіей по вопросу о русскомъ правописаніи, ни орѳографической подкоммиссіей, я, какъ членъ этой послѣдней, рѣшаюсь предложить свои посильные отвѣты на вопросы г-на К. Л. М.»

«Оставляю безъ отвѣта вопросъ о правѣ академіи наукъ передать «свои законныя функціи, буде къ нимъ относится кодификація правописанія, какому-нибудь другому совѣщанію внѣ отдѣленій и общаго со-

---

[1]) Болѣе подробно «Мнѣнія академика А. И. Соболевскаго объ упрощеніи русскаго правописанія» мы критически разбирали въ журналѣ «Образованіе» 1904 г., № 12, стр, 72—80.

бранія академіи наукъ и даже составленному въ большинствѣ членовъ изъ неакадемиковъ»; оставляю его безъ отвѣта потому, что, конечно, задавшему этотъ вопросъ лицу хорошо извѣстно, что къ законнымъ функціямъ академіи наукъ не относится и не можетъ относиться «кодификація правописанія».

«Согласимся съ г-мъ К. Л. М., что подобные вопросы относятся къ формальной сторонѣ дѣла. Перейдемъ вслѣдъ за авторомъ къ существу его. Г-нъ К. Л. М. не находитъ никакихъ основаній къ образованію при академіи наукъ особой орѳографической коммиссіи. «Вѣдь въ ея (академіи наукъ) составѣ, говоритъ онъ, имѣется достаточно силъ для рѣшенія теоретическаго вопроса о границахъ компромисса между фонетикой и исторіей языка, какъ опредѣляетъ академикъ Фортунатовъ задачу означенной коммиссіи». И тѣмъ не менѣе, къ удивленію г-на К. Л. М., академія наукъ нашла нужнымъ передать вопросъ въ коммиссію, состоящую не изъ четырехъ членовъ II отдѣленія, перечисленныхъ г-номъ К. Л. М. ниже въ качествѣ языковѣдовъ [1]), а въ обширную и разнородную коммиссію изъ пятидесяти пяти человѣкъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о русскомъ правописаніи былъ бы разрѣшенъ проще и скорѣе, если бы академія избрала путь, рекомендованный г-номъ К. Л. М., и самая реформа была бы, пожалуй, обставлена большими гарантіями и получила бы большую авторитетность, такъ какъ она прошла бы при этомъ подъ флагомъ академіи наукъ. Но отдѣленіе русскаго языка и словесности и въ числѣ его членовъ сторонники реформы не пожелали избрать этого легкаго пути и рѣшили поставить дѣло на путь болѣе трудный и сложный. Вмѣнитъ ли это безпристрастный судъ въ заслугу или въ упрекъ академіи? Вмѣсто того, чтобы работать келейно, въ четырехъ стѣнахъ академіи, сторонники реформы выносятъ ее на гласное обсужденіе коммиссіи и собственное свое участіе въ дальнѣйшей разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ ставятъ въ зависимость отъ избранія въ члены подкоммиссіи. Разумѣется, и г-нъ К. Л. М. призналъ бы сложный путь, избранный академіей, правильнымъ и гарантирующимъ всесторонее разсмотрѣніе задуманной реформы, если бы у него не явилось сомнѣнія въ добросовѣстности и безпристрастности организаціи всего дѣла. Противъ академіи воздвигается обвиненіе въ томъ, что она искусственно подобрала составъ коммиссіи, желая обезпечить проекту II отдѣленія (на самомъ же дѣлѣ, проекту акад. Фортунатова, встрѣтившему сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ его товарищей) достаточное число голосовъ въ составѣ этой коммиссіи. Въ виду нѣкоторыхъ намековъ г-на К. Л. М. на такой искусственный подборъ, подчеркивающаго напримѣръ, что въ коммиссію вошло шестнадцать членовъ академіи, рѣшительно утверждаю, что изъ числа членовъ академіи къ сторонникамъ реформы принадлежало и принадлежитъ только шесть: остальные высказывались противъ реформы или ничѣмъ не обнаружили своего сочувствія ей. Въ коммиссію вошло десять представителей средне-учебныхъ заведеній, но никто изъ нихъ не былъ предварительно опрошенъ, какого онъ держится взгляда на реформу; я знаю, что нѣкоторые изъ числа вошедшихъ въ

[1]) Статья «Новаго Времени» къ числу ихъ относитъ академиковъ *Фортунатова, Шахматова, Соболевскаго* и *Корша*.

коммиссію преподавателей—противники реформы. Къ числу лицъ, не получившихъ приглашенія участвовать въ трудахъ коммиссіи непосредственно отъ самой коммиссіи, относятся, кромѣ шести представителей отъ разныхъ вѣдомствъ, еще два академика, уполномоченные засѣдать въ коммиссіи въ качествѣ представителей избравшаго ихъ общаго собранія академіи, а также два представителя двухъ педагогическихъ обществъ (представитель одесскаго педагогическаго общества не прибылъ въ засѣданіе 12 апрѣля). Кромѣ того, въ коммиссію приглашены были нѣкоторыя лица (въ томъ числѣ и академики), изъявившія сами желаніе принять участіе въ трудахъ ея, но не высказавшіяся при этомъ ни за реформу, ни противъ нея. Наконецъ, въ коммиссію вошли, по приглашенію академіи, нѣсколько лицъ, завѣдомо враждебныхъ реформѣ. Надѣюсь, что эти мои слова будутъ подтверждены, въ случаѣ надобности, всѣми, къ кому они относятся. Въ виду всего этого, обвиненіе академіи наукъ въ пристрастной или недобросовѣстной организаціи коммиссіи представляется совершенно необоснованнымъ и даже болѣе—несправедливымъ».

«Переходя къ заявленію орѳографической подкоммиссіи, помѣщенному въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», г-нъ К. Л. М. спрашиваетъ, кто уполномочилъ эту подкоммиссію, большинство членовъ которой не академики, говорить о взглядахъ академіи наукъ, объ ея цѣляхъ и стремленіяхъ? Такой вопросъ былъ бы умѣстнѣе со стороны самой академіи, чѣмъ со стороны посторонняго лица, но я охотно отвѣчу на него. Отдѣленіе русскаго языка и словесности заняло весьма опредѣленную точку зрѣнія на реформу, признавъ вопросъ о правописаніи не подлежащимъ своему разсмотрѣнію. Эта точка зрѣнія стала извѣстной подкоммиссіи, которая и рѣшилась сообщить о ней, въ виду упорныхъ слуховъ о томъ, что дѣло реформы ведетъ академія наукъ».

«Г-нъ К. Л. М. иронически спрашиваетъ гг. языковѣдовъ, сидящихъ въ подкоммиссіи, почему они считаютъ себя компетентными рѣшать вопросы правописанія, не относящіеся, по ихъ мнѣнію, къ изученію языка, т. е. къ прямой ихъ спеціальности. Отвѣтъ г-ну К. Л. М. данъ коммиссіей, избравшей языковѣдовъ 12-го апрѣля закрытой подачей голосовъ въ члены подкоммиссіи и признавшей ихъ такимъ образомъ компетентными для подготовленія данныхъ къ рѣшенію большого историческаго или историко-литературнаго вопроса, какъ выражается г-нъ К. Л. М. Ироническій тонъ автора разсматриваемой статьи вызванъ сообщеніемъ подкоммиссіи, гдѣ сказано: всякому образованному человѣку понятно, что изученіе правописанія не есть изученіе языка. Дѣло идетъ объ изученіи правописанія въ школѣ, гдѣ дѣйствительно почти совсѣмъ не изучается родной языкъ. Какъ можно было вывести отсюда, что языковѣды некомпетентны въ обсужденіи вопросовъ правописанія, для меня рѣшительно непонятно. Школьнику, изучающему правописаніе, можетъ показаться, что онъ изучаетъ языкъ, но хочется вѣрить, что учителя его не могутъ раздѣлить съ нимъ такого ошибочнаго взгляда».

«Въ заключеніе г-нъ К. Л. М. призываетъ русское общество крѣпко стоять на стражѣ нашихъ священныхъ, кирилло-меѳодіевскихъ традицій и не вѣрить успокоительнымъ заявленіямъ орѳографической подкоммиссіи о необязательномъ характерѣ всѣхъ ея постановленій. Кириллъ и Ме-

ѳодій дали дѣйствительно славянству великій завѣтъ, устроивъ алфавитъ, пріуроченный къ живымъ звукамъ древне-церковно-славянскаго (древне-болгарскаго) языка, и переведя на живой понятный народу языкъ священныя и богослужебныя книги. Все въ этомъ завѣтѣ говоритъ противъ формальнаго,—мертваго отношенія къ книгѣ и письму, т. е. того отношенія, представителями котораго явились могущественные враги солунскихъ братьевъ, названные треязычниками за то, что они признавали возможнымъ славить Бога только на трехъ языкахъ, употребленныхъ Пилатомъ на надписи надъ распятымъ Христомъ. Все въ завѣтѣ нашихъ первоучителей обѣщало будущность и широкое развитіе именно слову, а не внѣшней его оболочкѣ—буквѣ. Этимъ объясняется появленіе, а затѣмъ и быстрый ростъ русской письменности, возникшей подъ вліяніемъ древне-болгарской, но развивавшейся самостоятельно и самобытно. Со времени крещенія Руси прошло менѣе ста лѣтъ, какъ появились памятники, освободившіеся отъ нѣкоторыхъ ненужныхъ для русскаго языка древне-болгарскихъ буквъ (*юса* большого, *зѣло*), смѣшавшіе, въ угоду произношенію, *юсъ* малый и іотированное *а*, *е* и *ъ*. Рѣшимся ли мы обвинить благочестивыхъ русскихъ писцовъ XI вѣка за то, что они отступили отъ кирилло-меѳодіевскихъ традицій? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, ибо работа нашихъ книжниковъ доказывала воочію, что не напрасно потрудились святые братья, что ихъ дѣятельность, вѣрная завѣту Христа, учившаго, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка, встрѣтила живой, сочувственный отзвукъ на далекихъ отъ Моравіи и Болгаріи берегахъ Днѣпра и Волхова. Въ XII и XIII в. русская письменность крѣпнетъ, все болѣе освобождаясь отъ болгарскаго вліянія: самое письмо вырабатывается въ стройную и самобытную систему. Татарское иго, паденіе Кіева, возникновеніе новыхъ центровъ политической жизни тяжело отзываются на письменности: не находя въ окружающей жизни источниковъ развитія и обновленія, она подпадаетъ иноземному вліянію; заѣзжіе сербы и болгары привозятъ къ намъ книги и даютъ направленіе пришедшей въ упадокъ письменности нашей. Письмо начинаетъ также отражать иноземное вліяніе; вмѣсто стараго начертанія появляется новая буква для звука *ы*, опять воскресъ забытый *юсъ* большой, русскія написанія, близко передававшія произношенія, смѣнились искусственными начертаніями, какъ мо*а*, сильна*а*, вмѣсто *моя*, *сильная*. Московскіе приказы, а въ XVIII вѣкѣ Петръ Великій скидываютъ наложенныя на русскій языкъ и русское письмо иноземныя цѣпи. Великій преобразователь коснулся самаго алфавита и, видоизмѣнивъ начертанія его буквъ, изгналъ изъ него надстрочные знаки, *омеги*, *кси*, *пси*, *зѣло*, а на время даже *ижицу*; возставая противъ мнѣнія, что о матеріяхъ важныхъ можно трактовать только на церковно-славянскомъ языкѣ, онъ требуетъ отъ переводчиковъ, чтобы они ни клали высокихъ словъ словенскихъ, а употребляли слова «Посольскаго Приказу»; возникшія, благодаря просвѣтительной дѣятельности Петра, школы и типографіи выдвинули вопросъ объ упорядоченіи правописанія, подведеніи его подъ тѣ или другія нормы; но при этомъ письмо, какъ и самая жизнь, попало при преемникахъ Петра Великаго, подъ иго искусственно созданной и мертвящей формы. Устроители правописанія XVIII вѣка, минуя всякія традиціи и живую

связь съ XVI и XVII столѣтіями, обращаются къ церковной славянщинѣ, какъ къ законодательному для языка источнику: эта славянщина не имѣла уже ничего общаго съ языкомъ Кирилла и Меѳодія, она отразила на себѣ не только сложный историческій процессъ, который неизбѣжно подчиняетъ себѣ и мертвый, книжный языкъ, но также и искусственную работу весьма неискусныхъ въ наукѣ о языкѣ грамотеевъ. Ломоносову стоило не мало усилій отстоять тѣ здравые орѳографическіе пріемы, которые изложены имъ въ его грамматикѣ, гдѣ онъ требовалъ, между прочимъ, чтобы правописаніе «не отходило далече отъ главныхъ россійскихъ діалектовъ» и «чтобы не удалялось много отъ чистаго выговору». Многое изъ ломоносовской орѳографіи отвергнуто и забыто, благодаря составителямъ школьныхъ грамматикъ XIX вѣка, типическимъ представителемъ которыхъ былъ Гречъ. Эти грамматики облекли русскій языкъ въ тотъ самый иноземный орѳографическій мундиръ, въ которомъ мы его застаемъ, правда, уже съ прорѣхами и заплатами».

«Глубоко убѣжденъ въ томъ, что коммиссія по вопросу о русскомъ правописаніи предложитъ такія новшества, въ которыхъ люди знающіе, дѣйствительно знакомые съ непрерывною нитью, соединяющею нашу письменность съ первыми начатками ея на Руси, усмотрятъ возвращеніе къ старинѣ; русскіе люди, чутко относящіеся къ родной рѣчи, поймутъ, что не искажена эта рѣчь, а освобождена отъ уродливыхъ наростовъ, путемъ письма проникающихъ и въ произношеніе».

Въ концѣ письма академикъ А. А. Шахматовъ выражалъ пожеланія, чтобы участіе русскаго общества въ дѣлѣ реформы правописанія или въ дѣлѣ борьбы съ нею приняло другія формы, нежели тѣ, къ которымъ прибѣгали нѣкоторыя лица, искренно желающія торжества здраво понятыхъ интересовъ русскаго общества. Онъ думалъ, что такое участіе можетъ быть достигнуто расширеніемъ состава Коммиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи путемъ вступленія въ нее еще новыхъ представителей школы и литературы. Ему было извѣстно, что въ составъ Коммиссіи вошло уже нѣсколько лицъ, заявившихъ кому слѣдуетъ о желаніи принять участіе въ трудахъ ея и тотчасъ же безъ затрудненій получившихъ приглашеніе.

Вопросы объ организаціи Комиссіи и объ отношеніи къ орѳографической реформѣ Академіи Наукъ, выясненные въ началѣ письма А. А. Шахматова, не должны бы занимать много нашего вниманія, если бы противники реформы, не находя для себя достаточныхъ основаній въ разборѣ существенныхъ сторонъ дѣла, не прибѣгали къ разнообразнымъ косвеннымъ источникамъ и доводамъ для того, чтобы какъ-нибудь, хоть и неособенно разбираясь въ средствахъ, уронить дѣло сторонниковъ реформы. Правда, что въ высшей степени благородный тонъ возраженій А. А. Шахматова мѣшаетъ почувствовать всю грубость критическихъ пріемовъ, обнаруженныхъ авторомъ статьи «Новаго Времени», но, знакомя съ настоящей—безпристрастной и безупречной—организаціей дѣла, въ изложеніи, чуждомъ полемическаго раздраженія и вражды къ литературнымъ противникамъ, статья академика Шахматова замѣчательна и по своей первой части, посвященной рѣшенію формальныхъ вопросовъ, заданныхъ г-мъ К. Л. М., особенно среди полемической литературы того времени, когда появилось множество статей, вызванныхъ не интересами

«дѣла и правды», а разными сторонними побужденіями, и отличающихся страстностью тона, рѣзкостью возраженій, пошлостью шутки и невѣжествомъ въ вопросахъ языка и правописанія. Но еще важнѣе и интереснѣе вторая часть статьи А. А. Шахматова, въ которой онъ высказываетъ свой взглядъ на существующую орѳографію и предполагаемую ея реформу. Въ чрезвычайно сжатомъ видѣ онъ даетъ ясную картину развитія всей нашей письменности, соединяя историческую точность съ замѣчательной живостью изображенія. Какъ въ замѣткахъ академика Соболевскаго мы видимъ ссылки на непреложные факты исторіи языка, такъ въ сужденіяхъ А. А. Шахматова мы находимъ основаніе для реформы орѳографіи во всей исторіи нашей письменности, въ которой имѣли мѣсто какъ ненормальныя, нездоровыя теченія и направленія, такъ и усилія сдвинуть письмо съ традиціоннаго неудобнаго пути на болѣе естественную дорогу, отвѣчающую даннымъ языка и потребностямъ своего времени.

Очень дѣльныя возраженія на статьи «Новаго Времени» далъ также «Отецъ» въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» (29 мая 1904 г., № 135), который писалъ:

«Самой страстной защитницей буквы *ѣ* слѣдуетъ признать газету «Новое Время». По общему смыслу многихъ статей «Новому Времени», дорого историческое значеніе *ѣ*, то что художники литературы, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и др., пользовались этой буквой и т. п. Нѣкоторыя статьи наводятъ даже на мысль: неужели Гоголь, Пушкинъ и др. не дали бы русской литературѣ своихъ твореній, если-бы буква ѣ не существовала? Что для насъ дорого въ писателяхъ: ихъ художественное изложеніе и мысль, или правописаніе, которому ихъ обучили»?..

«Г-нъ К. Л. М. предлагаетъ вопросъ «признаетъ ли общество, которое также имѣетъ голосъ въ дѣлахъ такого рода, эту [орѳографическую] комиссію достаточно компетентною для обезпеченія многочисленныхъ интересовъ публичнаго и частнаго характера, связанныхъ съ орѳографической реформой»? Ехидный вопросикъ! Къ какой части общества онъ обращенъ: къ той ли, которой жаль разстаться съ привычкой къ современному правописанію, или къ тѣмъ, кому это правописаніе стоитъ поперекъ горла? Послѣдніе не отвѣтятъ: это замученныя дѣти, ихъ родители, тратящіе послѣдніе гроши, желая дать образованіе дѣтямъ, инородцы, деревня и пр. Но сумѣютъ ли первые отвѣтить правильно на запросъ государственной важности? Сталкиваются два интереса: привычка и потребность».

«Я далекъ отъ того, чтобы не уважать привычки,—она есть то, что «Нов. Вр.» разумѣетъ подъ вывѣской традицій, художественности и т. п. Но почему не говорить прямо: я привыкъ; новое правописаніе будетъ рѣзать глаза; дорогое для меня чтеніе во многомъ потеряетъ свою прелесть и т. д. Но надо помнить, что комиссія должна отвѣтить на запросъ казанскаго и московскаго педагогическихъ обществъ и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Отвѣтъ комиссіи, слѣдовательно, касается *только учащихся*».

«Кому придетъ въ голову переучивать взрослыхъ? Да пишите, печатайте ѣ, въ свое полное удовольствіе! Г. Суворинъ, не справляясь съ исторіей, только на коммерческомъ разсчетѣ, завелъ отдѣлъ въ своей газетѣ безъ Ъ—мѣшаетъ ли ему кто-нибудь? Комиссія должна отвѣтить:

можно ли учащимся не изучать правилъ употребленія лишнихъ буквъ. Она отвѣтила: да! Перестанутъ учить букву ѣ,—будетъ она также безвредна, какъ *д* хвостикомъ внизъ и хвостикомъ вверхъ, а новая орфографія войдетъ въ силу постепенно, по мѣрѣ возможности учащихся. Циркуляръ по учебнымъ заведеніямъ и только! Многіе и не замѣтятъ его... Но чтобы понять, какое это будетъ благодѣяніе для учащихся, приведу слова другого защитника буквы Ѣ, г. Розанова, изъ маленькаго фельетона «Нов. Вр.», № 10105».

«Правописаніе и диктантъ дѣйствительно поглощаютъ почти все время преподаванія русскаго языка въ I, II, III и IV классахъ гимназіи. Это при четырехъ недѣльныхъ урокахъ! Ревизоръ, входящій на урокъ русскаго языка, приказываетъ прежде всего писать подъ его диктовку *„диктантъ“*. Вся ревизія въ этомъ и состоитъ. Грамматики не спрашиваютъ. О начитанности нѣтъ вопроса. Несчастный ревизоръ несчастнаго учителя знаетъ вполнѣ, что ученики ни грамматики не знаютъ, не знаютъ отличить сказки отъ пѣсни, принимаютъ и Пушкина и Лермонтова за *пѣсенниковъ* и, вообще, дикіе невѣжды въ русскомъ языкѣ и его словесности»... Въ концѣ концовъ ревизоръ «спрашиваетъ съ отчаяніемъ: да умѣютъ ли, по крайней мѣрѣ, ставить букву Ѣ! Буква Ѣ съѣла все время. Зная, въ чемъ состоитъ ревизія, учитель только и готовитъ *изъ буквы Ѣ*»...

«Г. Розановъ былъ двѣнадцать лѣтъ педагогомъ и, конечно, знаетъ гимназическіе порядки. Ему можно повѣрить. Но какова картина! Четыре года въ дѣтяхъ возраста наибольшей впечатлительности *систематически* развиваютъ отвращеніе къ *русскому языку*, т. е. къ такому предмету преподаванія, который долженъ ставить дѣтей въ самую крѣпкую связь со своей родиной. «И всѣ долбятъ: ревизоръ—учителя, учитель—учениковъ, ученики—учебникъ со скрежетомъ зубовъ, проклиная», говоритъ далѣе г. Розановъ».

«*Со скрежетомъ зубовъ, проклиная*. Вѣдь это кровавыя слова,—это адъ! Можно ли найти злѣйшаго врага для Россіи, какъ предметъ *русскаго языка*. Онъ, какъ ржавчина, проѣдаетъ связь дѣтей съ родиной и неудивительно, что школа для нихъ не счастливое дѣтское воспоминаніе, а тяжелый кошмаръ, который они стряхиваютъ съ себя по окончаніи курса, сжигая учебники съ озлобленіемъ».

«Г. Розановъ полагаетъ, что дѣло можно поправить, измѣнивъ методъ преподаванія. Онъ говоритъ, что запомнить 1000 правилъ и быстро примѣнять ихъ невозможно, и предлагаетъ обучаться правописанію «такъ-же непосредственно, легко, *само собой*, какъ младенецъ выучивается сперва говору, а затѣмъ отъ старшихъ и чтенію». Такъ думаютъ многіе... у кого есть средства пользоваться такимъ методомъ. А дѣти малограмотныхъ родителей, или инородцевъ? Да и легко совѣтовать, но не легко выполнить совѣтъ при всякой семейной обстановкѣ. Далѣе г. Розановъ совѣтуетъ однимъ чтеніемъ безъ грамматики пріобрѣтать навыкъ къ правописанію. Пристрѣляться къ нему, другими словами! Но вѣдь пристрѣливаться надо къ сроку, къ экзамену! А не успѣлъ?.. Родители въ отчаяніи, ребенокъ въ слезахъ, въ семьѣ цѣлая драма, часто отвратительнаго свойства; особенно, если семья въ окончаніи курса образованія видитъ единственный исходъ изъ бѣдственнаго положенія».

«Нѣтъ-съ, учиться на *авось* нельзя! Одному удастся,—десяти—не удастся... И не лѣнтяямъ и тупицамъ, а тѣмъ, кто во время другихъ уроковъ не читаетъ постороннихъ книгъ втихомолку отъ учителя. Грамматика необходима, но еще необходимѣе вычеркнуть изъ нея все ненужное и упростить ее. Тогда и методъ г. Розанова примѣнимъ, и онъ будетъ не томителенъ, а внесетъ жизнь въ уроки русскаго языка. Пусть учитель прочтетъ хорошій образецъ литературы, (ихъ много), предложитъ прочесть вслухъ то же самое ученикамъ, поправляя выразительность чтенія; пусть онъ разъяснитъ мысль автора, укажетъ красоту его рѣчи; затѣмъ пусть ученики изложатъ прочитанное устно, письменно. На ошибки и недостатки не слѣдуетъ смотрѣть строго; напротивъ: если обсуждать ошибки вмѣстѣ съ учениками, *не карая за нихъ*, то это и будетъ живое обученіе и правила грамматики (само собой упрощенной) усвоятся легко. Урокъ русскаго языка долженъ быть не только не утомительнымъ, а отдыхомъ среди другихъ уроковъ. И онъ будетъ такимъ, если его держать въ постоянной связи съ художественной литературой. Надо возбудить въ ученикахъ интересъ къ русскому языку, развить въ нихъ пониманіе прекраснаго и пусть правописаніе не тормазитъ ихъ умственное развитіе, а письменное изложеніе своей рѣчи будетъ для нихъ соревнованіемъ между собой. Можно быть увѣреннымъ, что первые четыре года дадутъ столько, что уже строгость требованій въ послѣднихъ классахъ не будетъ обременительна и кончившій среднюю школу не останется безграмотнымъ»...

«Все это не мечты, а вполнѣ осуществимо, если только комиссіи удастся избавить русскій языкъ отъ тѣхъ тормазовъ, которые не даютъ ни времени, ни возможности дѣтямъ изучать въ этомъ предметѣ *то существенное и дорогое*, которое одно только и можетъ поставить ихъ въ историческую связь съ родиной»...

Въ числѣ возраженій противъ упрощенія правописанія всегда выдвигалось одно, которому противники реформы придавали большое значеніе. Говорили, что измѣнять правописаніе—значитъ измѣнять самый языкъ, чего, конечно, никто не имѣетъ права дѣлать.

Эти философскія предубѣжденія противъ реформы русскаго правописанія основательно опровергалъ дѣятельный и талантливый защитникъ орѳографической реформы, приватъ-доцентъ Московскаго университета П. Н. Сакулинъ въ статьѣ: «Языкъ и правописаніе», напечатанной въ газетѣ «Русь» (1904 г., № 129).

«Среди доводовъ,—писалъ г. Сакулинъ,—которыми обыкновенно пользуются противники орѳографической реформы, есть одинъ принципіальный аргументъ, которому многіе, очевидно, придаютъ значеніе строго-научнаго закона, импонирующаго на читателя своей загадочной глубиной. Проектируемое измѣненіе правописанія, говорятъ, есть незаконное посягательство на самый языкъ. Г. Павловъ («Русь», № 113) горячо возмущается попыткой наложить дерзновенную руку на отечественный языкъ и его алфавитъ, на все, «что въ нихъ взялось *само собою*, образовалось органически и держится, повинуясь духу самого языка, строящагося творчествомъ народа, а не вершится по командѣ какихъ бы то ни было верховниковъ, повинуясь лишь казенной субординаціи». Точно такъ же и г. Борей («Нов. Время», № 10099) по поводу работъ академи-

ческой комиссіи апеллируетъ къ тѣни Тургенева, который «завѣщалъ намъ беречь великій, богатый русскій языкъ», и въ заключеніе своей замѣтки высказываетъ убѣжденіе, что орѳографическія новшества комиссіи не привьются, такъ какъ «языкъ и литература имѣютъ свои законы, и ученые не могутъ измѣнить въ нихъ ни одной іоты».

«Гг. Павловъ и Борей могли бы найти себѣ поддержку въ профессорахъ А. С. Будиловичѣ («О московскомъ проектѣ упрощенія правописанія», Юрьевъ, 1902) и А. И. Томсонѣ («Къ теоріи правописанія», Одесса, 1903). Подчеркивая связь правописанія съ языкомъ народа и всей его исторіей, они также отрицаютъ право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь правописанія, которое является «продуктомъ дѣйствія разнообразныхъ факторовъ», непроизвольныхъ измѣненій, вносившихся многими лицами и «подъ вліяніемъ множества психическихъ условій, которыя никогда не удастся установить полностью (проф. Томсонъ, стр. 4). По мнѣнію проф. Будиловича, «законныя измѣненія въ области нашего образованнаго *языка* и установившагося въ немъ вѣками *правописанія*» могутъ производиться только «живымъ примѣромъ образцовыхъ *писателей*, *незамѣтно* пролагающихъ новые пути въ образованной рѣчи и постепенно подчиняющихъ своему вліянію какъ общество, такъ и школу» (28). Всякія же иныя непрошенныя реформы причиняютъ лишь явный ущербъ достоинствамъ языка».

«Мы вполнѣ уважаемъ тотъ внутренній мотивъ, который заставляетъ всѣхъ названныхъ лицъ выступать на защиту родного языка, но полагаемъ, что разсматриваемое нами возраженіе въ значительной степени основано на неточномъ употребленіи понятій «языкъ» и «правописаніе», доходящемъ почти до полнаго отождествленія этихъ явленій».

«Въ дѣйствительности же языкъ и письмо существенно отличаются другъ отъ друга какъ по природѣ своей, такъ и по историческимъ судьбамъ».

«Процессъ развитія языка до сихъ поръ заключаетъ въ себѣ много таинственнаго, не поддающагося анализу точной науки. Правда, и теперь уже мы можемъ указать нѣкоторые факторы, вліяющіе на жизнь языка (см., наприм., изслѣдованіе Вундта—W. Wundt, «Völkerpsychologie», B. I или книгу Пауля—H. Paul, «Principien der Sprachgeschichte»), но наши знанія въ этой области все еще весьма неполны, и многое мы должны приписывать дѣйствію безсознательныхъ психическихъ актовъ».

«Роль сознательныхъ и преднамѣренныхъ стремленій, которыя временами обнаруживали и наши писатели, является ничтожной сравнительно съ коллективной работой всей массы говорящихъ. Usus языка измѣняется путемъ медленныхъ, невольныхъ и безсознательныхъ перемѣнъ, вносимыхъ въ рѣчь говорящими. Творчеству писателей, разумѣется, въ этомъ процессѣ принадлежитъ наиболѣе почетное мѣсто. Исходя изъ свойствъ языка, мы и сами готовы признать преступнымъ и невѣжественнымъ посягательство на свободный ростъ языка, одного изъ основныхъ признаковъ народности».

«Иначе обстоитъ дѣло съ письмомъ, съ правописаніемъ. Не отрицая извѣстной аналогіи въ исторіи языка и письма, мы, однако, особенно должны отмѣтить существованіе важныхъ отличій, которыя имѣютъ рѣ-

шающее значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Исторія правописанія съ давнихъ поръ знаетъ активное вмѣшательство руки человѣческой. Измѣненія въ орѳографіи, справедливо говоритъ Пауль (330), гораздо болѣе сознательны и преднамѣренны, гораздо больше обязаны отдѣльнымъ личностямъ, чѣмъ измѣненія въ языкѣ, и обыкновенно происходятъ не съ медленной постепенностью, а скачками (sprungweise). Если мы не можемъ и представить себѣ крутой революціи въ жизни языка, то въ области письма это не разъ наблюдается въ исторіи народовъ, и мы не составляемъ въ этомъ случаѣ никакого исключенія. Сохраняя за писателями преимущественное право выработки литературнаго языка, по отношенію къ правописанію мы должны признать компетенцію также спеціалистовъ по языкознанію и педагоговъ. Какъ разъ въ противоположность языку, орѳографія можетъ и даже должна быть предметомъ планомѣрныхъ реформъ со стороны свѣдущихъ людей. Чѣмъ образованнѣе общество, чѣмъ болѣе среди него распространены теоретическія знанія о языкѣ и письмѣ, тѣмъ сознательнѣе относится оно къ своей орѳографіи и тѣмъ сильнѣе въ необходимыхъ случаяхъ чувствуетъ потребность въ измѣненіи принятой системы правописанія. Письмо по самой своей природѣ отличается бо́льшей косностью, чѣмъ языкъ, и неизбѣжно отстаетъ отъ него. Это обстоятельство дѣлаетъ вполнѣ законнымъ періодическій пересмотръ правописанія съ цѣлью устраненія накопившихся историческихъ переживаній, завѣщанныхъ орѳографическою традиціей, но не оправдываемыхъ явленіями современнаго живого языка, его *фонетическимъ* и *этимологическимъ* строемъ. Считая пока преждевременнымъ говорить о проектѣ, вырабатываемомъ подкомиссіей при академіи наукъ, можемъ сказать только одно, что этотъ проектъ не предлагаетъ свободно-фонетическаго письма (какъ сообщалось въ нѣкоторыхъ газетахъ) и не игнорируетъ морфологическихъ основъ нашей орѳографіи, а стремится лишь къ приведенію нашего правописанія въ надлежащее соотвѣтствіе съ живыми фактами современнаго языка».

«Совершенно справедливо замѣчаніе, напр., проф. Будиловича, что правописаніе, какъ и языкъ, насквозь пропитано исторіей и отражаетъ все прошлое народа. Если такъ, то почему же мы хотимъ поставить въ особенно невыгодное положеніе нашъ историческій моментъ? Почему онъ не въ правѣ наложить своего отпечатка на орѳографію, введя въ нее то, что создано самимъ языкомъ и что характеризуетъ его современное состояніе? Никакихъ принципіальныхъ основаній для этого нѣтъ».

«Но, можетъ быть, преобразованіе орѳографіи неминуемо отразится и при томъ съ невыгодной стороны на жизни самого языка, на его свойствахъ? Это опасеніе играетъ не послѣднюю роль въ соображеніяхъ противниковъ орѳографической реформы. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они, конечно, могли бы сослаться на то, что малограмотные учащіеся, «цивилизованные» простолюдины, а также и вообще люди съ жеманно-книжнымъ произношеніемъ стараются точнѣе воспроизвести начертаніе словъ, выговаривая, какъ напечатано: «ея», «что» и т. д. Всѣ подобные случаи мало убѣдительны и скорѣе доказываютъ желательность такой реформы правописанія, которая сгладила бы различіе между живой рѣчью и письмомъ и тѣмъ самымъ положила бы границы

дальнѣйшему искаженію языка. Вообще же говоря, жизнь языка идетъ своимъ путемъ, безъ рабской зависимости отъ письма: языкъ—сильнѣе письма и вырабатывается главнымъ образомъ въ процессѣ живого употребленія при взаимномъ вліяніи говорящихъ другъ на друга. (H. Paul, 31. Ср. о характерѣ нашего чтенія въ книгѣ Эрдманна и Доджа «Psychologische Untersuchungen über das Lesen auf experimenteller Grundlage»). Вотъ почему, не смотря на вѣковое существованіе книжныхъ написаній: «ея», «синяго», «гнаться»,—живой литературный языкъ до сихъ поръ остается при своемъ произношеніи этихъ формъ».

«Если же ореографическая реформа не только не вступаетъ въ антагонизмъ съ живою литературною рѣчью, а напротивъ, беретъ послѣднюю за норму, то при этихъ условіяхъ положительно странно бояться за чистоту русскаго языка».

«Итакъ, было бы ошибочно относительно правописанія говорить въ томъ же тонѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и объ языкѣ: у правописанія есть своя сфера хотя и смежная съ языкомъ, но самостоятельная; ея порядки вполнѣ подлежатъ сознательному воздѣйствію компетентныхъ людей, и реформа, какъ она намѣчается въ академической комиссіи, очевидно нисколько не угрожаетъ высокимъ достоинствамъ русскаго литературнаго языка, этого нерукотворнаго памятника нашей культурной исторіи».

Изъ публицистовъ, въ числѣ многихъ другихъ, горячимъ защитникомъ новаго правописанія явился Н. А. Демчинскій. Полемическія статьи его печатались въ газетѣ «Русь»; при этомъ послѣднія статьи г. Демчинскаго напечатаны безъ буквы *ѣ*. Онъ разсматривалъ ореографію главнымъ образомъ съ учебной и житейской точки зрѣнія, и въ мертвыхъ буквахъ русской азбуки не видѣлъ священныхъ реликвій, за которыя надо биться до послѣдней капли крови. Возражая на статью Н. М. Павлова, напечатанную въ 115-мъ номерѣ «Руси», Н. А. Демчинскій писалъ: «Г. Павловъ возстаетъ противъ реформы нашей азбуки, выражающейся въ уничтоженіи трехъ буквъ: *ѣ*, *ъ* и *ѣ* [1]). Онъ хочетъ доказать, что всякая буква составляетъ какъ бы элементъ исторіи языка, а этимъ элементомъ нужно особенно дорожить. Буква *ѣ*, по его мнѣнію, это «замиреніе Москвою (нарѣчіемъ московскимъ) двухъ говоровъ, нѣчто среднее между *і* и *я*».—Пусть такъ. Но зачѣмъ школьнику ставить единицы за то, что онъ не знаетъ, гдѣ нужно помирить *і* съ *я*? Зачѣмъ создавать лишній порогъ, на которомъ теряются годы юношеской жизни, ибо изъ-за этой самой буквы, вѣроятно, добрая тысяча учениковъ ежегодно остается въ классѣ на второй годъ... Изученіе писанія *ѣ* въ школѣ ровно ничѣмъ не связывается съ исторіей (языка)... Если утверждать противное, то въ число первыхъ преступниковъ, посягнувшихъ на нашъ языкъ, слѣдуетъ зачислить Пушкина и частію, какъ его предшественника,—Карамзина. Этотъ вольнодумецъ Пушкинъ совсѣмъ изуродовалъ русскую рѣчь, придавъ ей, съ точки зрѣнія старины, такую фривольность, вслѣдствіе которой сразу стали мертвыми сотни словъ

[1]) Г. Павловъ, какъ и многіе другіе противники реформы, имѣлъ довольно фантастическія представленія о томъ, въ чемъ она состоитъ; и о языкѣ судилъ не столько основательно, сколько чрезвычайно своеобразно.

(уже не буквъ!), которыя составляли до него необходимую принадлежность *языка*... Куда дѣвались всѣ «понеже», «поелику», «потолику» и т. п. слова, безъ которыхъ, до Пушкина, нельзя было шагу ступить»...

«Языкъ, какъ и весь народный обиходъ, измѣняется во времени, и чѣмъ чаще (напр., разъ въ сто лѣтъ) происходитъ пересмотръ и согласованіе правилъ правописанія съ измѣнененіями, внесенными жизнью, тѣмъ совершеннѣе будетъ языкъ. Наше правописаніе—самое легкое изъ всѣхъ европейскихъ только потому, что языкъ нашъ реформированъ сравнительно недавно... Мы стали писать и говорить совсѣмъ будто бы по новому, къ выгодѣ для самого языка и въ особенности правописанія»...

«Всѣ европейскіе языки въ этомъ отношеніи грѣшатъ въ большей или меньшей степени и объ реформѣ языка говорятъ уже всѣ государства... Какъ предѣлъ уродованія написаннаго при чтеніи, можно указать на слово Психея, которое по-англійски пишется точка въ точку, какъ и по-французски, т. е. «псише», но англичанинъ умудряется читать это слово «сайки»! Какъ изъ «псише» получить «сайки» — это пусть растолкуютъ историки языка, но каково положеніе пишущаго подъ диктовку или записывающаго стенографа, если онъ впервые слышитъ слово «сайки», а долженъ писать «псише»...

И въ исторіи, какъ и во всемъ житейскомъ, нужна здоровая критика, а не спортъ, нужно умѣть отличить важное отъ второстепеннаго... Уроки исторіи не просто полезная наука, а необходимая для всякаго, желающаго знать *душу* того народа, къ которому онъ принадлежитъ, ея первоначальный обликъ, всѣ послѣдующія модификаціи ея. Но все это необходимо знать не затѣмъ, чтобы кричать: «оставьте намъ розгу, неразлучную спутницу нашей исторіи въ теченіе всего тысячелѣтія» или требовать во имя той же исторіи зипунъ или поддевку вмѣсто пиджака. Это будетъ насилованіе исторіи, злоупотребленіе ея именемъ. Совершенно такъ же не кстати пришита исторія и къ буквѣ *ѣ*... Теперь она (*ѣ*) намъ дѣлаетъ непріятности въ школѣ, въ типографіи, въ обыденной жизни и мы ее выбрасываемъ изъ нашего обихода, какъ выбросили уже ѳиту и ижицу. При чемъ тутъ историческія основы?.. Во всѣхъ проявленіяхъ жизни мы движемся къ осмысленно интенсивному труду, а потому всякая расточительность въ этомъ смыслѣ должна быть изгоняема. Изъ 36 буквъ нашей азбуки сама жизнь, что называется, выжила двѣ буквы; теперь является стремленіе изъять еще три, что составитъ въ общемъ 13% сокращенія въ работѣ, производимой вполнѣ безполезно»...

Для неупорядоченнаго правописанія французовъ или англичанъ, по мнѣнію автора, только «не хватаетъ рѣшимости разрубить этотъ Гордіевъ узелъ, какъ дѣлаютъ напримѣръ нѣмцы. Англичанинъ никакъ не можетъ разстаться съ футомъ и дюймомъ, мы—съ золотниками и вершками, а нѣмцы, однимъ постановленіемъ, меньше чѣмъ въ годъ ввели у себя метрическія мѣры, забывъ все старое. Ради удобства жизни, они заставили и солнце восходить во всей Германіи въ одинъ моментъ, установивъ новое, средне-германское время. И астрономы ихъ не вопіютъ къ наукѣ, будто бы посрамленной такимъ постановленіемъ»...

Относительно ссылокъ охранителей старой орѳографіи на исторію, г. Демчинскій писалъ и потомъ («Русь» 1904 г., № 128):

«Языкъ народа меняется чуть не каждое столетіе, въ особенности языкъ разговорный; въ вечной эволюціи народовъ, ихъ обычаевъ, ихъ письменности и есть то, что мы называемъ ростомъ народа. Почти въ каждомъ десятилетіи, можно отметить сначала робкія нападки на какой-нибудь обычай или укоренившееся воззреніе прошлаго десятилетія, а затемъ и общій противу нихъ походъ. Можно смело утверждать, что многое изъ того, что было «незыблемой основой» веры, гражданственности или права четверть века назадъ, теперь намъ кажется или порочнымъ или суевериемъ или, наконецъ, просто смешнымъ»...

«Почему вы, взывающіе къ предкамъ, едите весь великій постъ и даже страстную неделю мясо, тогда какъ не только наши деды, но даже отцы признавали это великимъ грехомъ, что признаетъ и по днесь весь православный клиръ. Ведь въ пользу мяса говорятъ только утилитарныя соображенія, а предки-то несомненно сконфужены».

«Какъ вы смеете, наконецъ, протестовать противъ земскаго начальника, если онъ есть лишь немного реформированный земскій исправникъ прошлаго и позапрошлаго столетія и почти что земскій староста предыдущихъ вековъ? Двойственная ихъ подчиненность есть наша историческая основа, которая однако легко отвергается нами въ силу того же народнаго роста»...

«Если ужъ быть логичнымъ, то при разсужденіи объ «основахъ» следуетъ настаивать на возвращеніи къ кириллице, по которой писала и говорила Русь восемь вековъ; девятый и частію десятый векъ своего существованія она говорили на смешанномъ языке, переходномъ отъ кириллицы къ «гражданке» и всего лишь полвека съ небольшимъ говоритъ на совершенно новомъ языке, *по-русски*. Еще и въ настоящее время чистый русскій языкъ не получилъ полнаго признанія, такъ какъ все оффиціальные акты не признаютъ «новыхъ вольностей», т. е. чисто русской речи, а покоятся частію на кириллице; чемъ торжественнее актъ, темъ больше тамъ «поелику», «сіе» и прочихъ украшеній прошлыхъ вековъ»...

«Во всей этой буре въ стакане воды грустно не то, что вода взбудоражена, а отсутствіе общественной иниціативы даже и въ такомъ пустяке. Невольно приходится задать вопросъ, что бы завопили охранители «основъ» и «могилъ предковъ», если бы они жили въ то время, когда отменялась кириллица? Ведь тутъ была поставлена на карту сразу вся азбука, все письмена, весь говоръ! А между темъ теперь мы говоримъ, что именно эта замена дала намъ русскій языкъ; ей, и только ей, мы обязаны тому, что могъ появиться на светъ языкъ Пушкина, языкъ Тургенева».

Известный литераторъ А. А. Измайловъ съ большимъ сочувствіемъ къ реформе писалъ въ фельетоне «Драма въ грамматике», напечатанномъ въ «Биржевыхъ Ведомостяхъ» (1904 г., № 192). Эпиграфомъ для статьи были взяты известныя слова изъ Чехова: «Будь я министромъ, запретилъ бы я вашему брату ятемъ людей морочить». У автора остались непріятныя воспоминанія и отъ старыхъ педагоговъ, считавшихъ *ять* своей незыблемой твердыней, и отъ затверживанія несвязныхъ словъ въ роде «снѣгъ, Рогнѣда, печенѣгъ», и отъ переписыванія невѣрно написанныхъ словъ по 40 разъ. Передавши въ живой форме эти воспоминанія, онъ высказывалъ надежду, что обученіе безъ *яти*, быть

можетъ, дѣло близкое къ осуществленію, и слѣдующія поколѣнія будутъ имѣть хоть однимъ предразсудкомъ меньше.

На сторонѣ реформаторовъ правописанія оказался и ветеранъ русской критики А. М. Скабичевскій, помѣстившій въ «Новостяхъ» (1904 г. 28 мая, № 145) большой фельетонъ объ изгнаніи изъ алфавита лишнихъ буквъ. По его мнѣнію, противники орѳографической реформы уподобляются дряхлому старичку, который не хочетъ ѣхать въ новую, чистую квартиру изъ загрязнѣнной и закоптѣлой старой. Онъ отговаривается разными мелкими неудобствами новаго помѣщенія, а на самомъ дѣлѣ онъ просто привыкъ къ старой квартирѣ, приросъ къ ней, какъ моллюскъ къ раковинѣ. Такъ и противники реформы.

«Всѣ ихъ возраженія, начиная съ разныхъ филологическихъ тонкостей и кончая ссылками на авторитетъ западныхъ народовъ и воззваніями къ памяти великихъ писателей, приводятся только для отвода души. На самомъ-же дѣлѣ, если бы господа противники реформы сознали суть своихъ протестовъ противъ нововведеній, они оставили-бы въ сторонѣ всѣ свои теоретическія натяжки, а обратились-бы къ своимъ противникамъ съ такою рѣчью:

— Пусть вы и правы въ томъ отношеніи, что «ять» ничѣмъ не отличается отъ «е», что «ъ» никому не нуженъ, но мы привыкли видѣть ихъ на своихъ мѣстахъ и намъ претитъ отсутствіе ихъ, все равно, какъ сколько-бы ни ратовали противъ корсетовъ, галстуховъ, крахмальнаго бѣлья, фраковъ, а все это носится и долго будетъ носиться, потому что всѣ къ этому привыкли, потому что такъ принято, потому что «обычай деспотъ межъ людей». Попробуйте явиться на свѣтскій балъ въ затрапезкѣ безъ корсета или въ пиджакѣ, подъ которымъ будетъ красоваться расшитая шелками красная косоворотка,—васъ осмѣютъ, если только допустятъ въ залъ, и вамъ самимъ будетъ крайне неловко».

По мнѣнію покойнаго писателя, письмо безъ лишнихъ буквъ со временемъ само собою можетъ прививаться въ нашемъ обществѣ. Многіе, напримѣръ, пишутъ безъ «еровъ», и такъ къ этому привыкли, что имъ уже трудно написать дѣловую бумагу, въ которой нужно писать по принятой орѳографіи. На «ять» еще никто не покушается, не достаетъ смѣлости, но когда начнутъ писать безъ «ятей», то и къ этому также привыкнутъ.

Изъ извѣстныхъ петербургскихъ педагоговъ, какъ сторонникъ реформы, высказался Ѳ. А. Витбергъ, преподаватель нѣсколькихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и предсѣдатель союза ревнителей русскаго слова. Сотрудникъ «Руси», г. Шебуевъ, напечаталъ отчетъ о бесѣдѣ съ нимъ въ 121 номерѣ названной газеты (1904 г., 14 апрѣля). Ѳ. А. Витбергъ говорилъ какъ человѣкъ горячо убѣжденный въ необходимости и благотворности для школы упрощенія русскаго правописанія. На вопросъ: какіе главные недостатки русскаго правописанія?—г. Витбергъ отвѣчалъ:—«Неусвояемость правописанія русскими (нѣмецъ скорѣе пойметъ и лучше усвоитъ, а это ли не лучшее доказательство искусственности, выдуманности его). Затѣмъ невозможность объяснить ребенку, почему должно ставить «ѣ». Если онъ напишетъ «барада», ему можно сказать «бѣроды», «бородъ»... А въ наукѣ мы должны избѣгать необъяснимаго... и долбежки... Защитники «яти» боятся, что утратится этимологическая

связь со славянскимъ языкомъ. Но эта связь нужна только для ученыхъ филологовъ, пусть они и изучаютъ, что въ такихъ-то словахъ ставилась раньше «ѣ»... А для обихода не нужна эта связь со славянскимъ; славянскій языкъ—мертвый, а русскій—живой. Связь мертваго съ живымъ мѣшаетъ развитію послѣдняго. И мы стремимся разрушить эту связь. Въ вашей газетѣ была статья профессора Павлова; онъ обвиняетъ насъ въ посягательствѣ на кириллицу. Это совершенно напрасно. Славянскаго языка мы вовсе не трогаемъ, онъ священенъ, потому ужъ, что на немъ написаны священныя книги. Мы трогаемъ только гражданское правописаніе, потому что въ немъ со временъ Петра и до сихъ поръ совершается процессъ эволюціи».

Относительно способа проведенія новой орѳографіи въ практику жизни г. Витбергъ выразилъ увѣренность, что проектъ академической комиссіи будетъ настолько убѣдительнымъ и авторитетнымъ, что едва ли онъ встрѣтитъ гдѣ нибудь какія-либо препятствія. Какъ только въ школахъ начнутъ обучать упрощенной грамотѣ, то она мало-по-малу войдетъ въ книгу, въ газету, въ жизнь. Разумѣется, что тѣмъ, которые уже научились пользоваться старой орѳографіей, переучиваться совсѣмъ не надо.

Прекрасный знатокъ русской школы, оказавшій ей большія услуги своими книгами для изученія родного языка, извѣстный всей Россіи московской педагогъ Д. И. Тихомировъ заявилъ себя тоже какъ безусловный сторонникъ упрощенія русскаго правописанія. Представитель газеты «Русское Слово» въ номерѣ 134-мъ (14 мая 1904 года) передаетъ свою бесѣду съ нимъ по орѳографическому вопросу, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ. Недостатки нашей орѳографіи Д. И. Тихомировъ объясняетъ тѣмъ, что реформа азбука, произведенная при Петрѣ В., совершена слишкомъ быстро и недокончена. Поэтому и теперь живутъ лишнія буквы алфавита *ѳ*, *ѳ*, *ѵ*, *ъ*. Д. И. Тихомировъ, будучи рѣшительнымъ сторонникомъ реформы, думаетъ, что громадное большинство педагоговъ стоитъ на ея сторонѣ. «Практическая выгода ея очевидна», говоритъ онъ, «объ этомъ говорить не приходится». Упрощенная орѳографія, кромѣ того, будетъ доступнѣе иностранцамъ, а у насъ въ школѣ останется лишнее время на изученіе отечественной литературы.—Хотя и при Петрѣ реформа принималась не сразу, но она побѣдила потому, что въ основѣ ея было упрощеніе. Реформа нашего времени, по замѣчанію Д. И. Тихомирова, безконечно проще, чѣмъ реформа Петра, ее легче усвоить, и онъ глубоко убѣжденъ, что она будетъ усвоена нашимъ обществомъ, несмотря на то, что теперь у ней есть не мало противниковъ. Въ правописаніи Грота, которое привилось той именно частью, которая упрощала письмо, Д. И. Тихомировъ не находитъ системы. Проектъ московскаго педагогическаго общества онъ считаетъ гораздо болѣе обоснованнымъ. «Конечно», говоритъ онъ, «сразу реформа не привьется и наше поколѣніе останется при прежней орѳографіи. Разучиваться писать букву *ѳ* для насъ будетъ невозможно, но разъ въ школахъ будетъ принята новая орѳографія, то молодежь внесетъ въ литературу и въ журналистику тѣ взгляды, какіе будутъ привиты школой». Также постепенно новое письмо войдетъ въ книги и газеты. Теперь «все дѣло только въ привычкѣ глаза, а при тепереш-

немъ развитіи литературы, если журналисты отнесутся къ реформѣ благожелательно, эту привычку читателямъ удастся привить очень легко. Я лично,—говорилъ г. Тихомировъ,—можетъ быть, никогда не отвыкну писать безъ буквы *ъ*, но отъ души буду радоваться моимъ ученикамъ, когда имъ не придется тратить времени на запоминаніе цѣлыхъ десятковъ словъ съ этой ненужной буквой».

Лѣтомъ 1912 года вышли окончательныя «Постановленія орѳографической подкомиссіи», содержащія, какъ и «Предварительное сообщеніе» той же Подкомиссіи, проектъ вновь предлагаемыхъ правилъ правописанія съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ научныхъ основаній, которыми члены Подкомиссіи руководствовались при составленіи этихъ правилъ. Опуская эту подробную мотивировку новыхъ орѳографическихъ положеній, приведемъ здѣсь одни только предлагаемыя Подкомиссіею правила и общія основанія, которыя она ставила себѣ въ руководство при своей работѣ. Въ данныхъ правилахъ мы увидимъ почти полное совпаденіе съ тѣми, которыя были предложены въ «Предварительномъ сообщеніи» (см. страницы 68, 69, 70). Причину этого нужно видѣть въ той тщательности, съ которой выработано первое «Предварительное сообщеніе», также и въ томъ, что составители проектовъ упрощеннаго правописанія имѣютъ дѣло не съ произвольными желаніями и вкусами пишущихъ или учащихъ письму, но съ матеріаломъ строго опредѣленнымъ, дознаннымъ точными, ясно формулированными научными изслѣдованіями.

«Постановленія» начинаются съ краткой, уже отчасти извѣстной намъ, исторіи Комиссіи и Подкомиссіи. Мы передадимъ отсюда то, что намъ еще не было извѣстно.

«Въ маѣ 1904 года подкомиссія опубликовала «Предварительное сообщеніе» съ изложеніемъ нѣкоторыхъ своихъ предположеній. «Предварительное сообщеніе» вызвало цѣлый рядъ замѣчаній, возраженій, пожеланій, которыя и были разсмотрѣны подкомиссіей въ декабрѣ 1904 года».

«Тѣмъ не менѣе своевременное обнародованіе рѣшеній подкомиссіи было надолго задержано событіями общественно-политической жизни, и только въ декабрѣ 1910 года подкомиссія снова приступила къ пересмотру своихъ предположеній и къ окончательной формулировкѣ постановленій, при чемъ были приняты во вниманіе и всѣ замѣчанія, доставленныя подкомиссіи съ конца декабря 1904 г.».

Затѣмъ Подкомиссія излагаетъ результаты своей работы.

I. «По вопросу о томъ, которое изъ начертаній для звука «і» оставить, подкомиссія предположила исключить букву *і*».

II. «Считаясь съ исключеніемъ буквы *ъ*, «твердаго знака», подкомиссія должна была обсудить вопросъ объ отдѣлительномъ знакѣ въ случаяхъ, подобныхъ *объявлять*, *объемъ*, *подъемъ*, *подъѣхать*, *съѣсть изъятый* и т. п. Сдѣланное въ нѣкоторыхъ проектахъ предложеніе о замѣнѣ *ъ* въ такомъ положеніи соединительнымъ знакомъ - (*об-являть*, *с-есть*) подкомиссія отвергла, такъ какъ этотъ знакъ имѣетъ въ нашемъ правописаніи особое значеніе, и кромѣ того употребленіе его излишне замедляло бы самый процессъ писанія. Введеніе же съ этой цѣлью

знака апострофа (’), напр., *об’являть*, *об’ем*, *под’ехать*, *с’есть*, вызвало бы еще большее затрудненіе при письмѣ».

«Точно такъ же подкомиссія не признала возможнымъ ввести въ такихъ случаяхъ въ качествѣ отдѣлительнаго знака *ь*. Хотя *ь* не въ концѣ приставокъ и играетъ эту роль въ нашемъ письмѣ передъ *я*, *ю*, *е* или *ъ*, *и*, не только послѣ согласныхъ всегда мягкихъ или сохраняющихъ большую или меньшую степень мягкости въ этомъ положеніи, но и послѣ всегда твердыхъ *ш*, *ж* (*шью*, *ружью*, *мышью*), однако употребленіе его въ такихъ случаяхъ оправдывается этимологіей (сравн. *шей*, *ружей*, *мышей*). Что же касается употребленія буквы *ь* въ томъ же значеніи въ концѣ приставокъ, то оно съ одной стороны не согласовалось бы съ господствующимъ въ литературномъ нарѣчіи твердымъ произношеніемъ согласныхъ въ значительной части такихъ случаевъ, а съ другой—не имѣло бы и этимологическаго основанія *(подъезд—подойти*, *предъявлять—предоставить*, *объем—обобрать*, *съемка—сойтись)*. Такимъ образомъ, хотя комиссія и устранила букву *ъ*, какъ «твердый знакъ», однако подкомиссія въ виду указанныхъ соображеній предположила сохранить ее въ концѣ приставокъ въ значеніи знака отдѣлительнаго».

III. «Слѣдствіемъ исключенія буквы *ъ* въ концѣ словъ является возможность не писать *ь* въ положеніи за конечной твердой согласной, а именно за *ж* и *ш*, гдѣ *ь* пишется теперь (по требованію этимологіи) только въ силу того общаго правила, что конечная согласная въ словѣ должна сопровождаться въ письмѣ твердымъ или мягкимъ знакомъ. При сохраненіи вообще для *ь* значенія: 1) знака мягкости согласныхъ и 2) знака отдѣлительнаго не въ концѣ приставокъ (см. § II), подкомиссія неизбѣжно должна была признать излишнимъ написаніе этой буквы въ концѣ словъ за *ж* и *ш*, которыя въ господствующемъ произношеніи всегда тверды, напр., въ имен. и вин. пад. ед. ч. словъ женскаго рода (рож, плеш), во 2 л. ед. ч. наст. и будущ. вр. (ходиш, даш), въ окончаніи нарѣчій и союзовъ (лиш, сплош, настеж)».

IV. «Имѣя въ виду, что звуки *ч*, *щ* въ господствующемъ произношеніи всегда мягки, и что мягкость эта по существующему правописанію не выражается буквой *ь* въ серединѣ словъ (*безупречный*, *овечка*, *мощный*), подкомиссія предположила не писать *ь* въ положеніи за *ч*, *щ* также и въ концѣ словъ, т. е. писать безъ *ь*: толоч, ноч, печ, реч, точ в точ, навзнич, вещ, помощ».

V. «Передъ *ся* послѣ *т* въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ подкомиссія постановила сохранить написаніе *-ться*, какъ обнаруживающее связь этой формы съ формой неопредѣленнаго наклоненія на *-ть*, напр. делать—делаться, считать—считаться [1])».

VI. «Исключеніе изъ алфавита буквы *ѣ* выдвинуло вопросъ о желательности обязательнаго обозначенія звука *о* послѣ предшествующей мягкой согласной буквой *ё*, а не *е* (*тётка*, *вёл*, *рёбра*). Подкомиссія признала употребленіе буквы *ё* желательнымъ, но не обязательнымъ».

---

[1]) Въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ т о л о ч с я, у л е ч с я, у б е р е ч с я *ь* не пишется такъ же, какъ въ т о л о ч, л е ч, у б е р е ч (см. § IV).

VII. «Современное правописаніе не представляетъ желательнаго однообразія по отношенію къ передачѣ звуковъ *о* и *е* и различныхъ ихъ оттѣнковъ послѣ буквъ *ч*, *щ*, обозначающихъ согласныя всегда мягкія, и послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, обозначающяхъ согласныя всегда твердыя (*черный—чопорный*; *шелъ—шорохъ*; *желтый—жохъ*). Подкомиссія предположила передавать звукъ *о* подъ ударенiемъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ вполнѣ явственно слышится, буквой *о*: крючок, пчолка, чорный, печот, печонка, щолк, сщо, жорнов, жолтый, лжот, свежо, мешок, шол, шолк, шопот, лицо, яйцо; различные же оттѣнки звуковъ, являющіеся вмѣсто *о* и *е* въ слогахъ безъ ударенія послѣ *ч*, *щ*, *ж*, *ш*, *ц*, рѣшено передавать по прежнему черезъ *е*: пчела, чернослив, чертог, щенок, топорище, вышел, выше, желток, жернова, немцев, сердце».

VIII. «Современное правописаніе приставокъ отличается большою непослѣдовательностью: 1) въ приставкахъ *воз*, *из*, *низ*, *раз* въ силу фонетическаго начала пишутъ *с* передъ глухими согласными, по при этомъ исключаютъ *с*, передъ которымъ пишутъ *з*; 2) допуская фонетическое начало въ написаніи приставокъ *воз*, *из*, *низ*, *раз* не распространяютъ его на *без*, *чрез* и *через*, гдѣ *з* сохраняется въ письмѣ и передъ глухими согласными».

«Подкомиссія, имѣя въ виду устраненіе этихъ противорѣчій, признала правильнымъ написаніе *с* во всѣхъ указанныхъ приставкахъ передъ всѣми глухими согласными, напримѣръ: восприятие, рассудить, бесполезно, рассада, чересполосный и т. д.».

IX. «Въ склоненіи именъ прилагательныхъ, мѣстоименій прилагательныхъ и причастій мужескаго и средняго рода родительный падежъ единственнаго числа подкомиссія предположила въ твердомъ склоненіи писать *-ого* (слепого, доброго, первого, которого, самого, щитого, данного), въ мягкомъ *-его* (синего, волчьего, третьего, прочего, вещего, горящего, сравн. *синему*, *волчьему* и т. д.). При этомъ согласно съ § VII послѣ всегда твердыхъ *ж*, *ш*, *ц* предположено писать *-ого* при ударенiи на предпослѣдней гласной и *-его* въ положеніи безъ ударенія (чужбго, меньшбго, свежего, мéньшего, лучшего, куцего)».

«*Примѣчаніе.* Въ имен. и вин. пад. ед. ч. именъ прилагат., мѣстоименій прилагат. и причастій муж. р. подкомиссія въ виду сложности вопроса рѣшила остаться при существующихъ нынѣ правилахъ правописанія, т. е. писать, напр., добрый, синий, великий, ловкий, который, горящий, худой, городской».

X. «Въ окончаніи имен. и вин. пад. мн. числа именъ прилагательныхъ, мѣстоименій прилагательныхъ и причастій подкомиссія, имѣя въ виду существующія въ современномъ правописаніи окончанія *-ые*, *-іе*, предположила сохранить ихъ для муж. р. и распространить и на остальные роды, т. е. писать: добрые люди, тесные улицы, доблестные войска, глубокие моря».

XI. «Подкомиссія предлагаетъ ввести для всѣхъ трехъ родовъ написанія *они*, *одни*, имѣя въ виду произношеніе, господствующее въ литературномъ нарѣчіи. Согласно съ этимъ предположено писать для всѣхъ родовъ только *одних*, *одним*, *одними* (не *однех*, *однем*, *однеми*).

XII. «Подкомиссія предположила исключить изъ правописанія правило, требующее писать *ея* въ род. падежѣ».

XIII. «При переносѣ словъ подкомиссіей предположено ограничиться лишь слѣдующими правилами»:

«Согласная (одна или послѣдняя въ группѣ согласныхъ), непосредственно передъ гласной, не должна быть отдѣляема отъ этой гласной. Равнымъ образомъ группа согласныхъ въ началѣ словъ не отдѣляется отъ гласной».

«Буква *й* передъ согласной не должна быть отдѣляема отъ предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное *й* и группа согласныхъ на концѣ словъ не могутъ быть отдѣлены отъ предшествующей гласной».

«При переносѣ словъ, имѣющихъ приставки, предпочтительнѣе не переносить въ слѣдующую строку согласную въ концѣ приставки, если эта согласная находится передъ согласной, напр., лучше дѣлить *подходить*, а не *по-дходить*, *раз-вязать*, а не *ра-звязать*».

Въ концѣ Подкомиссія даетъ общія указанія относительно того, какого рода правила она предлагаетъ и какой характеръ имѣла ея работа.

«Въ заключеніе подкомиссія считаетъ не лишнимъ указать, что проектируемое ею упрощеніе правописанія не представляетъ собою какого либо исключительнаго новшества и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, упорядочить правописаніе путемъ устраненія изъ него различныхъ правилъ, введенныхъ искусственно и не основанныхъ на фактахъ языка ни въ его настоящемъ, ни въ его прошломъ (въ §§ VIII, IX, X, XI, XII, XIII»).

«Въ §§ II, III, IV подкомиссія предлагаетъ упрощеніе правописанія, вызываемое исключеніемъ изъ алфавита буквы ъ, какъ «твердаго знака».

«Въ § VII предлагается устранить изъ существующаго правописанія разнообразіе въ передачѣ однихъ и тѣхъ же звуковыхъ сочетаній».

«Такимъ образомъ осуществленіе всѣхъ предложеній подкомиссіи, конечно, не можетъ представить никакихъ затрудненій».

«Въ своихъ работахъ подкомиссія ограничилась только немногими предположеніями, не производя коренной ломки правописанія. Такъ, при обсужденіи различныхъ вопросовъ подкомиссіи не разъ приходилось признавать крайнюю желательность измѣненія принятой у насъ системы обозначенія мягкости согласныхъ не въ самой согласной, а въ слѣдующей за нею гласной (напр., въ написаніяхъ *тя*, *мя* и т. п.). Но такая реформа потребовала бы введенія новыхъ знаковъ и вызвала бы уже существенную ломку письма, и потому подкомиссія отказалась внести соотвѣтствующее предложеніе».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ бы ни отнеслась Комиссія къ окончательной работѣ Подкомиссіи, какъ бы ни отнеслось къ ожидаемымъ въ недалекомъ будущемъ постановленіямъ Комиссіи русское общество и власть, для орѳографическаго вопроса насталъ извѣстный конецъ. Теоретическая сторона вопроса объ упрощеніи правописанія выяснена вполнѣ самыми авторитетными лицами и учрежденіями. Дальше обращаться за рѣшеніемъ вопросовъ этого рода не къ кому и некуда. Со стороны теоретической осталось одно—изучать по этому вопросу мнѣнія спеціалистовъ, обсудившихъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Со стороны практической остается ждать и желать, чтобы учебныя вѣдомства дали разрѣшеніе употреблять въ школахъ новое правописаніе.

Частныя личныя попытки писать и печатать по новой орѳографіи—дѣлая это за свой счетъ и страхъ во всѣхъ смыслахъ этихъ словъ—конечно, должны помочь реформѣ. Такія попытки много помогутъ дѣлу, если будутъ проявляться часто и настойчиво. Уже и теперь есть кое-что напечатанное по новой орѳографіи. Такъ, въ Петербургѣ кружокъ «Азбука» издалъ по новому правописанію «Легенды и настроенія, П. Брюнелли», «Исторію Пугачевскаво бунта»; К. А. Сорокинъ издаетъ «Упрощённую русскую азбуку» (вышло 2 изданія). Особенно необходимо, чтобы при печатаніи по новой орѳографіи было единство въ разныхъ изданіяхъ. Въ этомъ случаѣ было бы практичнѣе всего держаться той орѳографіи, которую предложитъ академическая Комиссія.

На длинномъ пути, по которому шло утвержденіе современнаго правописанія, рядомъ съ установленіемъ тѣхъ или другихъ написаній, основанныхъ во множествѣ случаевъ лишь на силѣ деспотическаго обычая, уже болѣе полутора столѣтій производится научная оцѣнка всей системы русскаго правописанія и отдѣльныхъ его правилъ. Вслѣдствіе этой оцѣнки давно являлись попытки замѣнить несостоятельныя стороны и правила нашего правописанія такими, которыя оправдывались бы наукою о русскомъ языкѣ и не противорѣчили бы другъ другу. Слѣпыя привычки массы пишущихъ до сихъ поръ однако сохранили въ употребленіи старину, осужденную въ теоріи. Не должна ли она остаться и не останется ли навсегда?

Можно надѣяться, что если не теперь и не скоро, то настанетъ время, когда наша орѳографія будетъ приведена въ надлежащій порядокъ. Культурные народы одинъ за другимъ вводятъ у себя упрощеніе правописанія; если мы не сдѣлаемъ этого въ числѣ первыхъ, то, навѣрное, не откажемся сдѣлать въ ряду послѣднихъ. Кромѣ тѣхъ мнѣній, которыя въ этомъ смыслѣ высказаны и приведены у насъ раньше, сошлемся еще на мнѣніе объ этомъ выдающагося русскаго ученаго и замѣчательнаго знатока русскаго языка, покойнаго академика И. И. Срезневскаго, научный авторитетъ котораго великъ и въ теперешнее время. Объ упрощеніи орѳографіи онъ не писалъ, но не вполнѣ одобрялъ существующую, какъ произведеніе корректоровъ и Греча, и высказывался

въ смыслѣ реформы по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Напр., признавалъ ъ лишнею буквою (см. стр. 15). «Сила привычки», говорилъ покойный филологъ по вопросу объ измѣненіяхъ устарѣлыхъ правилъ о слитномъ и отдѣльномъ написаніи словъ, «такъ могуча, что иногда и знаешь, что слѣдовало бы писать не слитно, и хочешь писать раздѣльно, а все-таки пишешь слитно. Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что привычка должна всегда побѣждать, что подвергать ее обсужденію и осужденію нельзя и смѣть. Напротивъ въ борьбѣ разума съ привычкой ранѣе или позже все-таки побѣждать долженъ разумъ» («Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ», II, Спб. 1861, стр. 20).

Подобнымъ образомъ и покойный Я. К. Гротъ въ статьѣ, о которой здѣсь уже упоминалось на стр. 34—35, говоря о привычкѣ къ буквѣ ъ на концѣ словъ, замѣчалъ, что мы и къ цѣпямъ привыкаемъ, однако безъ нихъ чувствуемъ себя легче.

Правда, опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаетъ трудно ожидать орѳографическихъ измѣненій отъ тѣхъ лицъ, которыя овладѣли уже принятой орѳографіей. Люди, которые много пишутъ и печатаютъ, тоже часто не склонны принимать нововведенія въ правописаніи. Но представляется полная возможность провести новую орѳографію въ жизнь при посредствѣ школы. Настойчивость попытокъ ввести улучшенную орѳографію такимъ путемъ, расширеніе круга лицъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи вопроса объ орѳографіи, говорятъ за успѣхъ дѣла въ будущемъ.

За то же говорятъ и достаточное единство и опредѣленность предложеній. Дѣйствительно, если сравнимъ старыя мнѣнія и попытки упрощенія съ новыми, то должны будемъ признать, что орѳографическія нововведенія, которыя теперь предлагаются, и которыя смущаютъ многихъ лицъ какъ новшества, заключаютъ очень мало новаго. Почти все, что содержатъ современные проекты, опирается на теорію, давно извѣстную, а отчасти и на практику, правда не широкую, но давнюю и повторяющуюся иногда съ замѣтной настойчивостью, какъ это видно въ письмѣ безъ еровъ, въ неупотребленіи ѳиты.

Напр., въ московскомъ проектѣ упрощенія новыми являются только 2 предложенія: 1) писать послѣ *ж, ш, ц* всегда *ы*, и 2) уничтожить въ орѳографіи искусственную форму *ея*, которой нѣтъ въ живомъ языкѣ.

Продолжая сравненіе прошедшаго съ настоящимъ, можемъ замѣтить еще, что послѣднее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно отличается отъ стараго. Во-первыхъ тѣмъ, что на помощь учителямъ, для которыхъ вопросъ о той или другой орѳографіи имѣетъ особую важность, приходятъ все чаще и охотнѣе люди науки, вооруженные богатыми знаніями и строгими пріемами научнаго изслѣдованія. Второе, тоже очень важное обстоятельство—то, что орѳографическій вопросъ обсуждается коллективно: учеными, педагогами и другими прикосновенными къ нему людьми.

Нельзя не присоединить къ вопросу объ орѳографіи двухъ пожеланій. 1) Желательно болѣе широкое распространеніе всякихъ новыхъ сочиненій и сужденій по новой орѳографіи; до сихъ поръ публикѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо легче было познакомиться съ критиками проектовъ, чѣмъ съ самыми проектами. 2) Желательно также, чтобы составители

проектовъ новой орѳографіи старались по возможности примѣнять ее на практикѣ, что̀ необходимо для успѣха дѣла и для усовершенствованія проектовъ. При этомъ мы, конечно, имѣемъ въ виду практику *личную*, а не *школьную*.

Благопріятное разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи орѳографіи послужитъ къ великому облегченію учащихся въ школѣ дѣтей. Въ положеніи лица, преподающаго уже болѣе 25 лѣтъ этимъ дѣтямъ элементарную грамотность, мнѣ было бы вполнѣ естественно передать нѣсколько личныхъ впечатлѣній, наблюденій и мнѣній объ орѳографіи въ примѣненіи къ обученію. Но я полагаю, что единоличный опытъ и основанныя на немъ мнѣнія учащаго не важны тамъ, гдѣ имѣются опыты и мнѣнія нѣсколькихъ тысячъ учащихъ въ разныхъ концахъ Россіи. Имѣю смѣлость думать, что большинство опытовъ и большинство мнѣній сходны и составлены *не* въ пользу существующей орѳографіи.

Но не упущу случая высказать тѣ положенія объ орѳографіи примѣнительно къ обученію, которыя, какъ я въ этомъ вполнѣ увѣренъ, нашли бы себѣ подтвержденіе и поддержку во многихъ извѣстныхъ мнѣ лично учащихъ въ разныхъ губерніяхъ средней Россіи и въ Петербургѣ:

1) Усилія учащихъ вкоренить въ дѣтяхъ современную орѳографію являются почти безплодными. Первые шесть или семь лѣтъ обученія (начальная школа и слѣдующая за ней городская или, по старому, уѣздная) не достаточны для того, чтобы сдѣлать къ концу курса нашихъ учениковъ вполнѣ грамотными въ орѳографическомъ смыслѣ. Педагогическая теорія и практика не нашли такихъ методовъ, чтобы учащіеся успѣшно овладѣли *современною* орѳографіей въ указанный срокъ, кромѣ развѣ метода: «писать каждый день диктовки», или переписывать до тѣхъ поръ, пока дитя обратится въ машину, «пишущую правильно безъ всякаго сознанія».

2) Неуспѣхъ обученія правописанію въ низшей школѣ печаленъ особенно потому, что эта школа во многихъ случаяхъ ставитъ орѳографію главной и часто единственной цѣлью обученія родному языку. Такимъ образомъ недолгіе и дорогіе годы школьнаго ученія, послѣ которыхъ большинство нашихъ дѣтей живетъ внѣ образовательныхъ вліяній, теряются понапрасну.

3) Тамъ, гдѣ усиленнымъ трудомъ учителя учащіеся низшей школы достигаютъ ко времени выпускныхъ экзаменовъ недурной орѳографіи, большинство ихъ становится малограмотными въ первый же годъ по выходѣ изъ школы.

4) Усиленныя занятія правописаніемъ не дѣйствуютъ благотворно на умственное развитіе дѣтей и на умѣнье ихъ владѣть родною рѣчью въ разговорѣ и письмѣ.

5) Русскій языкъ, т. е. русская орѳографія, въ нашей школѣ самый трудный и нерѣдко самый непріятный предметъ для учителя и для ученика.

Что нибудь одно: или нужно признать огромное большинство учащихся неспособными къ ученью, такъ какъ они не усвоиваютъ теперешней орѳографіи, или нужно признать современную орѳографію настолько неупорядоченной, что ее невозможно усвоить безъ большого труда.

6) «Русское правописаніе» акад. Я. К. Грота, по своей крайней сложности, совершенно недоступно дѣтямъ въ первые 6-7 лѣтъ ученія, т. е. въ тѣ именно годы, въ которые необходимо овладѣть правильнымъ письмомъ, какъ этого согласно требуютъ и оффиціальныя программы и опытные педагоги.

7) Пользованіе руководствомъ Я. К. Грота затруднительно и для учащаго, благодаря сбивчивости, мелочности и необоснованности многихъ его требованій. Преподавателю невозможно обойтись безъ постоянныхъ справокъ съ Гротомъ, особенно при чтеніи ученическихъ работъ: запомнить все, что есть въ текстѣ его книги и въ словарѣ, возможно только при долгой практикѣ и безграничной вѣрѣ въ эту книгу, а пользоваться знаніемъ живого языка или знаніемъ того, что можно извлечь изъ филологическихъ сочиненій позднѣйшаго времени, опасно: какъ разъ будетъ не по Гроту, т. е. окажется ошибка. Съ другой стороны нужно имѣть въ виду и того преподавателя начальной школы, который не можетъ критически разобраться въ сложномъ содержаніи книги академика Грота. Не умѣя опредѣлить относительнаго значенія многочисленныхъ правилъ орѳографіи, онъ будетъ предъявлять или слишкомъ тяжелыя или произвольныя требованія во вредъ дѣлу и ученику [1]).

Можно думать, что дѣятельное обсужденіе орѳографическаго вопроса уже и теперь принесло не малую пользу. Оно выяснило многимъ ненаучность орѳографіи и второстепенное значеніе ея въ курсѣ русскаго языка. Найдутся такіе преподаватели, которые обратятся теперь въ дѣлѣ ученія *не къ русской буквѣ*, но вообще *къ русскому слову*. Эта задача указана еще Ломоносовымъ, который, говоря о необходимости при изученіи правописанія заниматься прилежно чтеніемъ книгъ, говоритъ, что безъ этого «во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (Грамматика, § 116). Мы горячо желаемъ, чтобы для нашей школы скоро настало время упражненій и изученій *всего* русскаго слова, а не одного мертваго его остова!

...библиотечный аб...
...ковской обл. библ...

[1]) Намъ нѣтъ нужды указывать въ данномъ случаѣ на мѣста, лица или свидѣтельства свѣдущихъ людей. Существованіе учащихъ, которые, можетъ быть, и сами не овладѣли всѣми тонкостями нынѣшней орѳографіи, можно доказать косвеннымъ путемъ. Установлено, что первые 6-7 лѣтъ ученья не даютъ абсолютной грамотности, и извѣстно, что законъ, напр., предоставляетъ право преподаванія въ начальныхъ училищахъ лицамъ, окончившимъ 3-классную женскую прогимназію, т. е. проучившимся не болѣе 6-ти тѣтъ и прошедшимъ курсъ наукъ меньшій, чѣмъ проходится въ городскихъ училищахъ М. Н. П. по Положенію 31 мая 1872 года.

СЕРПУХОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Оглавленіе.

Стран.

Предисловіе ко 2-му изданію 3

I. Современное состояніе русскаго правописанія . . . . 5—14

Орѳографія академика Я. К. Грота. Трудность ея усвоенія . 5
Главные недостатки современной орѳографіи 12

II. Историческій очеркъ вопроса объ упрощеніи правописанія . . . . . 14—91

Мнѣнія ученыхъ о лишнихъ буквахъ азбуки 14
Задачи орѳографической реформы 25
Возникновеніе вопроса объ упрощеніи правописанія 26
Проектъ орѳографическихъ собраній 1862 года 27
Проекты М. А. Тулова, Р. Ѳ. Брандта и г. В. Куницкаго 35
Проектъ В. П. Шереметевскаго 40
Проектъ Московскаго педагогическаго общества 43
Проектъ академика Ѳ. Е. Корша 46
Проекты педагогическихъ обществъ Казанскаго и Одесскаго 50
Комиссія при Академіи Наукъ 53

Заключеніе . . . . . 92—95